

ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

SEC «Middle East studies»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editors A.V. Gladishev

Based in 2010 year

ISSUE 26

Saratov State University
2023

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 26

Саратовский государственный университет
2023

УДК 94(100)[15/19](082)

ББК 63.3(0)5я43

И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. – Вып. 26. – 210 с.

В представленном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической науки.

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *И.В. Крючков*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.С. Еремин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор *С.Ю. Монахов*

УДК 94(100)[15/19](082)

ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

Сухарев И.Г. (Саратов).

О применении фракталов в гуманитарных науках 9

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

Гладышев А.В. (Саратов).

Партизанское движение в Вогезах в 1814 году. 27

Вихорев А.А. (Саратов).

«Непревзойденный цветок» Уильяма Вордсворта: «нация» глазами английского поэта эпохи романтизма..... 52

Богомолов С.А. (Ульяновск).

Античные образцы в теории британского империализма лорда Кромера 63

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

Кочукова О.В., Кочуков С.А. (Саратов).

«Высокополезное для Саратова предположение»: материалы переписки А.П. Боголюбова и разных лиц об открытии Радищевского музея в фондах Государственного Архива Саратовской Области 79

Дубинин И.В., Иванцов И.Г. (Краснодар).

Из переписки Иоанна Федоровича Лозы и его сына Кирилла с Иваном Диомидовичем Попко. 1870 год 97

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Мякшев А.П. (Саратов).

Идеологический переворот второй половины 1930-х гг. в СССР и проблемы социокультурной идентичности советского человека 105

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

Калашиников М.В. (Саратов).

Троп «Аркадия» в дискурсивных практиках Н.М. Карамзина и
«Арзамас» 118

ПУБЛИКАЦИИ

Зайцев М.В. (Саратов).

«Происходит ли эволюция большевизма?»: граф В.Н. Коковцов
о Новой экономической политике 134

Пинчук Ю.Я., Пинчук Ю.С. (Салехард).

Так начиналось депо Петров Вал 157

Родионов А.В. (Саратов).

О ложном позиционировании российской демократической оп-
позиции в электоральном цикле 2016–2018 годов 163

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Степанов Ю.Г. (Саратов).

«Минуя нас, судьба вершит дела...» (О книге «История одной се-
мьи») 177

Синицын А.А. (Санкт-Петербург).

Историки, историография и историко-риторический агон: со-
поставление классических эллинских писателей в «Письме к
Помпею» Дионисия Галикарнасского (Часть 2) 186

Список аббревиатур и сокращений 207

CONTENTS

HISTORICAL MEMORY: THE PROBLEMS OF THEORY AND THE QUESTIONS OF PRACTICE

- Sukharev I.G. (Saratov).*
On the use of fractals in the humanities... 9

THE MEMORY ABOUT CONFLICT OR THE CONFLICTS OF MEMORY

- Gladyshev A.V. (Saratov).*
The partisan movement in the Vosges in 1814 27
- Vihorev A.A. (Saratov).*
William Wordsworth's «unrivalled flower»: "nation" in the views of
the english romantic poet..... 52
- Bogomolov S.A. (Ulyanovsk).*
Antique examples in the theory of British imperialism by Lord
Cromer 63

HISTORICAL MEMORY AND «LOCAL HISTORY»

- Kochukova O.V., Kochukov S.A. (Saratov).*
“Highly useful assumption for Saratov”: correspondence materials of
A.P. Bogolyubov and different persons about the opening of the
Radishchev museum in the foundations of the State Archive of the
Saratov Region..... 79
- Dubinina I.V., Ivantsov I.G. (Krasnodar).*
From the correspondence of John Fedorovich Loza and his son Cyril
with Ivan Diomidovich Popko. 1870..... 97

HISTORY, POWER, AND MASS CONSCIOUSNESS

- Myakshev A.P. (Saratov).*
The ideological upheaval of the second half of the 1930s in the USSR
and the problems of the socio-cultural identity of the soviet
man..... 105

IMAGES OF HISTORICAL EVENTS IN LITERATURE, PAINTING, CINEMA

Kalashnikov M.V. (Saratov).

The trope of Arcadia in the discourse practices of N.M. Karamzin and
«Arzamas» 118

PUBLICATIONS

Zaitsev M.V. (Saratov).

«Is the evolution of Bolshevism taking place?»: Count V.N. Kokov-
tsov on the New Economic Policy ... 134

Pinchuk Y.Ia., Pinchuk Y.S. (Salekhard).

This is how the Petrov Val depot started... 157

Rodionov A.V. (Saratov).

About the false positioning of the Russian democratic opposition in
the 2016-2018 electoral cycle..... 163

SURVEYS, REVIEWS, ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

Stepanov Yu.G. (Saratov).

«Bypassing us, fate decides things ...» (About the book «The History
of One Family»)..... 177

Sinitsyn A.A. (Saint Petersburg).

Historians, historiography and historical-rhetorical agon: on the jux-
taposition of Hellenic writers in the *Epistula ad Pompeium* by Diony-
sius of Halicarnassus (Part 2)... 186

The list of abbreviations and reductions 207

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

УДК 930.2

О ПРИМЕНЕНИИ ФРАКТАЛОВ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

И.Г. Сухарев¹

Саратовский Земский философско-гуманитарный клуб
e-mail: zemoboz@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена представлениям о фрактале в коллективном социальном интеллекте представителей гуманитарных наук. Механический перенос того, что «работает» в естествознании, в область гуманитаристики нередко не даёт ожидаемого результата, попытки решить поставленную проблему иногда её не проясняют, а затуманивают. Простое мышление редуцирует фрактал до самоподобия. Фрактальное мышление в гуманитарных науках иногда сводится к симулятивной метафоричности – красивой, но не имеющей когнитивной ценности. Делается вывод о сходстве и различии фрактального метода и метода аналогий.*

Ключевые слова: Фрактал, аналогия, самоподобие, дробная размерность, фрактальность как концепт синергетики, концептуальный фрактал, методология.

ON THE USE OF FRACTALS IN THE HUMANITIES

I.G. Sukharev

(Saratov, Russia)
e-mail: zemoboz@mail.ru

Annotation. *The article is devoted to the ideas of the fractal in the collective social intelligence of the humanities representatives. The mechanical transfer of natural science concepts into the field of humanities often does not give the expected result, attempts to solve the problem sometimes do not clear it up, but obscure it. Ordinary thinking reduces the fractal to self-similarity. Fractal thinking in the humanities is sometimes reduced to a simulative metaphor – beautiful, but without cognitive value. The conclusion is made about the similarities and differences of the fractal method and the method of analogies.*

Key words: Fractal, analogy, self-similarity, fractional dimension, fractality as a concept of synergetics, conceptual fractal, methodology.

Для меня интерес к фракталам связан с обсуждением одной из идей книги Сергея Васильевича Макарова «Великорусская

---

¹ Сухарев Игорь Геннадиевич (Саратов), директор издательства «Земское обозрение», эксперт Саратовского Земского философско-гуманитарного клуба.

социоматериальная матрёшка» (проектный подход к будущему)². Книга весьма интересная, применение в ней теории фракталов в интерпретации ряда представителей гуманитарных наук, на коих ссылается автор, и побудило к размышлениям.

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПЕРЕНОС ИДЕЙ

В коллективной памяти ещё сохранилось относительно древнее (40-летней давности) представление о фрактале как об исключительно математическом термине. Полюбившийся публике термин ускользнул из-под опеки автора, что часто случалось в истории, и стал объектом рефлексии исследователей из самых разных отраслей знания, что не могло не привести к наполнению его новыми смыслами, преобразовавшими социокультурный образ термина весьма радикально. Интересно взглянуть, какими складываются сегодня представления о фрактале в коллективном социальном интеллекте представителей гуманитарных наук.

Как только физик, биолог или другой учёный представитель естественных наук разработает некую интересную теорию или методику, её немедля утащит и попробует применить в сфере своих профессиональных интересов учёный представитель наук социально-гуманитарных. Процесс межотраслевой диффузии идей известен со времён Ньютона, и вот что примечательно:

1. Обратный процесс (от гуманитариев — к естественникам) менее нагляден. Разве что можно вспомнить значение общей культуры в процессе формирования научной парадигмы, а также популяризацию научных достижений через литературные нарративы.

2. Часто приспособление естественнонаучной теории или методики к гуманитарным дисциплинам происходит непринуждённо и с пользой, как было с физической теорией пространства-времени или методиками компьютерной обработки данных. Хотя, и здесь не всё гладко. Например, «Новая экономическая история» или клиометрия в своё время была придумана для обработки больших массивов источников и решения глобальных задач. Сегодня клиометристы признаются: узость постановки проблемы и ограниченные хронологические рамки исследования — та цена, которую мы платим за достоверность выводов, а результат иногда удивляет. Гуманитарии, в том числе историки, действительно много заимствуют из естественнонаучного знания. Неслучайно историческую науку иногда называют «клептоманкой»: сложно найти ту отрасль знания, откуда

---

² Макаров С.В. Великорусская социоматериальная матрёшка. М., 2022.

историки и археологи чего-то не позаимствовали и не попытались приспособить к своим изысканиям (от концептуальных моделей до конкретных методик). Требование междисциплинарности для исследования, автор которого претендует на статус кандидата наук, стало сегодня уже едва ли не «общим местом», «банальностью номер два». Но проблема в том, что механический перенос того, что «работает» в естествознании, в область гуманитаристики нередко не даёт ожидаемого результата, попытки решить поставленную проблему её иногда не проясняют, а затуманивают. Умножение философских (методологических, науковедческих и прочих) дискурсов порой выливается в обыкновенную «игру слов» без игры смыслов. Интеллектуальное магнето крутится, тепло авторами выделяется, а света в конце тоннеля всё нет.

ФРАКТАЛ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

Что такое фрактал в естествознании? Сегодня термин употребляется в трёх основных смыслах.

Во-первых, фрактал в Природе, или «естественный фрактал». Бенуа Мандельброт писал: «Словосочетание фрактальное множество мы впоследствии определим строго, сочетания же естественный или природный фрактал я предполагаю применять более свободно для обозначения естественных структур, которые с той или иной целью могут быть представлены в виде фрактального множества. Например, броуновские кривые являются фрактальными множествами, а броуновское движение мы назовём природным фракталом»³. Мне лично более нравится физическое определение фрактала, которое дал А.А. Потапов: «Фракталы – это геометрические объекты (линии, поверхности, тела), имеющие сильно изрезанную структуру и обладающие свойством самоподобия (скейлинг в ограниченном масштабе)»⁴.

Во-вторых, фрактал понимается как математическое описание естественного объекта. Приведу математическое определение фрактала того же А.А. Потапова: «Фрактал – это функциональное отображение или множество, получаемое бесконечным рекурсивным процессом и имеющее следующие свойства: (1) самоподобие или масштабную инвариантность (бесконечный скейлинг), то есть

---

³ Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М., 2002. С. 18

⁴ Потапов А.А. Размышления о фрактальном методе, методе дробных интегралов и фрактальной парадигме в современном естествознании (Из записных книжек автора) // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. 2012. Т. 4. № 1. С. 103 - 142.

фракталы на малых масштабах выглядят в среднем так же, как и на больших; (2) дробную размерность (называемую размерностью Хаусдорфа) строго большую, чем топологическая размерность; (3) недифференцируемость и оперирование дробными производными и интегралами»⁵.

Размерность (как правило, выраженная дробным числом) является количественной характеристикой фрактала, или мерой сложности, указывающей на степень заполнения объектами доступного пространства.

В-третьих, фракталом называют один из видов процедуры упорядочения хаоса, а точнее, один из видов методик научного исследования – фрактальный анализ, фрактальное моделирование. Методика заключается в моделировании естественного объекта исследования, то есть в представлении его в качестве геометрического множества точек, кривых линий, диаграмм и т. п., и затем выяснении его размерности. К полученной модели применяют различные (признаюсь, мне абсолютно непонятные) инструменты, как-то: поле для подсчёта, лакунарность анализа, анализ детрендированных флуктуаций, метод абсолютных значений Хёрста, клеточно-автоматную модель и прочие. В результате исследователь получает новое знание о естественном объекте: его описание, объяснение свойств, предсказание поведения и т. п.

Пример. Много лет проводя фрактальный анализ валютного и фондового рынков, Бенуа Мандельброт, Ричард Хадсон, Эдгар Петерс, Билл Вильямс и другие в ряде независимых работ установили, в частности, что рыночные диаграммы всегда обладают фрактальной размерностью $1 < D < 2$, обладают свойством масштабной инвариантности, разные временные интервалы самоподобны, образуют определённую структуру, обладающую уникальными свойствами. В результате пришли к выводу, что рыночные фракталы обладают «памятью» о своих «начальных условиях», и будущие цены рынка зависят от прошлых изменений (хотя, локально процесс ценообразования случаен)⁶.

Итак, фракталом можно назвать инструмент, который математики придумали для описания, объяснения и предсказания геометрически неправильных и фрагментированных форм в Природе – не всех, а лишь тех, которые обладают определёнными свойствами. Их, эти формы, тоже называют фракталами.

---

⁵ *Потанов А.А.* Размышления о фрактальном методе... С. 103.

⁶ *Алмазов А.А.* Фрактальная теория рынка «Форекс». М., 2009. С. 10-13.

ФРАКТАЛ В ОБЫДЕННОМ ПОНИМАНИИ

Время людей «эпохи Возрождения», когда ценилась эрудиция или «всезнайство», прошло. Сегодня, с одной стороны, междисциплинарный подход требует синтеза различных знаний, а, с другой – идёт неумолимый процесс дефрагментизации знаний, требуются специалисты всё более узкого профиля. Все мы специалисты лишь в одной или нескольких сферах, получив соответствующее образование и/или опыт работы. Энциклопедистов давно уничтожила специализация. Специалист решает возникшую проблему, обращаясь к своим теоретическим познаниям и вправе рассчитывать на то, что его ответ будет максимально верным. Вне своих профессиональных интересов мы при решении возникшей проблемы обычно применяем не теоретическое, а практическое мышление. Нам нужен не теоретически верный, а практически полезный ответ, поэтому применяем «здравый смысл» (при том, что у каждого он свой), опираясь на интуитивное, целостное понимание объекта. Практическое мышление весьма действенно, именно оно обеспечивает жизнедеятельность человечества.

Особенностью практического мышления является восприятие самой яркой, значимой для нас здесь и сейчас, характеристики объекта как его наиболее главной, существенной характеристики. Например, если мы желаем некий объект переместить, то главными характеристиками в известных нам измерениях будут вес и объём. А если мы желаем тот же самый объект съесть, то главными становятся его вкус и калорийность.

Так же возникает обыденное понимание фрактала: из всех его свойств наиболее ярким и заметным становится лишь одно – самоподобие. Для остального требуется изучение геометрии и вообще математики, знание основ топологии, поэтому «размерность» и «дробная размерность», «нерегулярность», «недифференцируемость» и прочие термины вместе с ими обозначаемыми явлениями остаются за пределами внимания.

То есть, «самоподобие» становится практическим синонимом «фрактала». Можно сказать, что обыватель неосознанно проводит логическую операцию абстрагирования от всех иных характеристик (с его точки зрения, несущественных) фрактала, кроме самоподобия, и замещает фрактальный природный объект его идеализированной формой с одной-единственной характеристикой – самоподобием. Иначе говоря, редуцирует фрактал, сводя сложное к простому.

Таким образом, эта первая особенность обыденного понимания фрактала связана с простым мышлением обывателя, нежеланием и отсутствием привычки или отсутствием необходимости мыслить сложно.

Вторая особенность прямо связана с первой. Если природный объект преобразован мышлением в теоретический конструкт, то есть, в идеализированный объект с заранее установленными свойствами, в случае фрактала — с единственным свойством, «самоподобием», то его можно применить к любому объекту, предположительно этим свойством обладающим.

В результате фракталом называют любой объект, который потенциально может быть представлен в качестве фрактала. Поскольку объект здесь понимается как философская категория, выражающая нечто интересное субъекту (наблюдателю), и поскольку почти каждый объект в принципе может быть воображён в качестве фрактала, постольку фракталом сегодня называют вообще всё что угодно.

Здесь оговорюсь. Действительно, в некоторых масштабах или в некотором временном промежутке очень многое можно представить как фрактал. Г.С. Розенберг из самарского Института экологии Волжского бассейна РАН, пишет: «Реальные объекты имеют довольно чётко ограниченный интервал масштабов, в которых они проявляют свою фрактальную природу»⁷. Для одних этот интервал может содержать масштабы порядка долей микрометра, для других — порядка километра или десятков километров. Соответственно, за пределами этого интервала масштабов природный объект не обладает свойствами фрактала.

Например, кирпич в качестве прямоугольного параллелепипеда является простым, правильным объектом и исчерпывающе описывается евклидовой геометрией. Однако, при значительном увеличении даже у обычного — нефактурного, нефасонного полнотелого кирпича, можно заметить неправильные формы рёбер, граней, внутренней структуры. Они-то и могут быть описаны фрактальной геометрией и подвергнуты фрактальному анализу. Однако, пока этого не сделано, кирпич вместе со своими элементами остаётся в нашей картине мира простым кирпичом.

Вообще, нет и в принципе не может быть возражений против расширенного понимания фракталов под лозунгом «Мир фрактален, и всё в нем фрактал!». Например, любопытна гипотеза о

---

⁷ Розенберг Г.С. Фрактальные методы анализа структуры сообществ // Принципы экологии. 2018. № 4. С. 14.

бесконечной Вселенной, понимаемой как бесконечно вложенные друг в друга фракталы. Почему нет? Разумеется, каждый автор вправе выдвигать смелые гипотезы, измышлять оригинальные конструкции и присваивать имена, фантазировать на любые темы произвольно. Вопрос лишь в практической пользе умозрительного теоретизирования и, в конечном счёте, в продвижении человечества по пути познания.

«ФРАКТАЛ» – ЭТО «ЭВОЛЮЦИЯ»?

Приведу слова В.Э. Войцеховича из Тверского госуниверситета: «В сущности, фрактал является главной стадией эволюционирующей системы, поскольку сам процесс эволюции системы (физической, биологической, социальной) и есть дробное, самоподобное переходное состояние-процесс. <...> Правильно воспринимать мир как становящийся, непрерывно изменяющийся процесс, состоящий также из множества становящихся вещей-процессов, которые (переходя уже на научный язык) и называются фракталами»⁸.

Предварительное замечание – в этой фразе видно обыденное понимание фрактала, где он редуцируется до примитивного самоподобия, а слово «дробное» В.Э. Войцехович (как и многие другие гуманитарии) хоть и употребляет, но относит его не к размерности описываемого объекта, а к его внешнему облику.

Что же такое фрактал, по В.Э. Войцеховичу? В одном случае это «главная стадия эволюционирующей системы», в другом – «множество становящихся вещей-процессов», из которых состоит процесс становления мира. Пока непонятно? Далее он поясняет, что эволюционирующая материальная система-процесс может быть представлена состоящей из 3-х частей-стадий. Система-процесс, она же фрактал, существует лишь во 2-й части-стадии, а в первой и последней системы-процесса нет «ещё» или «уже», их В.Э. Войцехович понимает как предельные состояния фрактала. Тут явно логическое противоречие: хотя она в целом и состоит из 3-стадий, но существует-то лишь в одной из них!

Ладно, зато понимание В.Э. Войцеховичем фрактала проясняется: это обозначение всех и любых переходных процессов между «рождением» и «смертью» системы. Иначе говоря, известному понятию «эволюция» (естественный процесс развития живой природы)

---

⁸ Войцехович В.Э. Синергетическая концепция фракталов (социальные и философские основания) // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 143.

он просто-напросто присваивает второе имя — «фрактал», приравнивая одно к другому.

В.Э. Войцехович заявляет о своей приверженности концепции универсальности фракталов, согласно которой каждый объект природы содержит фрактал или проходит фрактальную стадию, доказывая следующим: «в сущности, фракталы присутствуют везде, где есть движение, а оно – атрибут, неотъемлемое свойство материи». По его мнению, это «общенаучное, а может быть, и философское понятие». Утверждение логичное, если фрактал есть эволюция, тождественен ей, ничем от эволюции не отличается, как считает В.Э. Войцехович. Но, далее он переходит к определению свойств фракталов и логика в его рассуждениях исчезает.

Ведь эволюция — это, по определению, процесс. А свойства фрактала он относит к вещам или системам.

Первое свойство, по его мнению, таково: фрактал есть «сетевое образование, существующее среди себе подобных объектов и связанное с ними. Это «мягкая» неустойчивая система, то есть, она всё время изменяется, находится в процессе эволюции, в переходном, быстро преходящем состоянии»⁹.

Получается лихое умозаключение: эволюция находится в процессе эволюции. Далее В.Э. Войцехович называет ещё несколько свойств фрактала (прежде всего, самоподобность — куда без неё!), которые также относит именно к вещи, а не к процессу и даже не к такому труднообъяснимому объекту как «вещь-процесс».

В другой своей работе В.Э. Войцехович приравнивает фрактал к хаосу: «Фрактал — это неустойчивая, нестабильная, переходная структура эволюционирующей системы. Специфика такой структуры состоит в её «промежуточности», она находится в области «между», в хаотической области — между двумя устойчивыми состояниями»¹⁰.

Попробую применить вышеизложенные идеи В.Э. Войцеховича к произвольно взятой системе, например, к Древнему Риму. Даты «рождения» и «смерти» известны: VIII век до н.э. - V век, следовательно, в этом промежутке времени Древний Рим как фрактал должен представлять собой, по методике автора:

---

⁹ Войцехович В.Э. Синергетическая концепция фракталов. С. 144.

¹⁰ Войцехович В.Э. Кризис в развитии общества как фрактал. Синергетическая парадигма: Социальная синергетика: сб. ст. / ред.-сост.: Астафьева О.Н., Буданов В.Г. М., 2009. С. 308.

-эволюционирующую материальную систему-процесс, переходный процесс между «рождением» и «смертью» системы,
-сетевое образование среди себе подобных объектов и связанное с ними,
-«мягкую», неустойчивую, нестабильную, переходную структуру эволюционирующей системы.

Нет возражений против тривиальной мысли о том, что сложные системы эволюционируют. В целом же всё это напоминает худшие образцы альтернативной истории. Не великая мировая империя, не эпоха наивысшего расцвета античной цивилизации, когда по выражению Теодора Моммзена намечены были все пути, по которым с тех пор и идёт человечество. Нет, - всего лишь переходный процесс, мягкий кусочек Хаоса на протяжении 13-ти веков между столпами Порядка: племенами этрусков и варваров-германцев! Такой фрактал нам не нужен...

Главная ущербность концепции В.Э. Войцеховича не в указанных противоречиях, а в том, что ведёт в тупик. Допустим, мы согласны – эволюция (или, точнее по автору, главная стадия эволюционирующей системы) есть фрактал, и что дальше? Ничего. Никакого нового знания в результате мы не получили. В сущности, произведена не мыслительная операция, а процедура имянаречения.

В.Э. Войцехович не только не произвёл фрактального анализа «эволюции», не построил её фрактальную модель, но даже не указал подходы к возможности такового.

Следуя его примеру, любой может назвать фракталом по тем же основаниям что угодно: революция, или ассимиляция, или конкуренция чем вам не фрактал?

Словоблудие – грубое слово, некорректное... Н.В. Клепиковская из Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (филиал в г. Северодвинске) назвала этот процесс словотворчества более изящно: метафорический перенос¹¹.

Вслед за ней Л.В. Молчкова из самарского университета «МИР» выделила два подвида метафорического переноса как вида аналогового переноса: (1) концептуальный и (2) симилятивный. За концептуальной (по существу, понятийной) метафорой Л.В. Молчкова признаёт когнитивную ценность, а вот в случае с симилятивной

---

¹¹ Клепиковская Н.В. Метафорический перенос как средство формирования технических терминосистем // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 85-86.

метафорой таковой нет, так как «сопоставляются референты, аналогия между которыми является не столь глубокой и существенной»¹².

Симилиативная метафоричность основана на несущественных или поверхностных «признаках, свойствах и аналогиях, устанавливая скорее эстетические и эмоциональные связи, что больше говорит о красоте и образности метафоризации фрактальности, чем о научных или методологических основаниях»¹³, - хорошо сказал Р.В. Хандогин из Новосибирского ГТУ.

КОНЦЕПТ КАК СЛОВОБЛУДИЕ

Пример эмоциональной образности я усматриваю в рассуждениях М.В. Максимовой из Южно-Российского ГПИ. Один из 5-ти тезисов исследования, единственно относящийся к нашей теме, приведу полностью: «Фрактальность как концепт современной синергетики позволяет рассматривать бытие с точки зрения масштабной инвариантности или самоподобия элементов. Разновидностью фрактального концепта является широко используемый в сфере эстетики принцип симметрии (золотого сечения), детерминирующий представления об эстетической составляющей универсума. Фрактал как теоретический конструкт процесса эволюции представляет собой когнитивный инструмент описания различных уровней организации универсума. Понимание аттрактора в социогуманитарных системах с точки зрения его фрактальной природы позволяет объяснить его «структурное наполнение» и дает возможность говорить о возможности «управления» сложными синергетическими системами. Это имеет смысл при введении в синергетический инструментальный тезаурус нового понимания управления как устремлённости в область действия конкретного аттрактора, что открывает перспективу корректирования последствий самоорганизации в соответствии с желаемыми целями»¹⁴.

По утверждению М.В. Максимовой, фрактал (чаще она предпочитает говорить о «фрактальности») — это одновременно: концепт синергетики, конструкт и атрибут эволюции, инструмент описания. Судя по словоупотреблению, все эти понятия являются синонимами.

---

¹² Молчкова Л.В. Виды семантического переноса во фразеологии. Вестник ОГУ № 11 (160). 2013. С. 136

¹³ Хандогин Р.В. Фрактальность как свойство, способ и сущностная характеристика самоорганизации. // Контекст и рефлексия: Философия мира и человека. 2019. Т. 8. С. 210.

¹⁴ Максимова М.В. Системообразующие концепты современной синергетики, автореферат диссертации. М., 2010. С. 8, 17-20.

Что же фрактал в этом понимании «позволяет» свершить? Им можно: рассматривать бытие, детерминировать представления, описывать организацию универсума, объяснить усложнение процессов.

Теперь, когда мы узнали имя существительное и употребляемые в связи с ним глаголы (что есть фрактал и что им делают), осталось понять, как чудесный инструмент функционирует. Конечно, мы понимаем, что сам по себе фрактал как концепт ничего не «позволяет» ввиду отсутствия у него воли, но не будем придирааться и поймём интенцию М.В. Максимовой как намерение или пожелание этот самый фрактал как-то использовать. Как? К сожалению, никакой методики она не предлагает. Не названы ни способы, ни приёмы исследования, ни порядок их применения, ни процедуры интерпретации полученных с помощью фрактала данных. Таким образом, её утверждение о том, что фрактал как концепт якобы «позволяет» то-то и то-то, и ещё вон то, остаётся голословным, и поэтому созидательного смысла в этом утверждении нет.

Есть лишь обыденное представление о том, что фрактал — это принцип самоподобия, и что принцип этот якобы универсален для бытия.

Последний тезис легко опровергнуть тем, что, например, такой известный элемент бытия как человек не является фракталом. Хотя, отдельные элементы самого человека (кровеносная и дыхательная системы, например) считаются классическими фракталами, их увеличение в любом масштабе не даст человека. То есть, человек и его составные части несамоподобны. Так же увеличение или уменьшение в любом масштабе самого человека как биологического объекта с определёнными геометрическими характеристиками (рост, объём и т. п.) не даст нам ничего, кроме фантастической иллюстрации к роману Джонатана Свифта о путешествиях Гулливера.

Другое дело, если рассматривать человека не как реальный природный (биологический) объект, а как эзотерическую эманацию универсума, представленную в нематериальном сосредоточении разума и духа. Именно так его рассматривают А.Г. Маджуга из Стерлитамакского филиала Башкирского госуниверситета, И.А. Синицина из РГАУ-МСХА имени Тимирязева, Л.Н. Уварова из Стерлитамакской государственной педагогической академии, упирая на «информационную составляющую каждой отдельной клетки», «голографичность его информационных систем», «элементы, систематизирующие информационные взаимосвязи, <...> во всех органах и

системах организма человека», и рисуя образ человека как информационной системы, взаимосвязанной со Вселенной¹⁵.

При этом подходе возможно вообще всё, потому что каждая идея, в том числе идея человека, по своей идеальной форме (независимо от содержания) равна любой другой идее. Однако, об этом продуктивнее говорить не на языке математики, а на языке теософии, религии, теологии, а там фракталы пока не прижились и мало уместны.

ФРАКТАЛ – ПАРАДИГМА ИЛИ КАТАЛОГ?

«Фрактал» превратился в одно из наиболее популярных понятий в (пост)постмодернистском исследовательском поле. В определённом смысле фрактальная концепция начала претендовать на парадигмальный статус в науке нового столетия¹⁶, – утверждает Е.В. Николаева из РГУ им. Косыгина.

О парадигме ниже, потому что основа представлений Е.В. Николаевой о фракталах традиционна. Фундаментальным значением фрактальной геометрии она считает другой «тип визуализации и концептуализации действительности», с чем я согласен. Из четырёх выделенных Е.В. Николаевой типов фракталов в городской культуре большинство (три) математические: геометрические, алгебраические, стохастические, и каждому из них она приводит в соответствие изображения объектов архитектуры. Правда, и здесь заметна указанная выше особенность обыденного понимания фрактала, по которому фракталом называют любой объект, который потенциально может быть представлен в качестве фрактала: «Фрактальное подобие в получившихся визуализациях может быть не столь очевидным, но оно, несомненно, присутствует и выявляется визуально или аналитически»¹⁷.

А вот последний, четвёртый тип фракталов в городской культуре, по Е.В. Николаевой, как раз и относится к «(пост)постмодернистскому исследовательскому полю», являясь «фракталами ментального и социокультурного характера». Предварительно отвергнув по разным мотивам названия этого типа фрактала, которые дали Пол Даунтон, С.Д. Хайтун, Т.Б. Бонч-Осмоловская (соответственно: культурный, непространственный, семантический и нарративный), она предлагает называть их «концептуальными».

---

¹⁵ Маджуга А.Г., Синицина И.А., Уварова Л.Н. Здоровье человека как многомерный феномен: фрактальный подход // Здоровье и образование в XXI веке. 2015. Т. 17. № 4. С. 293-294.

¹⁶ Николаева Е.В. Фракталы городской культуры. СПб., 2014. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 17.

Обоснование выделения данного типа фрактала она даёт через подобие: «подобие <...> выражается <...> на уровне идей и концептов»¹⁸. Наглядны приведённые Е.В. Николаевой примеры «концептуальной фрактальности»:

1. Здание в виде плетёной сумки – в нём офис компании по производству корзин и плетеных изделий – в этом же здании сумки как образцы продукции и личные сумочки работниц.

2. Здание (частный дом) в виде ботинка – его хозяин владеет и обувной фирмой – в этом здании ботинки его владельца и других обитателей.

3. Сверхцентрализованная схема государственного управления включает в себя фрактальный паттерн – концентрическую средневековую планировку Москвы.

4. Концептуальный фрактал «День Победы» включает в себя фрактальные паттерны: красное знамя над Рейхстагом, георгиевская ленточка, орден Победы, «9 мая».

Что объединяет эти несхожие объекты, ведь они, признаёт Е.В. Николаева, «абсолютно различны в плане выражения»?

Они, уверена Е.В. Николаева, «имеют безусловное сходство, или подобие, в плане содержания». Или так: «Более того, любой социокультурный объект на каждом из множества самых разных иерархических уровней культуры – от государственного устройства до индивидуальной моды, от планировки города до способа упаковывать подарки и т. д. – символически являет собой самоподобную модель своей культуры. Важно иметь в виду, что подобие не означает абсолютной идентичности, речь идёт о некотором принципиальном сходстве, которое может проявляться пространственно или концептуально»¹⁹.

Нетрудно заметить, что цитируемые выше примеры так называемых «концептуальных фракталов» Е.В. Николаевой представляют собой не фракталы, а лишь аналогии. Они не самоподобны, у них сходны отдельные признаки. Владелец дома в виде ботинка сам на ботинок не похож, их геометрические параметры различны. Признак, по которому Е.В. Николаева объединила их в один фрактал – концепт обуви. Как бы «концепт», а на самом деле не содержание понятия «обувь», а те архитектурный и юридический факты, что и дом-ботинок, и его владелец имеют отношение к обуви. Если так, то напрасно Е.В. Николаева остановилась на включении в

---

¹⁸ Николаева Е.В. Фракталы городской культуры. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 13.

придуманной ею «фрактал» лишь трёх случайно выбранных объектов. Ей следовало бы или обосновать причины исключения из него остальных объектов, соответствующих избранному ею же критерию, или быть последовательной и включить в «концептуальный фрактал» всё, что имеет отношение к обуви: фабрики-производители кроссовок, торгующие босоножками магазины, дороги и тропинки для прогулок в сандалиях, люди-носители мокасин, рекламирующие берцы телекомпании и газеты, коров для кожи сапог, нефть для обувного пластика, овец для войлока стелек, горнорудные шахты для супинаторов... и так далее, в результате вся наша планета преобразится в «обувной концептуальный фрактал».

Любопытно, что, когда в начале своего труда Е.В. Николаева объясняет, что такое фрактал, она добросовестно, с пониманием рассказывает о самоподобии, о дробной размерности и прочих известных характеристиках. Когда же речь переходит на примеры из социокультурной сферы и на объяснения феномена «концептуального фрактала», все эти тонкости напрочь исчезают и проявляется вышеуказанная особенность обыденного понимания фрактала, по которому он опять редуцируется до примитивного самоподобия. Например: «...именно осознание универсального принципа самоподобия, распространяющегося на весь природный и социальный универсум, является главным содержанием начинающейся «фрактальной» научной революции»²⁰.

Мало того, очень часто самоподобие Е.В. Николаева подменяет просто подобием или даже сходством – и в цитатах выше, и здесь: «Чаще всего фрактальные паттерны концептуального фрактала не обладают подобием геометрического или алгебраического типа, их подобие выявляется на уровне понятий, концептов, ментальных конструкций»²¹.

А если из фрактала убрать и размерность, и самоподобие, то, что останется? Пустота. Фрактальная концепция, будто бы претендующая на парадигмальный статус, сводится всего лишь к составлению списка, каталога, реестра чем-то похожих друг на друга объектов.

Сами по себе умозаключения Е.В. Николаевой относительно городской культуры интересны и содержательны, однако, употребление в них термина «фрактал» избыточно и необоснованно. Более продуктивно было бы ограничиться термином «паттерн» и применением аналогии.

---

²⁰ Николаева Е.В. Фракталы городской культуры. С. 9.

²¹ Там же. С. 21.

ФРАКТАЛ И АНАЛОГИЯ

Аналогия — это один из самых древних, изначальных методов познания: на основе сходства объектов в одних признаках заключают об их сходстве и в других признаках.

Аналогичные объекты похожи друг на друга (в разном или одном масштабе, в зависимости от метода сравнения).

Фрактальный объект похож не на другой, а сам на себя (природный фрактал – в ограниченном интервале масштабов, регулярный фрактал – во всех масштабах).

Фрактальный метод, правильно применённый, имеет большую доказательную силу, так как, если строго доказано, что данный объект – фрактал, то достаточно изучить его в удобном для исследователя масштабе, и во всех иных масштабах свойства будут одинаковы. Считается, что метод аналогии не имеет большой доказательной силы, так как сходство может оказаться случайным, и умозаключения по методу аналогии носят вероятностный характер. Однако, при современном развитии практических методик исследования вероятностей, интерпретации полученных данных, в том числе путём применения компьютерных технологий, достоверность аналогий повышается. Контрпродуктивно распространённое ныне некое пренебрежение аналогией как методом науки (возможно, именно им можно в некоторой части объяснить моду на фракталы). Приведу мнение Карла Людвиг фон Берталанфи: «Вообще говоря, использование аналогий (изоморфизмов, логических гомологий) или, что почти одно и то же, использование концептуальных и материальных моделей является не полупоэтической игрой, а важным инструментом научного исследования»²².

На первый взгляд, это два разных метода научных исследований, но при внимательном рассмотрении у них заметны сходные признаки.

Во-первых, точное самоподобие существует у регулярных фракталов – идеальных математических моделей, а природные фракталы самоподобны приблизительно и/или статистически. Отсюда значимый вопрос: где заканчивается и начинается самоподобие? Один из ответов мы знаем – самоподобие природных объектов проявляется в ограниченном интервале. Но, как отграничить случай хотя бы приблизительно подобия объекта самому себе (фрактал) от случая,

---

²² Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М., 1969. С. 23–82.

когда объект сам себе не подобен, а лишь сходен в отдельных признаках (аналогия)? Общепринятого критерия нет. Есть ряд методик. Например, Гарольд Хёрст на основании исследований архивных записей о разливах Нила ввёл коэффициент степени самоподобия. На практике оценка параметра Хёрста является сложной задачей, так как зависит от размера выборки, масштаба времени и прочего²³.

Следовательно, вывод о наличии или об отсутствии самоподобия во многом зависит от интуиции и мироощущения исследователя. Отсюда можно признать: имеется ряд случаев, когда при определении степени самоподобия отличие фрактала от аналогии является не качественным, а количественным.

Во-вторых, имеются заведомо несамоподобные объекты, чьи фрактальные алгоритмы и коэффициенты топологической размерности близки. Известно, например, сходство архитектуры бронхов с кроной дерева, а конечные отделы воздухоносных путей так и называют: «Бронхиальное дерево». Думаю, что на этом неочевидном основании сторонники концепции универсальности фракталов легко могут сказать, что бронхи и крона деревьев – это один фрактал. Моё же мнение – противоположное, исходя из практических соображений: связь между ними не фрактальна, а аналогична, так как никто не будет лечить бронхиальное воспаление теми же лекарствами, что и ржавчину груши.

Наличие сходных признаков у метода аналогии и фрактального метода позволяет сделать ещё один вывод: во-первых, эти методы являются аналогичными; во-вторых, фрактальный метод может быть частным случаем метода аналогии, если уподоблять друг другу один и тот же объект в разных масштабах.

Удивляет, если учёные-гуманитарии иногда не замечают сходство и различие этих двух методов и применяют аналогию, с искренним убеждением называя её фракталом.

Вот как об этом явлении пишут Д.С. Жуков и С.К. Лямин из Тамбовского госуниверситета: «...фрактальная теория (как максимум) и фрактальная терминология (как минимум) уже осваиваются в социально-экономических и гуманитарных отраслях знания. Однако, за редким исключением, фрактальные исследования не содержат конкретных фрактальных моделей, т. к. социально-гуманитарная сфера плохо поддаётся формализации. Как правило, во фрактальных

---

²³ Кириченко Л., Радивилова Т. Оценивание параметра самоподобия для стационарных стохастических процессов. // Содержание и обработка информации. 2018. Т. 5. № 1. С. 41, 66-67.

изысканиях речь идёт об утверждении подобия разных уровней рассматриваемых социальных систем и (или) о некоей цикличности тенденций и регулярности явлений»²⁴. Утверждение подобия одного объекта другому – это и есть аналогия, в отличие от самоподобия.

Приведу цитату из вышеупомянутой книги Е.В. Николаевой: «Фрактальные свойства демонстрируют социальные и культурные системы, имеющие иерархические уровни: например, страна – город – квартал; народ – социокультурная группа – семья»²⁵.

Какие же фрактальные свойства (множественное число, то есть, их должно быть, по Е.В. Николаевой, как минимум два) демонстрируют названные ею системы? Ни одного! Самоподобия нет, так как сколько ни увеличивай масштаб городского квартала, страны не получится. Дробную размерность этих объектов Е.В. Николаева не назвала (подозреваю, что она ей неизвестна), да и вообще непонятно, как её вычислить для таких мультифракталов как «семья» и «страна». А если нет фрактальных свойств, то, что есть? Сама Е.В. Николаева признаётся (повторю часть уже использованной цитаты): «...их подобие выявляется на уровне...», – ещё раз обращаю внимание: подобие, а не самоподобие. Иначе говоря, аналогия, а не фрактал. Простенький каталог аналогичных объектов.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФРАКТАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Бенуа Мандельброт через много лет после первых своих публикаций по данной теме так объяснил свою главную заслугу: «Я вернул геометрию в математику». Некоторые гуманитарии, напротив, изгоняют геометрию из метода фракталов, тем самым лишая его смысла. Иначе говоря, складывается впечатление, что математики из окружающего нас хаоса обособили группу объектов на основании их специфических характеристик и придумали методику, как с ними можно работать, создав тем самым островок порядка. А потом прибежали отдельные ретивые гуманитарии и обесценили их попытку, извергли фракталы обратно в хаос.

Несмотря на это, уверен, что фрактальный анализ ждёт в социально-гуманитарной сфере большое будущее. Трудностей много,

---

²⁴ Жуков Д.С., Лямин С.К. Методология фрактального моделирования в исторических, политологических и иных социальных исследованиях: особенности понятийного и аналитического аппарата // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 7 (87). С. 223

²⁵ Николаева Е.В. Фракталы городской культуры. С. 13.

пока путь лишь начинается. Сравним с компьютерными технологиями.

Метод фрактального анализа – это как язык программирования. Он уже придуман, на его основе учёные в естественных науках разработали конкретные специализированные программы и в ряде случаев их применили. Выше упомянуто о фрактальном анализе валютного и фондового рынков, нечто подобное разработано для применения, например, в биологии и медицине²⁶. Вот такие «программы» и следует писать применительно к изучению отдельных научных проблем в гуманитарной сфере, то есть придумать данные (средства описания объектов и конструирования форм их представления) и алгоритм, который реализуется над этими данными.

Иначе говоря, как и в естественных, в социально-гуманитарных науках исследователю тоже необходимо представить конкретную фрактальную модель и проанализировать её с применением специального фрактального инструментария. А без этого результатом станет не новое знание, а словоблудие.

Действительно, социально-гуманитарная сфера плохо поддаётся формализации. Но, ведь никто и не обещал, что применять фрактальный метод весело и просто.

---

²⁶ Добрых В.А., Седаков В.О., Тен Т.К., Уварова И.В. Фрактальный анализ в биологии и медицине // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 4. С. 85-87.

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК [94(44)+356.15(234.27)] | 1814 | +929Вольф

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОГЕЗАХ В 1814 ГОДУ¹

А.В. Гладышев ²

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: gladav2002@mail.ru

Аннотация. Наполеоновские войны и с теоретической, и с практической стороны актуализировали вопрос об эффективности действий партизанских отрядов. Сам Наполеон в начале 1814 г. в виду вторжения союзников по антифранцузской коалиции на территорию Франции рассчитывал на массовое сопротивление врагу со стороны гражданских лиц. Правительственными постановлениями поощрялось и регламентировалось создание партизанских отрядов из добровольцев, хотя со стороны кадровых военных такая мера вызывала определенный скепсис. Один из самых известных и мифологизированных случаев вооруженного сопротивления союзникам имел место в январе 1814 г. в Вогезских горах. Под руководством местного предпринимателя Н. Вольфа был создан отряд, который успешно отразил один раз атаку на коммуну Ротау. Если не принимать всерьез легенды об индивидуальных подвигах Вольфа в январе 1814 г., то его сподвижники больше успеха не имели: уже после второй стычки его отряд был рассеян. За каждый бой Вольф платил своим партизанам пять франков, что заставляет нас задуматься над «патриотизмом» его «лесных братьев».

Ключевые слова: Наполеоновские войны, партизанское движение, кампания 1814 г., патриотизм, Н. Вольф, Ротау.

THE PARTISAN MOVEMENT IN THE VOSGES IN 1814

A.V. Gladyshev

(Saratov, Russia)

e-mail: gladav2002@mail.ru

Annotation. The Napoleonic Wars both theoretically and practically actualized the question of the effectiveness of the actions of partisan detachments. Napoleon himself at the

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

² Гладышев Андрей Владимирович, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории; заведующий кафедры региональной истории и музееведения Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи», эксперт Саратовского Земского философско-гуманитарного клуба.

beginning of 1814, in view of the invasion of the Allies on the territory of France, counted on massive resistance to the enemy from civilians. Government decrees encouraged and regulated the creation of partisan detachments from volunteers, although such a measure caused some skepticism on the part of the military personnel. One of the most famous and mythologized cases of armed resistance to the Allies took place in January 1814 in the Vosges. Under the leadership of a local entrepreneur N. Wolf, a detachment was created that successfully repelled an attack on the commune of Rothau once. If we do not take seriously the legends about the individual exploits of Wolf in January 1814, then his associates were no longer successful. After the second skirmish, his detachment was dispersed. For each battle, Wolf paid his partisans five francs, which makes us think about the "patriotism" of his "forest brothers".

Key words: The Napoleonic wars, partisan movement, campaign of 1814, patriotism, N. Wolff, Rothau.

В конце XVIII в. отношение к партизанам среди военных различных национальностей было в целом скептическим. Теоретики, отстаивающие значимость партизанских действий в военных операциях того времени, были редки. «Партизанами» тогда могли называть и «летучие отряды» регулярных войск, выполняющие отдельные задания в тылах или на флангах противника, и отряды из добровольцев, созданные с благословения властей для самообороны. Однако начавшаяся после Мадридского восстания 3 мая 1808 г. «малая война» (герилья) в Испании показала всю значимость народного сопротивления. В конце 1808 г. временное правительство Испании – Центральная хунта – приняло специальный правовой акт, который регулировал деятельность партизанских отрядов и приравнивал в правовом отношении участников герильи к военнослужащим регулярной армии. Аналогичный характер имела война в России. Уже 6/18 июля 1812 г. Александр I издал манифест о необходимости создания ополчения в помощь регулярной армии. В нем, в частности, говорилось: «Взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем условиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минаина»³.

---

³ Подробнее см.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1962.

Но помимо вопроса о роли народного сопротивления в крахе проекта Наполеоновской Европы⁴, правомерно обратиться к гораздо менее изученному вопросу о сопротивлении французов войскам союзников в конце 1813-1814 гг., когда военные действия начнутся на территории самой Франции. Из нового поколения французских наполеоноведов первым был, пожалуй, Ж. Антрэ, который сформулировал проблему в философских тонах – что означало для гражданского лица взяться за оружие – а опирался в своих рассуждениях на архивные разыскания⁵.

Восполнить фактологическую лакуну в изучении французских партизан 1814 г. постарались Жан-Мари Тибо и Жерар Тисо-Робб⁶. Пафос этих авторов, проведших серьезные архивные изыскания и попытавшихся разобраться в полулегендарных свидетельствах, состоит в том, чтобы отдать должное командирам партизанских отрядов, бойцам «последнего шанса», которые хотели «совершить невозможное», а были забыты историками. Работы Жана-Мари Тибо и Жерара Тисо-Роба лишь убеждают нас в необходимости продолжения изучения народного сопротивления во Франции и не только с фактологической точки зрения, но и с помощью антропологического подхода⁷.

Один из наиболее известных и, одновременно, мифологизированных случаев сопротивления войскам союзников по антифранцузской коалиции произошел в Вогезских горах на северо-востоке Франции. Здесь сопротивление возглавил уроженец коммуны Ротау или Рото (Rothau) Николас Вольф (Wolff) (1761-1846). Ротау – небольшой город, расположенный в долине реки Брюш (Bruche), в бывшем графстве Бан-де-ла-Рош (Ban-de-la-Roche), в кантоне Ширмек (Schirmeck) и округе Мольсайм (Molsheim). Известен был своими железными рудниками и кузницами.

---

⁴ См., например: *Broers M. Europe under Napoleon, 1799–1815. L., 1996; Esdaile C.J. Popular resistance to the Napoleonic Empire. In Napoleon and Europe. L., 2014.*

⁵ *Hantraye J. Les prises d'armes de 1814-1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 2011. № 4. P. 47 – 61.*

⁶ *Thiebaud J.-M., Tissot-Robbe G. Les corps francs de 1814 et 1815. La double agonie de l'Empire, les combattants de l'impossible. Paris, 2011; Thiébaud J.-M. Les Corps Francs de 1814 et 1815 // Revue de l'Institut Napoléon. 2011. № 202–203. P. 95–114.*

⁷ *Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 10-21; Гладышев А.В. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Там же. С. 182–204.*

Писатели, работавшие под литературным псевдонимом Эрман-Шатриан в романе «Вторжение или Безумный Егоф», были первыми, кто прославил народное сопротивление союзникам в 1814 г. Они придумали Жана-Клода Саботье – простого башмачника и героического защитника вогезских долин и перевалов. Принято считать, что одним из прототипов их героя и был Николас Вольф. Его история была памятна еще в последней трети XIX века и обросла невероятными слухами. Рассказывали, как 120 вогезцев в 1814 г. остановили в 3 км. к северу от Ротау, на перевале у городка Ширмек, 5000 русских, из-за чего их генерал в отчаянии покончил жизнь самоубийством.

Первым претендующим на научность описанием сопротивления Вольфа союзникам стала статья Гастона Сава⁸, который активно пользовался семейным архивом дочери Вольфа, архивом мэра Ротау, чей отец был участником тех событий, воспоминаниями весьма и весьма престарелых, но еще живых в 1885 г. участников тех событий и какими-то коммунальными архивами. Вслед за Г. Савом Феликс Бувье одну из глав в своей книге «Первые сражения 1814 года. Вогезский пролог французской кампании» посвятил действиям «вогезских монтаньяр» под командованием Н. Вольфа⁹. Бувье не скрывал, что сведения о Вольфе почерпнул из работы Сава, и даже заявил: «нет ничего, что можно было бы добавить к его полной и ясной истории»¹⁰. Версию событий, изложенную Савом, повторил чуть позднее и Шарль Нерлингер¹¹.

В 1969 г. в региональной *L'essor*, издаваемой Культурной ассоциацией долины Брюш (Bruche), вышла заметка Франсуазы Винерон о вогезских защитниках¹². Весьма краткое изложение событий в Вогежах 1813-1815 гг., но с приложением карт-схем осады Страсбурга, Бельфора и действий партизан под командованием Бриса

---

⁸ *Save G.* Nicolas Wolff et la Défense de Rothau en 1814 // *Bulletin de la Société Philomatique Vosgienne*. 1886. Т. 12.

⁹ *Bouvier F.* Les Premières combats de 1814: prologue de la campagne de France dans les Vosges. Paris, 1895. P. 48-58. Рец. см.: *Revue militaire Suisse*. 1896. Т. 41. См. также: *Bouvier F.* Histoire générale des Vosges // *Le département des Vosges. Description – histoire – statistique* / Ed. Léon Louis. 4 v. Epinal, 1889.

¹⁰ *Bouvier F.* Les Premières combats... P. 49.

¹¹ *Nerlinger Ch.* Nicolas Wolff et la défense des Vosges 1814-1815. Strasbourg, 1897.

¹² *Vignerot F.* Nicolas Wolff et la défense des Vosges // *L'essor. Revue culturelle et historique de la vallée de la Bruche*. 1969. № 73.

подготовил полковник Пьер Дени¹³. Наконец, Вольфу посвятили параграф в своей книге и Жан-Мари Тибо с Жераром Тисо-Робом¹⁴, упомянул его, ссылаясь исключительно на Нерлингера, несколько раз в своей статье и Ж. Антрэ¹⁵.

Так версия, предложенная Савом, была растиражирована во французской историографии. Ф. Бувье писал, что было бы интересно «сравнить подлинную историю этой защиты Ротау с романтическими приключениями, описанными Эркманом-Шатрианом»¹⁶. Сравнением этим так никто никогда досконально и не занимался, а версия Г. Сава не подвергалась сомнению. Между тем, еще А. Шюке изложил события, связанные с защитой Ротау партизанами Вольфа, опираясь не на рассказы французских ветеранов и семейные предания, а на записки мэра коммуны Нёвиллер (Neuviller) Лоренца Ауфшнейдера (Aufschneider), показания фабриканта Джонатана Видемана (Videmann), рапорты баденских и баварских офицеров и прокламацию самого Вольфа¹⁷. Главное отличие версии Шюке от версии Сава в том, что Шюке начинает изложение истории Вольфа в общем-то с того места, где Сав ее заканчивает: общая канва в этих версиях местами совпадает, совпадают иногда даже числа, но Сав датирует события январем 1814 г., а Шюке – апрелем 1814 г.

Необходимость выиграть время и притормозить продвижение противника на территорию Франции, защищая малыми силами горные проходы, была, казалось бы, очевидна. Об этом писали даже в газетах. *Journal de Paris* от 10 января, излагая новости из Шлеттшадта (Schlettstadt) от 5 января, писала, что линия обороны французских войск от Рейна до Вогезских гор простирается от Мольсхайма до Шлеттшадта и его округа. Через Вогезы идут две большие дороги: одна через Саверн (Savern) на Фальсбург (Phalsbourg) и Сарребург (Sarrebours), другая около Мольсхайма и Мюцига (Mutzig) пересекает долину Брюш, откуда через Ширмек поворачивает в сторону горы Донон (Dononn или Donon), а оттуда на Бламон и дорогу Люневиль – Нанси. «На этих рубежах наши храбрецы и могут

---

¹³ Denis P. Les Invasions de 1813-1815, Alsace et Vosges. S.l., s.d.

¹⁴ Thiebaud J.-M., Tissot-Robbe G. Les corps francs de 1814 et 1815. La double agonie de l'Empire, les combattants de l'impossible. Paris, 2011.

¹⁵ Hantraye J. Les prises d'armes de 1814-1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 2011. № 4. P. 47 – 61.

¹⁶ Bouvier F. Les Premières combats de 1814... P. 48.

¹⁷ Chuquet A. L'Alsace en 1814. Paris, 1900.

ожидать колонну противника, которая уже появилась под Саверном (Saverne)»¹⁸.

Защищать вогезские перевалы на этом участке границы Франции должны были части маршала Виктора, который сам был вогезцем. Жан-Батист Мийо (Milhaud), перед отступлением из Кольмара (Colmar) в направлении Сент-Мари-о-Мин (Sainte-Marie-aux-Mines), писал 27 декабря маршалу Виктору, что было бы неплохо организовать из жителей департамента Нижний Рейн, которые все отличные наездники, отряд добровольцев, чтобы тот нанес как можно больше вреда врагам императора и Франции. В своем рапорте от 7 января из Баккара (33 км к западу от Ротау) он жалуется, что не имеет возможности защитить перевалы у Саверна, Мюцига и Сент-Мари-о-Мин несколькими батальонам легкой пехоты. В то же время, жители окрестных гор имеют нужду увидеть поддержку одним или двумя батальонами, чтобы остановить вторжение через горные перевалы и защитить свои очаги¹⁹. Но, боясь быть опрокинутым превосходящими силами противника, Виктор решил не защищать долину реки Брюш, а отступить к дороге Люневилль – Нанси. Противник воспользовался этим отступлением и приготовился войти в Лотарингию.

Действие романа Эркмана-Шатриана «Вторжение или Безумный Егоф» начинается не весной, а зимой 1814 г. Главный герой Юлен, собрав у себя в хижине своих друзей, рисует довольно четкую тактическую диспозицию: «Между Фальсбургом и Сен-Дье есть несколько дефиле для пехоты, но есть только одна дорога, по которой могут пройти пушки – это дорога из Страсбурга в Раон-ле-Ло (Raon-lès-Leau) через Урмат (Urmatt), Мюциг (Mutzig), Люцелуз (Lutzelhouse), Фрамон (Phramond), Гранфонтэн (Grandfontaine). Овладев этим проходом, австрийцы могли войти через него в Лотарингию. Эта дорога проходит через Донон (Donon), в двух лигах отсюда, справа от нас»²⁰. Речь явно не о восстании на уже захваченной войсками союзников территории, а о попытках затруднить им доступ в Лотарингию.

---

¹⁸ Journal de Paris. 01.10. 1814. P. 2.

¹⁹ Weil M.-H. La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 т. Paris, 1891-1896. Т. 1. P. 41.

²⁰ Erckman-Chatrian. Le fou Yegof. Episode de l'invasion. Premier partie // Revue des Deux Mondes. 1861. Т. 35. P. 141.

Гастон Сав, а за ним и другие историки, рисуют дело, как и Эркман-Шатриан: как только драгуны Мийо начали оставлять Ротау, бывший мэр Николас Вольф 4 января призвал гражданское население организовать партизанский отряд²¹, и добился на это согласия от префекта департамента Вогезы барона Луи Александра Имбера де Флени (Flégny)²².

Вольфу было тогда 53 года. Его отец до Революции служил прево в Ротау. По Г. Саву, в 19 лет Николас вроде бы поступил сержантом в тот же артиллерийский полк, в котором некогда служил закончивший артиллерийскую школу в Бриенне Бонапарт²³. Но, как заметил А. Шюке, нигде среди артиллеристов его имя не значится²⁴. С началом Революции Николас вернулся в Ротау, женился. Имел дочь и троих сыновей. Овдовев, он женится второй раз: от этого брака у него родилось еще 6 детей. Был мэром Ротау до 1 января 1813 г., торговал лесом, был хозяином кузниц, его состояние насчитывало несколько сотен тысяч франков. Вольф – один из самых богатых собственников в регионе.

Вольф кинул клич всем, кого знал, и кто мог носить оружие: лесничим, контрабандистам, работникам металлургических предприятий, ветеранам в отставке и еще не служившим молодым людям. Ветераны с чувством отнеслись к этому патриотическому призыву. Заместителем Вольфа был капитан в отставке Франк (Franck), капитанами так же были два бывших унтер-офицера времен Революции Хольвек (Holweck), называемый Сен-Клу (Saint-Cloud) и Кёнигер (Kœniger) из соседнего с Ротау Вильдербаха (Wildersbach), лейтенантом – бывший шеволежер Шарль Муатье (Moitrier). В качестве ординарца у Вольфа был его двадцатилетний сын²⁵. Но были среди партизан и люди вполне мирных профессий. Владелец отеля «Два ключа» Видеман (Wiedemann), которому было уже 64 года, вступил в этот отряд вместе со своим сыном²⁶. С некоторыми своими бывшими

---

²¹ *Save G. Op. cit. P. 257.*

²² Антрэ, ссылаясь на Нерлингера, пишет, что Флени был префектом департамента Мёрт. См.: *Nerlinger Ch. Nicolas Wolff et la défense des Vosges 1814-1815. Strasbourg, 1897. P. 14; Hantraye J. Op. cit. P. 50.* Префектом департамента Мёрт с 13 декабря 1813 г. был Жан Батист Максимильен де Вийо де Фревилль (Villot de Fréville).

²³ *Save G. Op. cit. P. 269.*

²⁴ *Chuquet A. L'Alsace en 1814. Paris, 1900. P. 331.*

²⁵ *Bouvier F. Les Premières combats de 1814... P. 51.* По другим данным ему было 18 лет.

²⁶ Архивы его сына и изучал Гастон Сав.

учениками вступил в отряд и старый учитель Дидье (Didier), которому суждено будет погибнуть. В итоге образовался отряд в 120 человек. Вооружились они чем попало: охотничьими ружьями, пистолетами, саблями, пиками, косами²⁷.

И Сав, и Шюке ссылаются на личного секретаря Наполеона барона А.-Ж.-Ф. Фэна, который писал, что 6 марта Вольф появился в ставке Наполеона в Корбени (Corbeny)²⁸. Сав полагал, что он приехал к Наполеону с поручениями от Пьера-Луи Редерера (Roederer)²⁹, Шюке в этом сомневался. Сав полагал, что это произошло уже после того, как отряд Вольфа поучаствовал в схватках и был рассеян, а Шюке, что до этого.

Г. Сав привел отрывок из рапорта барона Фэна, «копия которого хранилась в семейном архиве», о прибытии Вольфа в качестве «эмиссара из Страсбурга» в ставку Наполеона. От него стало известно, что жители Вогез восстали и заставили врага понести огромные потери на всех дорогах; что в департаменте Мёз, близ Бар-сюр-Орнэн (видимо, Ревиньи-сюр-Орнэн, Revigny-sur-Ornain) крестьяне убили русского генерала и разогнали сопровождавший его эскорт³⁰; что гарнизон Вердена совершает вылазки до Сен-Миеля (Saint-Mièhel) (так в оригинале), а гарнизон Меца отправляет патрули до Нанси; что, наконец, гарнизоны и жители этой части Франции более чем когда-либо расположены поддерживать планы Наполеона и т.д.³¹

Шюке более кратко пересказывает публикацию мемуаров Фэна: прибыв к Наполеону, Вольф заявил, что прошел, чтобы добраться сюда, всю Лотарингию и Шампань, что отступление союзников

---

²⁷ *Save G. Op. cit. P. 258.*

²⁸ *Fain A.-J.-F. Souvenirs de la campagne de France: manuscrit de 1814 (Nouvelle édition publiée avec une préface). Paris, 1914. P. 128-129.*

²⁹ Редерер 26 декабря 1813 г. был назначен императором в Эльзас чрезвычайным комиссаром. Его конкретная миссия – организовать массовое сопротивление врагу. Указы чрезвычайных комиссаров были обязательны для всех властей, включая военные. В инструкции, выданной Редереру Монталиве, в частности, говорилось: «Партизанская война - одна из тех, которые более всего утомляют армии на марше; вы попытаетесь организовать ее, разрешив предприимчивым и надежным людям набирать для массового восстания всех, кто пожелает присоединиться к подобным проектам». См.: *Bargeton R. Le Haut-Rhin en 1813-1815, invasion, occupation, libération // Annuaire de la Société historique et littéraire de Colmar. 1971. T. 21. P. 81.*

³⁰ Сегюр, не называя, правда, имен, упомянул в своих мемуарах, что в Вогезах горцы «убили русского генерала и разгромили его эскорт». См.: *Ségur L.Ph. Mémoires. 3 vols. Paris, 1824. T. 3. P. 285.*

³¹ *Save G. Op. cit. P. 269.*

ощущается вплоть до Рейна, что жители Вогезов проявляют недовольство и, что гарнизоны в крепостях Эльзаса обложены противником достаточно слабо³².

Сведения, доставленные Вольфом, были весьма обнадеживающие. Сав утверждал, что император похвалил его, назвал полковником партизанского отряда³³, сам прикрепил к нему крест Почетного легиона (надо полагать, за доставленные депеши из Страсбурга или за какие-то более весомые боевые заслуги?) и спросил, есть ли у него семья. «У меня семеро детей», — ответил Вольф. Тогда император сказал: «Если ты умрешь, я буду опорой твоей жене и отцом твоим детям»³⁴. После чего Вольф был направлен с секретной миссией к комендантам Меца и Страсбурга³⁵.

Шюке также, вслед за Фэном, упоминает о награждении Вольфа орденом Почетного легиона, но о его миссии сообщает более расплывчато: император поручил ему поднять [на восстание] своих соотечественников³⁶. У самого барона Фэна написано: «и с приказами уехал в Эльзас»³⁷.

Если верить Саву, то Вольф после встречи с Наполеоном 6 марта отправился в Мец. Но Мец — столица не Эльзаса, а Лотарингии и миссия Вольфа сюда непонятна. Тем не менее, Сав писал, что, с трудом пересекая по ночам линии вражеских войск, Вольф добрался до ворот Меца, где его обстрелял часовой. К счастью, пуля пробила только пальто партизана. После того, как его узнали, Вольф вошел в Мец и принял участие в нескольких согласованных вылазках с гарнизоном Тьенвиля (Thionville). После чего он направился в сторону

---

³² *Chuquet A. Op. cit. P. 331.*

³³ Бувье писал, что это в июне 1815 г. Вольф будет сражаться как полковник «1-го вольного корпуса Нижнего Рейна». См.: *Bouvier F. Les Premières combats de 1814... P. 50.*

³⁴ *Save G. Op. cit. P. 269.* О таком диалоге Фэн не упоминал, это уже семейные предания.

³⁵ *Save G. Op. cit. P. 269.* Современный исследователь Ж. Антрэ согласен с такой хронологией событий: «после роспуска своего Вольного корпуса Вольф поступил на прямую службу Наполеону в конце французской кампании, но прежде был произведен в полковники и награжден орденом Почетного легиона». См.: *Hantraye J. Les prises d'armes de 1814-1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 2011. № 4. P. 57.*

³⁶ *Chuquet A. Op. cit. P. 331.*

³⁷ *Fain A.-J.-F. Op. cit. P. 129.*

Страсбурга, где способствовал обороне крепости вплоть до заключения мира³⁸.

Если верить Шюке, то после встречи с Наполеоном Вольф вернулся в Ротау, где его первой заботой стало издать от имени императора прокламацию с призывом бороться против «варваров». Текст этой прокламации из Ротау опубликован в качестве приложения к книге Шюке и датирован 3 апреля³⁹.

Вольф проехал коммуны Ширмек, Нацвиллер, Нёвиллер-ла-Рош, Вильдербах (Vildersbach), Вальдербах (Valdersbach), распространяя прокламации и заверяя, что император послал его командовать отрядом вольных стрелков гор Нижнего Рейна. Он постоянно повторял, что дезертиры, если вступят в его отряд, получают прощение, а, вот, если лесничие, наоборот, не вступят, то они потеряют свои пенсии. Так, по крайней мере, утверждал потом бывший лесничий и мэр Нёвиллер-ла-Рош Лоренц Ауфшнейдер, которого процитировал Шюке. Вокруг Вольфа объединились самые разные люди. Правой его рукой, по Шюке, стал бывший унтер-офицер Бертран (Bertrand), который направился в сторону Сааля (Saales), в то время, как сам Вольф направился в сторону Мюцига и Мольсайма⁴⁰.

Вольф действовал и кнутом, и пряником. Шюке категоричен: Вольф не встретил в округе той поддержки, на какую рассчитывал. Крупные собственники заботились, прежде всего, о своих производствах, оценивая его действия как бесшабашные и запоздалые. Среди таких скептиков был даже его собственный брат Антуан Вольф, а также один из самых влиятельных людей в Ротау фабрикант Джона-тан Видеман (Videmann), собственник кузниц во Фрамон (Framont) предприниматель Шампи (Champy), который, по словам Видемана, искал, как бы урезонить Вольфа и заключить мир, а также мэры коммун Ширмек и соседней Ла Брок. 3 апреля Вольф в присутствии Бертрана встретился с Видеманом, продемонстрировал ему свой крест Почетного легиона и объявил о своем назначении командиром партизан. Вольф полагал, что Видеман должен ему помочь, но тот отвечал весьма двусмысленно и попросил подождать с ответом до завтра. Размышляя над последствиями вооруженного сопротивления, на следующий день он встретился с Антуаном Вольфом, человеком весьма спокойным, и сообщил ему о своем намерении отправиться в Шатнуа (Châtenois) для переговоров с командующим блокадой

---

³⁸ *Save G. Op. cit. P. 270.*

³⁹ *Chuquet A. Op. cit. P. 471-472.*

⁴⁰ *Ibid. P. 322.*

Шлеттштадта генералом К.Т.Ф. Паппенгеймом (Pappenheim) о протекции и защите. Антуан Вольф не стал его разубеждать. Но добрался Видеман только до коммуны Виш (Wisches), где у него были свои поля. Когда он вернулся из поездки, его слуга сообщил ему, что его план о переговорах раскрыт, теперь в Ротау его считают чуть ли не за шпиона, что ему грозит расстрел или поджог дома. 5 апреля Видеман встретил Николаса Вольфа, который заявил, что на первый раз он прощен⁴¹.

Всех этих подробностей и упоминаний об угрозах со стороны Вольфа при наборе в отряд у Г. Сава нет.

Не называя конкретного числа (но можно понять, что это было 4 января), Сав повествует, как пройдя лесами 10,5 км к северо-востоку от Ротау, отряд Вольфа закрепился на лесистых горах вокруг деревень Мюльбаш-сюр-Брюш (Muhlbach-sur-Bruche) и Урмат (Urmatt), стараясь помешать проходу войск союзников. Здесь они «непрерывным огнем воспрепятствовали проходу союзных войск, которые считали, что имеют дело с значительно превосходящим по численности противником и опасались, что отступление армии Виктора лишь уловка, чтобы, пройдя через горы, вернуться и ударить с фланга». Сама схватка и ее последствия описаны довольно туманно: «Снайперы Вольфа попали в цель, их пули принесли смерть и посеяли хаос в ряды союзников. Вскоре был отдан приказ русскому отряду преследовать этих охотников. Вольфу пришлось временно распустить своих людей, назначив им встречу на высотах Ротау»⁴².

Сав пересказал историю, которую он слышал на одной конференции, о том, как Вольф со своими немногочисленными сподвижниками укрылся ночью в доме лесника Жерольда (Gérolde) близ Клэнжанталя (Klingenthal), в 8,5 км к юго-востоку от коммуны Урмат; это место потом будут называть «логово Вольфа» (волка)⁴³. Здесь они выпили и закусили, но, «зная, что их преследуют», они передислоцировались около 5 км на юг, к руинам замка Биркенфель (Birkenfels). Едва лесник, служивший Вольфу в этом ночном походе проводником, успел вернуться к себе домой, как к нему с обыском нагрянули казаки. Они интересовались, где находится Вольф и даже грозили леснику арестом за отказ в его поимке. Тот, естественно, никого не выдал. Сав указывает, что это произошло утром 5 января, когда последние драгуны Мийо покидали Ротау. Узнав об этом, Вольф

---

⁴¹ *Chuquet A. Op. cit. P. 333.* Из записки самого Д. Видемана от 9 апреля.

⁴² *Save G. Op. cit. P. 259.*

⁴³ *Save G. Op. cit. P. 259.; Bouvier F. Les Premières combats de 1814... P. 51.*

немедленно оставил Биркенфель и вернулся в Ротау⁴⁴. Логику проследить в этом рассказе довольно сложно: почему Вольф прятался ночью по лесам, а не вернулся в Ротау под защиту французских драгун сразу? Кому именно принесли смерть «пули снайперов Вольфа»? Откуда там взялись «казаки»?

День 5 января Сав описывает как день подготовки Ротау к защите. К вечеру все было готово. Половина отряда Вольфа заняла на правом берегу Брюш лесистые холмы и замок Ротау, таким образом контролируя дорогу на Нацвиллер (Natzwiller) и долину Ротау; другая часть отряда – самые стойкие – защищала кладбище, окруженное небольшой стеной, что давало возможность контролировать вход в Ротау и мост через Брюш. Вечером повсюду были зажжены костры, чтобы противник решил, будто бы французский отряд весьма многочисленный. В этот день посты, выставленные партизанами у деревушки Ла Клакет (La Claque), обстреляли казаков, выдвинувшихся на разведку, и даже, якобы, убили и ранили нескольких из них. Казаки отступили на Ла Брок (La Broque). Несомненной удачей партизан оказалось «освобождение» вивандьерки вместе с ее фургоном. «Ночь прошла спокойно»⁴⁵.

Оставим на время рассказ Сава и обратимся к повествованию Шюке. Отряды союзников покинули места своей дислокации у Фальсбурга, Страсбурга, Шлеттштадта и двинулись против восставших: баварцы Карла Теодора Фридриха Паппенгейма (Pappenheim), баденцы принца Вильгельма Людвига Августа Хохберга (Hochberg), Карла фон Нейенштейна (Neuenstein) и Брюкнера (Brückner). 5 апреля Паппенгейм отправил из Шервиллер (Scherwiller) через Стеж (Steige) и Колруа-ла-Рош (Colroy-la-Roche) на Сааль (Saale) отряд лейтенанта Нарцисса (Narcisse) из 6-го баварского полка с задачей положить как можно быстрее конец волнениям⁴⁶.

Шюке излагает дальнейшие события по рапорту Нарцисса Паппенгейму от 7 апреля. Пройдя Стеж и Ранрюпт, солдаты Нарцисса – 60 пехотинцев и 6 шеволежер – на дороге у Колруа-ла-Рош встретили крестьянина, который им сообщил, что в Сааль только 30 партизан. К полудню 5 апреля Нарцисс прибыл в Сааль. Солдатам приказано обыскать дома и выявить всех подозрительных. Но двери были заперты, и никто не открывал. Нарцисс приказал выбить двери. Жители стали возмущаться и кричать: «Баварские мерзавцы!».

---

⁴⁴ *Save G. Op. cit. P. 259.*

⁴⁵ *Ibid. P. 262.*

⁴⁶ *Chuquet A. Op. cit. P. 334.*

некоторые из них были вооружены. Мэр и лесничий несколько раз выстрелили из окна дома. Нарцисс арестовал 32 человека вместе с мэром. Остальным пригрозил сжечь их дома. Жители уверяли, что большинство из арестованных, как и их предводитель какой-то лесничий, вовсе не из Сааля. Помощник Вольфа Бертран, который действовал как раз в районе Сааля, с некоторыми своими людьми попрыгали из окон и успели спрятаться в соседнем лесу.

6 апреля Нарцисс вернулся в Стеж, а оттуда по приказу Паппенгейма направился на Ротау. Вскоре он был «вблизи города». В Ротау и соседних деревнях зазвонили в набат. Авангард отряда Нарцисса был обстрелян из засады, и один пехотинец убит. Опасаясь, что он может быть полностью подавлен огнем противника в незнакомой местности, а партизаны могут разрушить мост в его тылу, Нарцисс принялся отступать. В заслугу Нарциссу за эти два дня можно поставить рассеивание банды Бертрана⁴⁷.

Кто и где напал из засады на авангард отряда Нарцисса? Лоренц Ауфшнейдер свидетельствовал, что это произошло в коммуне Урмат: сам Вольф, неожиданно выйдя из дома, открыл огонь по патрулю баденских драгун, которые тотчас же ретировались⁴⁸.

Итак, по Шюке, отряд Вольфа, выйдя из Ротау и пройдя Ширмек, Виш, Люцелуз прибыл в коммуну Урмат, в которой вскоре появился и патруль баденских драгун, двигавшийся с другой стороны из Мольсайма через Мюциг и Гресвиллер. Это, видимо, именно тот случай, который описан у Сава, как засада на «союзников» 4 января и отражение разведки «казаков» вечером 5 января. Ни о каких «подкреплениях» или «казаках» речь у Шюке не идет. Потери союзников – один баденский драгун.

Но, если верить Шюке, нападение на баденских драгун вызвало волнение среди местного населения. Военный комиссар Бауэр (Bauer), еще 5 апреля оставил Мольсайм (в 17 км от Страсбурга и в 12,5 км от Урмат) и запросил у находящегося близ Страсбурга в Оберхаусбергене баденского генерала Нейнштейна поддержки.

---

⁴⁷ *Chuquet A. Op. cit. P. 334.* Карл Август Беккерс цу Вестерштеттен также писал, что он недавно атаковал в Вогезах банды вооруженных крестьян под предводительством бывшего гвардейского офицера Бертрана (Bertrand): майор Висконти (Visconti) рассеял эти банды, пленив 38 разбойников. См.: *Weil M.-H. La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 t. Paris, 1891-1896. T. 4. P. 284.* Видимо, речь идет об одном и том же событии.

⁴⁸ *Chuquet A. Op. cit. P. 334.*

Нейнштейн выслал мобильную колонну, и Бауэр вновь повернул на Мольсайм. В Вольфишеме под Страсбургом уже были беженцы. Здесь служащие магазинов и работники госпиталя упаковывали свой багаж и уверяли о скором прибытии сюда партизан. Бауэр как мог всех успокаивал, в шесть вечера он вернулся в Мольсайм. Население было в смятении: драгуны рассказали, что их обстреляли в Урмат, и к городу быстрым темпом приближается авангард из 80 вооруженных крестьян. Жители, ожидая прихода партизан, попрятали наиболее ценные вещи. Бауэр принял меры предосторожности против партизан. Драгуны отправлены в Мюциг патрулировать дорогу, на охрану магазинов и госпиталя выставлены пикеты, 50 чел. расположили в резерве на случай атаки. Несколько солдат и местных буржуа (!) заняли позицию у городских ворот. Но в полдень 6 апреля, как писал Бауэр 7 апреля Хохбергу, в Мольсайм прибыла посланная Нейнштейном колонна⁴⁹.

Дело не в том, что паника в Мольсайме и округе была кратковременной, а в том, что она была. Из рапортов, процитированных Шюке, следует, что местные буржуа не то что не поддерживали партизан, а, дорожа своим имуществом, опасались их пришествия.

Посланным Нейнштейном отрядом командовал капитан Бодман (Bodmann). Он нашел в Мольсайме человека, который согласился быть его проводником. Бодман выступил из Мольсайма ночью и утром 7 апреля уже был в Ширмек. Там Бодман узнал, что «бригадный вождь» (brigantenchef), как он себя называл, Вольф занял Ротау, в четверти часа хода от Ширмек. Бодман имел только сотню солдат, но, несмотря на это, решил атаковать Ротау. Накануне он писал Хохбергу: «Я буду действовать сообразно обстоятельствам»⁵⁰.

Так началась защита Ротау.

Вернемся к повествованию Сава, который, путая роту с полком, а баденцев с баварцами, датировал это событие не 7 апреля, а 6 января. Утром 6 января в сторону Ротау из Ширмек выдвинулся «полк баварской пехоты». В семь часов утра противник разместил своих стрелков на высотах левого берега Брюш и открыл огонь по городу и особенно по мосту, через который мог выйти Вольф. Две партии, выдвинутые Вольфом, были атакованы «тучей казаков», дебушировавших в долину и угрожавших отрезать партизанам пути к отступлению. Вольф лично, говорят, построил своих волонтеров в каре и

---

⁴⁹ *Chuquet A. Op. cit. P. 336.*

⁵⁰ *Ibid. P. 337.*

сумел отступить с ними к кладбищу, где был убит его капитан Кёнигер. Затем баварцы под командованием капитана Бодмана и казаки организовали общую атаку, штурмуя кладбище со всех сторон. Вогезцы, которых было от 300 до 400 чел., яростно защищались. Вольф, говорят, сражался в первых рядах и убил несколько казаков (пешим!) и еще выстрелом из карабина лошадь под казачьим командиром! Рядом с ним без промаха стрелял Фредерик Видеман (видимо, Сар почерпнул эти сведения из рассказа его сына, будущего мэра Ротау), здесь же сражался плечом к плечу со своими бывшими учениками пожилой учитель Дидье, также павший под ударами противника. Рядом размахивал косою молодой Жакель (видимо, это он сам на старости лет рассказал Сару), защищая тело Кёнигера, а «истинный потомок старых галлов», гарсон из пивоварни Жан Ман (Mann) грубо шутил, добывая саблей раненых баварцев, когда они молили о пощаде: «Мой друг, сегодня разрешен только один укол на человека, порох слишком дорог!»⁵¹. Враг бежал, оставив 39 человек убитыми на земле, а еще несколько человек утонули в Брюш. Но пыл французов не угасает: одноглазый Николя Хациг догоняет отступающих и убивает троих из них ножом, в то время как с улиц Ротау раздается торжествующий крик: «Да здравствует Франция!». Партизаны же потеряли 3 человека! Это все рассказал Гастону Саву очевидец – «почти столетний старик Жан-Фредерик Жакель (Jacquel)»⁵².

Традиция, воспроизведенная Гастоном Савом, гласит, что баварский полковник фон Треуберг (Treuberg), командовавший наступлением на Ротау, доложил генералу Вреде, что он имел дело с «5 000 хорошо вооруженных французов с артиллерией». Но Вреде уже получил рапорт от казаков, которые видели все вблизи, но не видели никакой артиллерии. Уличенный во лжи, полковник стал посмешищем; офицеры подшучивали над ним, считая трусом. Гастон Сав видимо, пересказывая легенду, писал, что Треуберг не вынес позора и застрелился. Но еще Бувье указал на эту ошибку: через несколько дней барон Фридрих фон Треуберг будет командовать при наступлении на Сен-Дье-де-Вож (Saint-Dié-des-Vosges). Он скончается в 1831 году⁵³.

То, что здесь поражает, так это масштаб несоответствия показаний!

---

⁵¹ *Save G. Op. cit. P. 263; Bouvier F. Les Premieres combats de 1814... P. 52.*

⁵² *Save G. Op. cit. P. 264.*

⁵³ *Bouvier F. Les Premieres combats de 1814... P. 58.*

Шюке цитирует рапорт Бодмана, который оценил позицию партизан на кладбище как достаточно сильную. Бодман не имел возможности задействовать кавалерию, хотя и потерял одну лошадь убитой и две ранеными. Вольф имел около 400 чел., и без больших потерь выбить их из Ротау не представлялось возможным. Поэтому Бодман вернулся на Ширмек, а оттуда, чтобы дать отдых своим войскам, – на Урмат. По рапорту Бодмана от 7 апреля Хохбергу баденцы в перестрелке потеряли одного человека убитым и еще трое были легко ранены. Бодман писал, что партизаны потеряли много убитыми и ранеными. Шюке в сноске отмечает, что изложение событий по Сава, скопированное Нерлингером, – легенда!⁵⁴

Вейль, описывая события от 7 апреля, указывал, что даже после взятия Парижа и отречения Наполеона, нападения крестьян на отряды союзников продолжались. Он ссылается на письмо баварского генерал-лейтенанта Карла Августа Беккера цу Вестерштеттена (Beckers zu Westerstetten) австрийскому генералу Иоганну Марии Филиппу Фримону (Frimont) от 15 мая, в котором сообщается, что генералу Паппенгейму (Pappenheim) было предписано убрать свои отряды из коммун Сааль и Ротау⁵⁵.

Между тем, после отступления союзников из Ротау в Урмат, начались попытки переговоров. Сав писал, что это мельник Луи Видеман (Widemann) от имени наиболее авторитетных собственников долины Брюш предложил перемирие. Вольф был согласен, при условии, что репрессий не будет. Но на следующий день, похоронив павших, союзники повторили атаку на сильно поредевший отряд партизан, который собрались на дороге к горе Донон⁵⁶.

Подробностей об этой «второй схватке» (по подсчетам Сава) неизвестно. Бувье лишь ссылается, что именно она описана в романе Эркмана-Шатриана и констатирует, что на сей раз отряд Вольфа был рассеян, партизаны разбежались и попрятались по лесам и горам⁵⁷.

---

⁵⁴ *Chuquet A.* Op. cit. P. 338, note.

⁵⁵ *Weil M.-H.* La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 т. Paris, 1891-1896. Т. 4. P. 284.

⁵⁶ *Bouvier F.* Les Premières combats de 1814... P. 55.

⁵⁷ Французский поэт, художник и иллюстратор Анри Ганье (1845-1936), известный под псевдонимом Танконвиль (Tanconville), несколько страниц посвятил воспоминаниям о том, как его дед капитан Ж.С. Ганье (Ganier) руководил вольным отрядом вогезцев, сражаясь в лесах Донон. Его перу принадлежит рисунок «Защита Донон (Donon) партизанами в 1814 г.». В воспоминаниях Ганье

Сам Вольф скрывался, его искали. По легенде, сначала его укрыли анабаптисты на ферме Соммерлиоф (Sommerliof), расположенной на северо-западном склоне Шамп-дю-Фё (Champ-du-Feu), над деревней Нацвиллер (Natzviller), в 4 км. к юго-востоку от Ротау⁵⁸. Анабаптисты, занимавшие этот хутор, отдали ему свою одежду, и переодевшийся Вольф, как ни в чем не бывало, встретил казаков. На вопрос, видел ли он вооруженных французов, он указал, что таковые побежали в сторону Барского леса. Из Соммерлиоф Вольф проследовал еще 5 км. далее на юго-восток в район Ротлаш (Rothlach), где остановился в доме лесничего. Но за его голову было назначено вознаграждение, немцы угрожали смертью тем, кто даст убежище этому патриоту, а казаки не прекращали поисков. Вольф из Ротлаш отправился: на 7,5 км. севернее в Грендельбруш (Grendelbruch) и далее на 12,5 км. юго-западнее Бан-де-ля-Рош (Ban-de-la-Roche)⁵⁹.

Гастон Сав опять пересказывает местные предания о скитаниях и подвигах Вольфа: с пистолетами и отличным ружьем он бродил по горам, обстреливая на дорогах отставших солдат и фуражиров союзников. Он часто менял свой внешний вид, что породило фантастические истории об отчаянном «человеке в железной маске»⁶⁰.

В изложении Шюке никакой «второй схватки» у горы Донон вообще не было. После попытки Бодмана захватить Ротау из Эпиналя и Шатнуа были выдвинуты два отряда баварцев для борьбы с партизанами⁶¹. Первым, вышедшим из Эпиналя, командовал лейтенант Хюшберг (Huschberg), который временно выполнял функции шефа жандармов департамента Вогезы. Из Шатнуа выступили те, которые под командованием лейтенанта Нарцисса недавно рассеяли под Салем отряд Бертрана и чей патруль был обстрелян в Урмат партизанами Вольфа⁶².

После стычки в Ротау и выдвижения двух баварских отрядов, ситуация для собственников в Ротау сложилась тревожная. Была велика вероятность мести со стороны союзников. В этой связи, как

ни слова нет о Вольфе, нет и указаний, когда конкретно происходили описываемые события. См.: *Ganier H. Contes et récits nationaux: les partisans // L'essor. Revue culturelle et historique de la vallée de la Bruche. 1975. № 88.*

⁵⁸ Сейчас в этом районе расположен отель «Логово волка». Сав, как мы видели, упоминал о «логове волка» в 8,5 км от Ротау, в районе Клэнжантала.

⁵⁹ *Save G. Op. cit. P. 267.*

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ Об этих отрядах после Шюке упоминалось у Дени. См.: *Denis P. Op. cit.*

⁶² *Chuquet A. Op. cit. P. 338*

писал Шюке, фабрикант Джонатан (у Сава – Луи) Видеман отправился советоваться с мэрами коммун Ширмек и Ла Брок. Втроем они отправились во Фрамон совещаться с Шампи. Оттуда Видеман уже один отправился в Урмат. Таким образом, если Шюке и Сав ничего не напутали, это была уже вторая попытка Д. Видемана вступить в переговоры с союзниками и на сей раз попытка удачная.

Д. Видеман просил у Бодмана сохранить его имущество в обмен на помощь в усмирении умов и завершении восстания. Бодман ответил, что всех простит, если жители проявят спокойствие и сдадут оружие. Видеман обещал сообщить об этих условиях Вольфу и дал честное слово, что предоставит ответ в течение ночи. Вольфа он нашел в Ла Броке. Вольф высказал претензии, что Видеман пошел на переговоры с врагом, ничего ему (Вольфу) не сообщив. Видеман спокойно передал условия Бодмана. Вольф ответил согласием прекратить борьбу, если не будет преследований и контрибуций (эта декларация Вольфа опубликована в книге Шюке)⁶³. Если оставить в стороне героическую поэтику Сава, то картина представляет двух собственников, которые обсуждают, как выйти из сложившейся ситуации с наименьшими финансовыми потерями. И Сав, и Шюке единодушны в том, что Вольф согласился на «мировую». Но Сав представил дело так, как будто союзники передумали и встали на путь репрессий, а Шюке привел конкретные подробности развития событий после переговоров с Бодманом.

Видеман той же ночью передал Бодману письмо Вольфа. Одна фраза задела капитана. Вольф писал: «Я полагаю отступить со своим миром в течение 24 часов». Какой у него «мир», сколько людей хотят с ним уйти, - спросил Бодман. Видеман ответил, что человек пять или шесть. Бодман запросил инструкций у Хохберга. Сам он, как это следует из его письма Хохбергу от 8 апреля, полагал принять условия Вольфа: в этой местности просто опасно разжигать страсти. Разорение богачей может привести к восстанию, когда есть такой решительный человек как Вольф⁶⁴.

Пока в Урмат Видеман торговался с Бодманом, баварцы приблизились к Ротау. Отряд Нарцисса, двигавшийся на Ранрюпт, встретился здесь с отрядом майора Винсенти (Vincenti), который имел приказ Паппенгейма взять Ротау. Винсенти теперь располагал отрядом Нарцисса и ротой фузилеров. Оставив в Ранрюпт резерв,

---

⁶³ *Chuquet A. Op. cit. P. 338.*

⁶⁴ *Ibid. P. 339.*

Винсенти выдвинулся через Колруа, Сент Блез и Фудэ на Ротау. В этих трех деревнях партизан не было. Но все ему говорили, что у партизан в Ротау есть пушки (рассказывали, что Вольф так закамуфлировал замок Ротау, чтобы издали было похоже, что там есть пушки). Одни говорили, что партизан 300, другие, что их 500 или даже 1400. Наступила ночь, в которой были видны бивуачные костры партизан, которые периодически вспыхивали ярче. Винсенти решил, что так партизаны передают друг другу информацию, подбрасывая в костер порции пороха. Продвигаться вперед следовало с осторожностью. Баварцы перехватили двух курьеров с письмом Видемана, в котором сообщалось о перемирии между партизанами и баденцами. Одного курьера Винсенти оставил при себе, а второго отправил обратно к Видеману, с указанием, что была бы весьма желательна их личная встреча. Однако, фабрикант не появился и Винсенти двинулся дальше. В 10 вечера он был в километре от Ротау. Партизаны не разрушили мост, и баварская пехота могла легко перейти Брюш. Винсенти опасался подвоха: не хотели ли партизаны заманить отряд союзников, а уже потом взорвать мост, чтобы отрезать им пути к отступлению? Винсенти остановился перед мостом, но ничего не последовало. Затем один офицер с несколькими солдатами все же вошли в Ротау. Вокруг царил тишина. Окна домов были закрыты. Оставив у моста пикет пехотинцев и шеволежер, Винсенти вошел в город. Ротау был пуст. Вольф, понимая, что его потрепанный отряд не может сопротивляться новому врагу и, сомневаясь что добьется от баварцев таких благоприятных для себя условий, каких он при посредничестве Видемана добился от баденцев, предпочел отступить. Винсенти захватил так же мост, через который шла дорога на Фрамон. В полдень он отправил на Фрамон отряд разведчиков. Этот отряд прошел Ла Брок, затем Ваккенбах, затем вступил во Фрамон. Повсюду царил покойствие. Крестьяне либо работали на полях, либо сидели по домам. Мэр Фрамона уже знал об отречении Наполеона. Патруль, который выдвинулся на гору справа от Ротау, был обстрелян двумя выстрелами одним партизаном. Его не поймали, но Винсенти арестовал 11 крестьян. В доме Вольфа, на кладбище и в садах было обнаружено много оружия⁶⁵.

В тот же день 8 апреля в 8 утра капитан Бодман прибыл в Ротау с 6 пехотинцами и 10 драгунами. Он рассказал Винсенти, как бойко защищались партизаны, стреляя из окон. После чего отбыл на

---

⁶⁵ *Chuquet A. Op. cit. P. 341.*

военный совет в Ширмек⁶⁶. Что касается Винсенти, то, как это следует из его рапорта Паппенгейму от 9 апреля, в час пополудни, увидев, как с гор спускаются женщины с детьми, возвращаясь в свои деревни, он отправился на Шервийе и Шатнуа⁶⁷.

Тем временем другой отряд из 50 баварцев под командованием лейтенанта Хюшберга прибыл 8 апреля в Нёвиллер-ла-Рош и Нацвиллер. Там жители еще оставались. Накануне, по их словам, коммуны пересекли люди Вольфа, но, по заверениям мэра Нёвиллер-ла-Рош, все буржуа его коммуны остались по своим домам в мире и спокойствии⁶⁸. Люди Хюшберга объезжали соседние коммуны, обещая жителям сохранение жизни и имущества, если они сложат оружие. Крестьяне согласились. Между тем, видимо, именно на этот отряд была возложена репрессивная миссия. Хюшберг приказал разрушить до основания дом Вольфа с помощью крестьян из соседних деревень, а спрятанную в подвале мебель перевезти в сопровождении жандармов в Сен-Дье-де-Вож, чтобы потом передать детям беглеца (напомню, всего от двух браков Вольф имел 8 дочерей и 2 сыновей)⁶⁹.

Сав сообщал детали, проигнорированные Шюке: «Чтобы наказать упорное сопротивление жителей страны, отказавшихся сдать ее без боя, союзники приказали сжечь все деревни Бан-де-ла-Рош, и этот варварский приказ был бы исполнен, если бы не демарш достойного пастыря Оберлена (Oberlin), который направился в штаб в Агно (Hagnau) и получил контрприказ от генерала Шварценберга»⁷⁰. Деревни в округе Бан-де-ла-Рош решили не сжигать, но приказ о сожжении дома Вольфа остался в силе. Однако по просьбе местных жителей, опасавшихся неконтролируемого пожара, немцы

---

⁶⁶ Шюке приводит отрывок из рапорта капитана Бларера (Blarer) на имя баденского принца Вильгельма Людвига Августа фон Хохберга, из которого следует, что 11 апреля капитан Бодман застрелился в коммуне Фрамон. Эта трагическая смерть вызвала много слухов среди жителей Ротау и Ширмек, которые рассказывали, что сослуживцы Бодмана третировали его, обвиняя в трусости за поведение при попытке занять Ротау. В версии Сава Бодман превратился в полковника Трауберга. Шюке предположил, что это Хохберг обвинял Бодмана. Но не за отступление из Ротау, а за попытки переговоров в Видманом и Вольфом, за излишнюю мягкость к инсургентам. См.: *Chuquet A. Op. cit. P. 343.*

⁶⁷ *Chuquet A. Op. cit. P. 342.*

⁶⁸ *Ibid. P. 341.*

⁶⁹ Хюшберг писал 13 апреля Хохбергу: «Восемнадцатилетний сын Вольфа принял активное участие в волнениях, но он покинул своего отца вечером 6 апреля». См.: *Chuquet A. Op. cit. P. 342-343.*

⁷⁰ *Save G. Op. cit. P. 267.*

поджигать дом Вольфа не стали, а довольствовались его ограблением и разрушением. Заказанная в годы Реставрации экспертиза установила, что Вольфу был нанесен ущерб на сумму 96 000 франков. Естественно, он не получит от правительства Людовика XVIII ни сантима компенсации⁷¹.

У Шюке речь шла вовсе не об «ограблении» дома, а, наоборот, о сохранении имущества Вольфа для наследников. Но Сав, не скрывая свою нелюбовь к «немцам», нагнетает: не удовлетворившись этой местию, немцы схватили старшего сына Вольфа Шарля. По одной из версий, его сослали в одну из английских колоний, по другой – в Сибирь. Семья только один раз получила от него письмо без указания места и даты. В 1815 г. союзники обещали, что если Вольф сдастся и покается, ему вернут сына, но Вольф не отступил и, где могила его сына так и неизвестно⁷².

Бувье писал, что «достойный пастор Оберлен из Бан-де-ля-Рош помог Вольфу присоединиться к Наполеону в Шампани»⁷³, Сав же указывал, что сначала Вольфу удалось пробраться в осажденный Страсбург, где он представил чрезвычайному императорскому комиссару графу Пьеру-Луи Рёдереру план атаки союзных войск. Граф Рёдерер предложил Вольфу встретиться с самим императором, объяснить ему свои планы: «заодно» в штаб-квартиру Наполеона нужно было доставить некоторые специальные депеши⁷⁴. В итоге и состоялась упомянутая выше встреча Вольфа с Наполеоном 6 марта.

Судя по рапортам немецких военных, которые цитировал Шюке, после отступления из Ротау Вольф еще несколько дней скрывался где-то в округе. 10 апреля он прошел через Бан-де-ля-Рош и вроде бы направился на одну свою ферму близ Ширмек. Шеф эскадрона баденских стрелков Ментзингер (Mentzinger), который теперь занимался поисками Вольфа, отправил туда отряд баварцев и баденцев из 50 пехотинцев и 12 кавалеристов. Вольф улизнул. 12 апреля он с 40 своими людьми перешел через Брюш, чтобы укрыться в лесу Росхейм. Но вскоре уже везде стало известно о реставрации Бурбонов. 14 апреля Ментзингер рапортовал, что за последние сутки он не встретил ни одного партизана, и везде установилось спокойствие. Шюке полагал, что, покинув район Ротау, Вольф отправился не в Страсбург, а в Мец. Пьер Франсуа Дюрютт, который с успехом до

---

⁷¹ *Save G. Op. cit. P. 267-268.*

⁷² *Ibid. P. 268.*

⁷³ *Bouvier F. Les Premieres combats de 1814... P. 56.*

⁷⁴ *Save G. Op. cit. P. 268.*

последнего оборонял Мец, 15 апреля 1814 г. оставил короткую запись о Вольфе: «Лишь выполняя приказы вышестоящего начальства, он не сбился с пути чести и по своему поведению является истинным французом»⁷⁵. Эта реплика похожа на оправдание за обвинения.

Для описания дальнейшей судьбы Вольфа передадим слово Саву. При первых известиях об отбытии Наполеона с острова Эльбы Вольф бросился в Париж, куда прибыл одновременно с императором, и умолял его доверить ему боевой пост. Наполеон немедленно отправил его в Страсбург с приказом поднять население Эльзаса и Вогезов и организовать защиту переправ с помощью добровольцев. Вольф прибыл в Страсбург 14 мая 1815 г., где генерал Жан Рапп (Rapp) поручил ему создать партизанский отряд. На призыв Вольфа откликнулись ветераны схваток при Ротау и Донон. Пунктом сбора отряда был выбран Пlobsхейм (Plobsheim), где Вольф издал прокламацию от имени «Рейнской армии и Первого вольного корпуса Нижнего Рейна», которая начиналась со слов «Храбрые эльзасцы, наши братья, мы французы». Вольф страшил население угрозой разорения и постыдного рабства, пылко взывал к свободе и независимости. Он призывал присоединиться к его отряду храбрецов, чтобы, скрываясь в лесах и горах, нападать оттуда, «как львы», на «полчища врагов», чьи останки станут «нашими трофеями, нашей наградой за то, что мы послужим и, возможно, спасем Отечество»⁷⁶.

Но его отряд так и не успел приступить к активным действиям: скорбное эхо пушек Ватерлоо возвестило о величайшем поражении. Вольф в отчаянии вернулся в Ротау. На протяжении всей Реставрации он оставался под надзором полиции. Он умер, оплакивая своего сына и свои мечты о славе, 4 января 1846 года⁷⁷.

В истории действий партизанского отряда Вольфа, описанной Г. Савом, обращает на себя внимание состав его участников. С одной стороны, мы видим в его рядах не просто ветеранов былых сражений, но и крупных собственников, с другой – лесничих, лесорубов, ремесленников, тружеников промышленных предприятий, которые, в отличие от крестьян с их хозяйствами, были менее уязвимы для мести со стороны войск союзников⁷⁸. Ж. Антрэ разглядел в

---

⁷⁵ *Chuquet A. Op. cit. P. 345, note.*

⁷⁶ Приказ Раппа и Прокламация Вольфа опубликованы у Сава. См.: *Save G. Op. cit. P. 270-272.*

⁷⁷ *Save G. Op. cit. P. 274.*

⁷⁸ *Hantraye J. Les prises d'armes de 1814-1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 2011. № 4. P. 60.*

случае с Вольфом комбинацию различных «социальных сетей»: Вольф командовал своими рабочими, а школьный учитель Дидье командовал своими учениками в бою⁷⁹. Но у Г. Сава речь шла о «бывших учениках» Дидье и ни о каком «отдельном командовании» в бою – ни слова. Вероятнее всего, упоминание «учеников» – лишь оборот речи.

У Шюке, который признавал, что Н. Вольф «сражался с наибольшим пылом и усердием»⁸⁰, мы встречаем иную картину. Буржуа во все не едины в поддержке авантюры Вольфа. Часть собственников хочет гарантий неприкосновенности своего имущества и склонна к переговорам. Буржуа при слухах о приближении партизан бегут или прячут свое имущество и даже готовы вместе с союзниками защищать городские ворота. «Лесная эпопея» Вольфа, видимо, вызвала какие-то сомнения в его чести и у жителей Меца.

Имели ли действия Вольфа какое-то военное значение? Даже если поверить Саву и считать, что партизаны Вольфа пытались в январе 1814 г. притормозить продвижение союзников через перевалы Вогезских гор, то результат можно оценить как ничтожный. Никто из историков, включая самого Сава, о влиянии «подвигов» Вольфа на ход военных действий даже не заикается. Тем более бессмысленными выглядят, с этой точки зрения, действия партизан, если речь идет об апреле 1814 г. Париж уже сдан союзникам, и во имя чего где-то в лесной глуши на границе с Германией были убиты один или два баденских драгуна? Может быть, во имя чести и из патриотических побуждений?

Вопрос о патриотизме партизан остается спорным. Нерлингер полагал, что патриотизм, несомненно, является мотивом действий среди офицеров⁸¹. Что касается самого Вольфа, то этот рьяный бонапартист не отделял в своих прокламациях защиту режима от защиты Отечества. Но позволяет ли этот пример с отрядом Н. Вольфа говорить о высоком патриотизме населения приграничных департаментов Франции? Строго говоря, приходится только верить командиру, что это чувство патриотизма было главным побудительным мотивом, чтобы взяться за оружие: якобы, вогезские крестьяне настолько любили свою родину, что не смогли вынести картины, как враг топтал их землю. К тому же Сав указывал, что Вольф обещал каждому партизану, кто примет участие в бою, выплатить 5 франков. И никто из последующих историков опровергать это не стал. Вечером после схватки в Ротау Вольф

---

⁷⁹ *Nerlinger Ch. Op. cit. P. 7, 18; Hantraye J. Op. cit. P. 50.*

⁸⁰ *Chuquet A. Op. cit. P. 330-331.*

⁸¹ *Ibid. P. 37-40.*

выполнил свое обещание и раздал своим партизанам денежное вознаграждение. Деньги были выплачены и семьям погибших. Правда, Сава писал, что только 28 человек взяли деньги⁸², и Антрэ, ссылаясь на Нерлигера, резюмировал: «большинство сторонников Вольфа отказались от платы, которую их лидер предложил им в 1814 году»⁸³. Но кому именно выплачивал деньги Вольф - неизвестно, членам своей «социальной сети» или всем? Был праздничный ужин в честь победы, но, сколько человек в нем принимало участие? Действительно ли у Вольфа было от 300 до 400 человек, как рапортовал, пытаясь оправдаться, испуганный Бодман? Или же речь должна идти о примерно сотне инсургентов, из которых после перестрелки в Ротау осталось в отряде неизвестное количество человек? Тот же Антрэ справедливо замечает, что подобные патриотические объяснения действий партизан - поздняя реконструкция⁸⁴. Таким образом, сложно говорить об особом патриотизме населения приграничных районов, как и о какой-то идеологии вообще в таких вольных отрядах.

«Казус Вольфа» интересен с точки зрения формирования и эволюции исторической памяти, с точки зрения политики памяти. Между нарративами Сава и Шюке колоссальная разница, как будто речь идет о разных эпизодах истории. Романисты, журналисты, художники и скульпторы, слушая легенды или читая Сава, прославили «защиту партизанами Ротау»⁸⁵. Но оказалось, что никаких баварских полков и «туч казаков» не было. Официальные потери баденцев - 1 человек и 1 лошадь. Вот такая вот картина...

---

⁸² *Save G. Op. cit. P. 266.*

⁸³ *Nerlinger Ch. Op. cit. P. 23; Hantraye J. Les prises d'armes de 1814-1815... P. 54.*

⁸⁴ *Hantraye J. Les prises d'armes de 1814-1815... P. 18.*

⁸⁵ Это событие стало со временем легендарным. Историю с защитой Ротау пересказывали газеты (*Le Constitutionnel* в 1840 г. и *Le Temps* в 1879 г.), действия партизан под Ротау описал Эркман-Шатриан в романе «Безумный Егоф», в память об этих людях Вольфа, «пытавшихся совершить невозможное», позднее в Ротау будет воздвигнута памятная стела. Лотарингский военный художник Гридель (*Gridel*) в 1900 г. увековечил эту схватку на картине «Защита кладбища в Ротау Николасом Вольфом и его партизанами 6 января», находящуюся сегодня в музее Сен-Дье.

LA DÉFENSE DU CIMETIÈRE DE ROTHAU
par NICOLAS WOLFF et les partisans vosgiens
le 6 janvier 1814.

Source gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale et universitaire de Strasbourg

«НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ ЦВЕТОК» УИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА:
«НАЦИЯ» ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО ПОЭТА ЭПОХИ
РОМАНТИЗМА

А.А. Вихорев¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: artemvikhorev2003@gmail.com

Аннотация. Эпоха Наполеоновских войн стала временем актуализации понятия «нация» в политическом дискурсе английских интеллектуалов патриотического толка, стремящихся консолидировать общество для победы над внешней угрозой. Особое место среди них занимает известный английский поэт и публицист Уильям Вордсворт (1770-1850 гг.), являвшийся основоположником так называемой «Озерной школы». В данной статье рассматриваются представления указанного мыслителя о сущности и роли «нации» в современной ему политической ситуации. Автор проанализировал основные критерии, которые, по мнению Вордсворта, выступают в качестве основополагающих признаков нации: стремление к достижению общего блага, наличие общих национальных качеств, суверенность и ограниченность территории (создание «наций-государств»). На основании использованных источников автор приходит к выводу о том, что поэт, взяв на вооружение идею общего блага и вписав ее в рамки собственных представлений о сущности и роли наций, создал индивидуальную идейную конструкцию, которая частично использовалась английскими националистами более позднего периода.

Ключевые слова: Уильям Вордсворт, «Озерная школа», политический романтизм, нация, национализм, общее благо.

WILLIAM WORDSWORTH'S «UNRIVALLED FLOWER»:
"NATION" IN THE VIEWS OF THE ENGLISH ROMANTIC POET

A.A. Vihorev

(Saratov, Russia)
e-mail: artemvikhorev2003@gmail.com

Annotation. The era of the Napoleonic Wars was the time of actualisation of the concept of "nation" in the political discourse of patriotic English intellectuals, who sought to consolidate the society of their country to defeat the external threat. A special place among them belongs to the famous English poet and publicist William Wordsworth (1770-1850), who was the founder of the so-called "Lakes School". This article considers the ideas of this thinker about

---

¹ Вихорев Артем Алексеевич, лаборант-исследователь НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи», студент 4-го года обучения Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

the essence and role of the "nation" in the political situation contemporary to him. The author analysed the main criteria, which, in Wordsworth's opinion, act as fundamental attributes of the nation: the desire to achieve the common good, the presence of common national qualities, sovereignty and limited territory (the creation of "nation-states"). Based on the sources used, the author concludes that the poet, taking the idea of the common good and fitting it into the framework of his own ideas about the essence and role of nations, created an individual ideological construction, which was partially used by English nationalists of the later period.

Keywords: William Wordsworth, "The Lake School", political romanticism, nation, nationalism, commonwealth.

Одной из основополагающих проблем современного политического дискурса, безусловно, является вопрос о трактовке понятия «нация», легшего в основу националистического нарратива, сформировавшегося в XIX столетии и вышедшего за пределы Западного мира. При всей явной неопределенности интеллектуального содержания данного понятия, весь спектр его трактовок можно условно разделить на две обширные группы. К первой относятся сторонники «объективной нации», под которой подразумевается исторически сложившаяся общность людей, существующая вне зависимости от человеческого сознания. Ее критериями могут выступать язык, общие территория и история, культурные характеристики и др.² Ко второй группе относятся сторонники «субъективной нации», под которой подразумевается интеллектуальный конструкт, созданный самим человеком. Так, известный британский социолог Бенедикт Андерсон определил нацию, как «воображенное политическое сообщество, которое воображается как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»³. Подобную точку зрения высказывал и основоположник мир-системной теории Иммануил Валлерстайн, считавший существование нации мифом, созданным государством, которое конструирует ее историю и долгую хронологию, а также определяется с «набором характеристик, даже если не всем в группе эти характеристики подходят»⁴. Какая бы точка зрения по данной проблеме не оказалась истинной, неоспоримым является тот факт, что «нация» выступает в роли определенного уровня самоидентификации обширных групп людей, который становится составной частью имагологической конструкции «свой / чужой». Более того, в политической сфере «нация», как основа идеологической системы,

---

² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 12.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 47.

⁴ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. С. 139.

зачастую используется в качестве инструмента консолидации общества и легитимации власти⁵, что обуславливает значимость дискуссий по поводу трактовки данного понятия, а также изучения процесса его формирования и интеллектуального наполнения в различные исторические эпохи на территории различных государств.

В рамках данной статьи обратимся к опыту Англии. В политическом дискурсе этой страны понятие «нация» актуализируется на фоне Революционных и Наполеоновских войн 1792-1815 гг., которые воспринимались частью общества как угроза местному строю, ставшего продуктом Английской революции XVII века. Наиболее же активными идеологами «нациестроительства» в данный исторический период выступили представители романтизма – нового типа восприятия окружающей действительности, противостоящего идеалам эпохи Просвещения и основанного на иррационализме, стремлении к естественности в творческой деятельности, вере в традиционные христианские ценности, а также идеализированном представлении о средневековом прошлом. В сознании романтиков происходит разрыв окружающей их реальности на два мира, которые известный немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель обозначил как мир «духовного царства», не поддающийся рационалистической регламентации и постигаемый только с помощью естественных чувств человека, и мир «эмпирической действительности»⁶. В связи с этим наиболее полно и ярко тенденции романтизма проявили себя в различных видах искусства, но, не ограничившись ими, стали проникать и в другие сферы жизни общества, что обусловило возникновение политического романтизма, ставшего идеологической базой для конструирования «национальной общности». Одним из наиболее значимых «демиургов» данного интеллектуального построения выступил представитель «первой волны английского поэтического романтизма»⁷ Уильям Вордсворт (1770-1850). Будучи совместно с Сэмюэлем Тейлором Кольриджем и Робертом Саути представителем так называемой «Озерной школы», этот «певец Озерного края»

---

⁵ Миллер А.И. Дебаты о нации в современной России // Политическая наука. 2008. № 1. С. 7; Гладышев А.В. Идея «нации» и Франция к. XVIII – н. XIX вв. // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции, Пятигорск, 25-27 апреля 2008 г. Ставрополь-Пятигорск-Москва, 2008. С. 13-34.

⁶ Гегель Г. Эстетика в 4-ех томах / пер. Б.Г. Столпнера, под ред. М. Лифшица. М., 1969. Т. 2. С. 241.

⁷ Hilton B. A mad, bad and dangerous people? England 1783-1846. Oxford, 2006. P. 487.

оказал значительное влияние на развитие английской поэзии, выступив против возвышенных идеалов эпохи классицизма, что с восхищением было отмечено современниками Вордсворта не только в Англии, но и за рубежом. В частности, великий русский поэт А.С. Пушкин назвал его одним из творцов, прославивших жанр сонета, и даже посвятил поэту одно из своих стихотворных произведений⁸.

Между тем, Вордсворт был довольно активным публицистом, размышлявшим о наилучших формах взаимодействия государства, общества, личности. Его поэтические произведения и работы публицистического характера оказали значительное влияние на британскую общественную мысль второй половины XIX – начала XX столетия, а идеи, изложенные в них, легли в основу английского национализма, проявлявшего себя в трудные для страны годы, консолидируя ее общество. Изучение политических взглядов Вордсворта и его «националистических» идей позволяет не только понять основы мировоззрения данного поэта, но и поможет лучше разобраться в процессе выкристаллизовывания краеугольных камней «нациестроительства», характерного для европейских государств XIX столетия.

Стоит отметить, что в современной западной историографии существует целый ряд работ, посвященных формированию английского национального сознания, среди которых отдельно хотелось бы выделить монографию профессора Бостонского университета Лии Гринфельд «Национализм. Пять путей к современности»⁹, в которой исследовательница находит истоки британского национализма в XVI столетии, доводя его историю до наших дней. Одним же из первых исследований, обозначивших личный вклад Вордсворта в конструирование английской нации, стала работа британского правоведа Альберта Вэнн Дэйси¹⁰, в которой он проанализировал общественную деятельность поэта, а также его политические взгляды в период с 1802 по 1815 год. Особое внимание ученый уделил влиянию идей известного публициста и государственного деятеля Эдмунда Бёрка на мировоззрение Вордсворта, а также «националистическим» воззрениям поэта. Эта же тематика нашла отражение и в труде Джеймса Гаретта «Вордсворт и написание Нации»¹¹, в которой автор в большей степени акцентировал внимание на

---

⁸ Рябова А.А. Жаткин Д.Н. А.С. Пушкин и поэзия «Озерной школы» // Интеграция образования. 2008. № 3. С. 116.

⁹ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.

¹⁰ Dicey A. V. The statesmanship of Wordsworth. Oxford, 1917.

¹¹ Garrett J.M. Wordsworth and the Writing of the Nation. Burlington, 2008.

«постнаполеоновских» взглядах романтика. В отечественной же историографии романтики «Озерной школы» оставались вне рамок интеллектуальной истории, т.к. историки общественной мысли не уделяли им должного внимания. Но если Кольридж и Саути все же удостоились, в конце концов, внимания в этом отношении¹², то в современной российской науке изучением Вордсворта по большей части по-прежнему занимаются филологи, которые акцентируют внимание на его литературных приемах и связях¹³.

Важнейшими источниками для разработки данной темы служат личные письма Вордсворта, а также его художественные и публицистические произведения. Среди последних отдельно необходимо отметить памфлет 1809 года, посвященный конвенции в Синтре, подписанной во время Пиренейской войны в 1808 году. В нем автор возмущается тем, что английское военное руководство не смогло воспользоваться военными успехами собственной армии и португальцев, позволив французской армии беспрепятственно покинуть регион. За мысли, выраженные в данной работе, британский исследователь назвал Вордсворта одним из первых английских националистов¹⁴. Более того, в 1915 году в самый разгар Первой мировой войны уже упоминаемый Альберт Вэнн Дэйси переиздал памфлет 1809 года, посчитав его актуальной «наиболее полной инструкцией для современных людей»¹⁵. Среди же поэтических произведений Вордсворта наибольший интерес по рассматриваемой тематике представляет «Благодарственная ода»¹⁶ 1816 года, посвященная победе над

---

¹² См., например: *Королев А.В.* Кольридж и Французская революция // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV-XIX вв. М., 2008. С. 147–155; *Мишин И.В.* Роберт Саути и наполеоновская Франция // Новая и новейшая история: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Мирзаханова. Саратов, 2008. Вып. 23. *Королев А.В., Мишин И.С.* Восприятие Французской революции английскими поэтами-романтиками Кольриджем и Саути // Образ войн и революций в исторической памяти. Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 23-24 апреля 2009 г. Пятигорск-Ставрополь, 2009. С. 188–191. *Языкова Е.А.* Революции и Наполеоновские войны в оценке Роберта Саути // Вестник Марийского государственного университета. 2021. С. 382-391.

¹³ См., например: *Дьяконова Н.Я.* Английский романтизм. М., 1978; *Горбунов А.Н.* Три великих поэта Англии: Донн, Милтон, Вордсворт. М., 2012.

¹⁴ *Dacey A.V.* Introduction // Tract on the Convention of Cintra. London, 1915. P. 26.

¹⁵ Ibid. P. 7.

¹⁶ *Wordsworth W.* The complete poetical works / ed. J. Morley. London, 1889. P. 546-549

Наполеоном в битве при Ватерлоо. Кроме того, был использован ряд других его поэтических работ разных лет.

Прежде чем обратиться к интеллектуальному наполнению Вордсвортом понятия «нация», важно обратить внимание на факторы, которые привели поэта к мысли о необходимости сплочения английского общества. Наиболее значимым среди них, безусловно, является война между Наполеоновской Францией и Британией, начавшаяся в 1803 году. Действительно, столь масштабное и значимое событие не могло не вызвать отклик со стороны английских интеллектуалов. В условиях перманентной угрозы французского вторжения и активной деятельности профранцузских общественных деятелей, «национальная идея» начинает захватывать умы культурно значимых представителей патриотического направления английской общественной мысли, среди которых оказался и Уильям Вордсворт. Стремясь показать свою солидарность британским властям, поэт 3 октября 1803 года присоединился к добровольцам Грасмира¹⁷, хотя лично никогда не участвовал в боевых действиях. Настоящую же «войну» Вордсворт вел на страницах своих личных писем, литературных и публицистических произведений. Именно здесь рассматриваемый поэт и отразил свои представления о том, что должна представлять из себя любая нация.

По мнению исследователя Джеймса Гаретта, Вордсворт видел британскую нацию в виде абстрактной единой общности, ограниченной территорией острова, объединенной общей целью – победой над французской агрессией¹⁸. Действительно, одним из важнейших «национальных признаков» поэт называл наличие некоей общей цели, которая, однако, выходила за рамки противостояния французам, представляя собой, по мнению Вордсворта, достижение «Национального счастья», метафорически названного им «ярким и непревзойденным цветком»¹⁹. Необходимым условием для реализации данного идеала лейкист считал обретение и защиту национальной независимости, обеспечившей бы существование разнообразных духовных благ: душевного тепла, радости, любви и многих других²⁰. Между тем, материальные потребности людей должны отойти на

---

¹⁷ *Bainbridge S. War / William Wordsworth in Context / ed. A. Bennett. Cambridge, 2015. P. 202;* Грасмир – деревня в округе Уэстморленд и Фернесс, в самом центре Озерного края.

¹⁸ *Garrett J.M. Op. cit. P. 70.*

¹⁹ *Wordsworth W. Convention of Cintra. London, 1915. P. 190.*

²⁰ *Ibid. P. 167.*

второй план, уступив место царству Морали и Справедливости. Отдельно поэт указывает на то, что Национальное счастье должно стать общей целью для каждого члена нации: «Эффективной является только такая борьба, во время которой индивидуум знает, что огонь, который разгорается в нем, не менее силен в груди его товарищей»²¹. Там же где люди не стремятся к достижению общенационального блага, существует лишь стадо, подменяющее собой реальное общество²². По мнению Вордсворта, сплочение нации должно произойти не только на горизонтальном, но и на вертикальном уровне, подчинив стремлению обрести Национальное счастье интересы не только рядовых ее членов, но и политической элиты, направляющей народ на пути к достижению указанной поэтом цели. Так, в своем политическом трактате, критикуя английское военное руководство за подписание скандальной Синтрской конвенции, Вордсворт ставит ему в пример испанских лидеров национально-освободительной войны, которые, добившись капитуляции армии французского генерала Дюпона у Байлена, показали, что они составляют с народом единое целое в своем стремлении добиться Национального счастья, а их правление является «отеческим»²³. Таким образом, в политических воззрениях Вордсворта четко прослеживается влияние идеи «общего блага». Стоит отметить, что данное словосочетание (*commonwealth*) получило распространение в английском политическом дискурсе еще в XVI столетии, когда оно стало синонимом слова «общественность» (*society*), что нашло отражение в словарях Элиота и Т. Купера²⁴. К XVIII веку «*commonwealth*» (общее благо) употреблялось уже взаимозаменяемо с понятиями страна (*country*) и нация (*nation*)²⁵. Именно к этому времени «общее благо» и стало одним из краеугольных камней английской политической философии, что нашло отражение во взглядах Уильяма Вордсворта.

Еще одним важным критерием нации поэт называет общие для ее членов моральные качества. По его мнению, именно от них зависит ее способность противостоять внешней угрозе²⁶, которая в начале XIX столетия виделась в «деспотическом режиме» Наполеона Бонапарта. Так, в своем трактате 1809 года поэт уделяет значительное

---

²¹ *Wordsworth W. Convention of Cintra. P. 120.*

²² *Ibid. P. 168.*

²³ *Ibid. P. 83.*

²⁴ *Гринфельд Л. Указ. соч. С. 37.*

²⁵ Там же.

²⁶ *Wordsworth W. Op. cit. P. 235.*

внимание национальным качествам испанцев и португальцев, отмечая среди них упорство, постоянство, стойкость, бдительность, готовность откликнуться на благосклонный призыв²⁷. Вордсворт считает, что Пиренейский конфликт позволил испанцам, как и португальцам, впервые почувствовать себя представителями сплоченной нации, которые «встали как один человек с одной и той же надеждой» не только на победу над злом, но и на «внутреннее реформирование, конструирование на основе их древних институтов, обычаев и законов, более совершенного каркаса гражданского правительства»²⁸, что и является для них Национальным счастьем. При этом для Вордсворта, как и для большей части английских патриотов того времени, характерна «франкофобия». В его представлении поднимавшим голову испанцам противостоят деградирующие французы, которые «являются развращенным, недисциплинированным народом, не имеющим гражданских качеств и привычек»²⁹, а «французская молодежь доведена до отчаяния угнетением, которое освобождает их от всякой ответственности перед собственной совестью»³⁰. Этот народ, ведомый «душителем свободы», уничтожает все то, что по мнению поэта, придает человеческой жизни ценность – разум, веру в Бога, истину³¹. Так, в «национальном» дискурсе Вордсворта отчетливо видны шовинистические нотки, выраженные в слепой неприязни к представителям другого европейского народа.

Анализируя сущность Наполеоновских войн и исходя из своих «национальных» идей, рассматриваемый поэт, ориентируясь на опыт интеграции Англии, Уэльса и Шотландии и предвосхищая национальные движения постнаполеоновской Европы, указывает на необходимость объединения расколотых «государств-наций» для последующего предотвращения масштабных военных конфликтов в Европе: «Если бы были разрушены барьеры, разделявшие одну нацию на неаполитанцев, тосканцев, венецианцев и др., а другую – на пруссаков, ганноверцев и т.д. Если бы их смогли научить чувствовать свою общую силу, то французы немедленно были бы оттеснены в свои земли»³². Вордсворт предлагает и возможное решение проблемы военных конфликтов в Европе с помощью установления

---

²⁷ *Wordsworth W. Convention of Cintra. P. 23.*

²⁸ *Ibid. P. 86.*

²⁹ *Ibid. P. 229.*

³⁰ *Ibid. P. 83.*

³¹ *Ibid. P. 76.*

³² *Ibid. P. 237.*

баланса сил в регионе, который поддерживался бы шестью национальными государствами – Испанией, Францией, Италией, Германией, Россией и Англией. Мелкие же страны, по мнению Вордсворта, должны исчезнуть, войдя в состав более крупных национальных государств³³. Такое политическое поглощение полностью соответствует идеи поэта о том, что одному народу выгодно подчиниться другому в 2-ух случаях: во-первых, если один из них значительно превосходит другой в сфере культурного развития, а, во-вторых, когда правительство более слабой страны не может самостоятельно обеспечить свою безопасность³⁴. Таким образом, Вордсворт делит европейские народности на доминирующие и второстепенные. Последние должны признать превосходство первых и слиться с ними в единую нацию в рамках одного государства.

В романтизированном представлении Вордсворта об «идеальном» политическом устройстве Европы после окончания Наполеоновских войн особое внимание уделялось также политике невмешательства национальных государств во внутренние дела друг друга. Так, характерным является тот факт, что до конца жизни он осуждал вмешательство правительств стран, входивших в Первую антифранцузскую коалицию, во внутренние дела Франции в 1792-93 гг. Более того, Вордсворт твердо выступал против гегемонии какого-либо одного государства: «Горе той стране, чья военная мощь непреодолима! Я осуждаю подобный расклад для Великобритании едва ли меньше, чем для любой другой страны. Сципион предвидел бедствия, которые постигнут Рим, когда не будет Карфагена, с которым он мог бы бороться. Если нации нечего противопоставить и бояться вовне, она не сможет избежать разложения и потрясений внутри»³⁵. Между тем, поэт заявляет о национальном нравственном и политико-административном превосходстве Англии, которую он представляет страной свободы, мужества и мира, домом высокого примера и доброго наставления, а также «центральной сферой, к которой должны стремиться все земные народы»³⁶, что соответствует его патриотическим взглядам, сформировавшимся под влиянием разочарования в результатах Французской революции³⁷.

---

³³ *Wordsworth W.* Convention of Cintra. London. P. 238.

³⁴ *Ibid.* P. 163-164.

³⁵ *Ibid.* P. 237.

³⁶ *Ibid.* P. 111.

³⁷ *Вухорев А.А.* Французская революция и «тотальная война» 1792-1815 гг. в оценках Уильяма Вордсворта // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2022. Вып. 25. С. 31-32.

По всей видимости, после падения Наполеоновской Франции Вордсворт еще какое-то время ощущал, что внес значимый вклад в сплочение британского общества для борьбы с внешней угрозой. Это нашло отражение в его поэтическом произведении «Благодарственная ода» 1816 года, посвященном битве при Ватерлоо. В этой работе поэт называет данное событие «великим моральным триумфом»³⁸, к которому привели чувства, пробудившие воинственный дух в душах его соотечественников. Выделяя данную причину поражения Бонапарта и делая на ней акцент, Вордсворт отсылается к своему политическому сочинению 1809 года, призванного пробудить в англичанах как раз те чувства, о которых идет речь в стихотворном произведении, что позволяет говорить о стремлении поэта обосновать свою роль в победе над противником его родной страны.

После относительной стабилизации политической ситуации в Западной Европе интерес Вордсворта к национальной тематике заметно снижается, хотя и продолжает жить в его романтической поэзии. Так, исследователь Джеймс Гарретт указывает на то, что для более позднего творчества рассматриваемого поэта характерна попытка «написать нацию, обратившись к местному, сознательно пытаюсь реформировать национальный характер, приобщив его к вестморлендскому ландшафту с местной идиосинкразией»³⁹. Однако, в данный период Вордсворт отнюдь не ограничивается «краеведческой» тематикой, а все также периодически проявляет интерес к европейскому «нациестроительству». Наиболее показательным в этом отношении является его сонет, написанный во время посещения им Италии в 1837 году. В данной работе Вордсворт выражает надежду на то, что в данном регионе еще пробудится сила, которая разорвет оковы, сдерживающие развитие страны⁴⁰.

Таким образом, «националистические» воззрения Вордсворта, получившие окончательное оформление в период Наполеоновских войн, представляют собой наилучший пример проявления политического романтизма начала XIX столетия, выраженного в идеализированном представлении о послевоенном устройстве Европы, основанном на доминирующей роли отдельных наций, разделивших между собой все европейское пространство. Взяв на вооружение идею общего блага и вписав ее в рамки собственных представлений о сущности и роли наций в современной ему политической

---

³⁸ *Wordsworth W. The complete poetical works. P. 547.*

³⁹ *Garrett J.M. Op. cit. P. 69.*

⁴⁰ *Dacey A.V. The statesmanship of Wordsworth. Oxford, 1917. P. 115.*

ситуации, поэт создал индивидуальную идейную конструкцию, позволявшую, по его мнению, определить причины крупного военного конфликта в Европе начала XIX века и предотвратить подобные разрушительные события в дальнейшем. После 1815 года Вордсворт не отказался от своих воззрений по национальному вопросу, что нашло отражение в ряде его стихотворных произведений, а уже после смерти поэта некоторые из выдвинутых им идей оказали влияние на развитие английского национализма.

АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ В ТЕОРИИ БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ЛОРДА КРОМЕРА

С.А. Богомолов¹

независимый исследователь

e-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется теоретическая концепция «старого и нового империализма» Эвелина Баринга (Кромера). Он доказывал несовершенство Афинского морского союза, как неустойчивого конгломерата полисов. Римская империя стала новым шагом в развитии европейского империализма, дополнив греческий идеал демократии рациональной бюрократией и формальным правом. Республиканизм и христианский гуманизм являются двумя главными опорными конструкциями Британской империи, унаследованными от Античности.

Ключевые слова: Британская империя, Египет, Кромер, Древний Рим, колониализм, экспансия

ANTIQUÉ EXAMPLES IN THE THEORY OF BRITISH IMPERIALISM BY LORD CROMER

S.A. Bogomolov

(Ulyanovsk, Russia)

e-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Abstract. The article analyzes the theoretical concept of «old and new imperialism» by Evelin Baring (Cromer). He proved the imperfection of the Athenian Maritime Union, as an unstable conglomerate of policies. The Roman Empire was a new step in the development of European imperialism, supplementing the Greek ideal of democracy with rational bureaucracy and formal law. Republicanism and Christian humanism are the two main pillars of the British Empire, inherited from Antiquity.

Key words: British Empire, Egypt, Cromer, Ancient Rome, colonialism, expansion

Эвелин Баринг (1841–1917, с 1892 г. барон, с 1902 г. граф Кромер) вошел в историю Британской империи, как один из наиболее выдающихся «проконсулов». В Туманном Альбионе так называли наместников, управлявших колониями и зависимыми территориями не столько на основании правительственных полномочий, сколько за счет личной харизмы, административных способностей, интеллекта и силы

---

¹ Богомолов Сергей Александрович (Ульяновск), кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь.

воли. Огромный практический опыт и постоянное самообразование стали основой солидного вклада Баринга в формирование теоретической концепции «нового империализма». Он продолжил работу Джона Сили, исследуя историческую ретроспективу европейского имперского наследия. Прекрасно зная Восток, проконсул сформулировал концепцию Британской империи, как преемницы ее античных предшественников, принципиально отличавшихся от азиатских антиподов.

В британской кромериане от Г. Трэйля и до Р. Оуэна политическую и дипломатическую деятельность «проконсула» историки, оперировавшие в колониальном или антиколониальном идеологизированных дискурсах, исследовали с диаметрально противоположных позиций². Для сложной и неоднозначной личности Кромера более адекватными представляются промежуточные оценки. Разумеется, лорд был активным участником консолидации Британской империи, но он также искренне желал процветания Египта и в далекой перспективе не исключал его независимости. Как правило, британские авторы не придавали большого значения теоретическим и публицистическим работам Кромера, считая их своеобразной творческой отдушиной и формой проведения досуга для великого государственного деятеля. В отечественной историографии специальные работы о Кромере отсутствуют.

Эвелин Баринг происходил из известной династии лондонских финансистов, но не стал продолжать семейную традицию и в 1855 г. поступил в Королевскую военную академию в Вулвиче. В 1872 г. офицер-артиллерист вместе со своим кузеном лордом Нортбруком, назначенным вице-королем Индии, отправляется в Калькутту в качестве его частного секретаря. После отставки Нортбрука в 1876 г. Баринг вернулся в Англию и в 1877 г. в звании майора вышел в отставку. В этом же году он был назначен генеральным контролером Кассы публичного долга в Египет. В июне 1880 г. Баринг получил назначение в Совет вице-короля Индии и уехал из Каира. Но после отставки в 1879 г. хедива Исмаила и прихода к власти его сына Тауфика кризис в Египте продолжал углубляться. Подавив в 1882 г. Национальную революцию, Великобритания оккупировала Страну пирамид, но не могла аннексировать эту османскую провинцию, чтобы не нарушить баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке.

---

² *Traill H.D.* Lord Cromer. A biography. L., 1897. 351 p.; *Owen R.* The Brismis Annual Lecture 2004: Biography and Empire: Lord Cromer (1841-1917) then and now // *The British Journal of Middle-Eastern Studies.* 2005. Vol. 32. No 1. P. 3-12.; *Owen R.* Lord Cromer. Victorian Imperialist, Edwardian Proconsul. Oxford, 2005. 436 p.

11 сентября 1883 г. Баринг сменил Эдварда Малета в должности генерального консула в Каире, став главным британским резидентом и неформальным «абсолютным министром» в египетском правительстве (Plenipotentiary minister and Consul-General). Офицер стал финансистом, а затем дипломатом и главным архитектором «завуалированного протектората». Этот всемогущий правитель Египта был удостоен неофициальных прозвищ «короля Эвелина I» и «нового римлянина на Ниле».

В 1883–1907 гг. Баринг (Кроммер) создал уникальную систему косвенного контроля Египта. Этот убежденный либерал управлял своими британскими и египетскими подчиненными жесткими авторитарными методами, чтобы сохранить имперское наследство хедива Исмаила. Под неусыпным контролем Баринга Совет министров преодолел острейший финансовый кризис и продолжило модернизацию экономики. В 1892 г. проконсул обеспечил передачу власти умершего хедива Тауфика его сыну Аббасу, а затем решительно подавил все попытки молодого правителя выйти из-под британского контроля³.

Стабилизировав экономическую ситуацию и накопив достаточные финансовые ресурсы, лорд Кроммер обеспечил в 1896–1898 гг. реконквисту Судана. И только после триумфа 2 сентября 1898 г. англо-египетской армии генерала Китченера под Омдурманом его звезда начала закатываться. «Завуалированный протекторат» начал разваливаться под натиском возрождавшегося Национального движения. Баринг не смог предложить «младоегиптянам» новую программу реформ и оказался не готов разделить власть с национальной элитой. 6 мая 1907 г. государственный секретарь по иностранным делам Эдвард Грей объявил в палате общин об отставке лорда Кроммера⁴.

По определению лорда д'Абернона, Баринг «был пропитан героическим духом античности: открыто признанной жаждой славы, пренебрежением к незначительному, верой в силу и власть, восхищением достижениями, презрением к слабости». Этот наследник Юлия Цезаря на берегах Нила был «римлянином даже в отдыхе», каждый день посвящая два часа физическим упражнениям и постоянно читая научную литературу. Для египтян это был «римский префект, а не фараон».

---

³ *Cromer Lord. Modern Egypt. Vols. 1-2. L., 1908. Vol. 1. 594 p. Vol. II. 600 p.; Cromer Earl. Abbas II. L., 1915. 84 p.*

⁴ *Brome Weigall A.E.P. A History of Events in Egypt from 1798 to 1914. Edinburgh, L., 1915. Pp. 203-209; The Cambridge history of Egypt. Vol. 2. Modern Egypt, from 1517 to the end of Twentieth century / ed. by M.W. Daly. Cambridge, 2008. Pp. 243-244.*

Баринг управлял хедивом Тауфиком и его министрами «из-за трона», но его советы и рекомендации были приказами, обязательными для исполнения⁵.

Выйдя в отставку, Кромер систематизировал свой огромный опыт в серии научных и публицистических работ. Излюбленный метод проконсула - это поиск параллелей между римским и британским имперским опытом. Как и Джон Сили, Кромер критиковал первую европейскую модель древнегреческого колониализма. Он полагал, что «Афины... были скорее интеллектуальным, чем материальным завоевателем мира». Перикл основал морскую державу, опираясь на эклессии - собрания граждан. Но прямая демократия была крайне несовершенным механизмом государственного управления. Афинский полис был основан на ложной предпосылке способности любого гражданина управлять специализированными департаментами. Правление демоса в чистом виде было неэффективным соперничеством демагогов, стремившихся угодить толпе, но не думавших о государственных интересах.

В действительности Афины достигли своих главных успехов и объединили другие греческие города только когда выдвигали лидеров, способных подчинять своей воле других людей и обладавших мудростью государственных деятелей. Гений Фемистокла создал лучший флот Средиземноморья, но в распоряжении Перикла было всего 50 тысяч мужчин, способных к военной службе. Поэтому морская гегемония Афин продолжалась с 477 до 405 г. до н.э. и была лишь мгновением в мировой истории. Греческие полисы согласились подчиниться Афинам из-за персидской агрессии, но этот союз был ближе к федерации, чем к империи. Эллада была объединена своей культурой, но не создала единой нации. Афинский морской союз все время раздирался взаимными интригами, подозрениями и завистью.

По мнению Кромера, вся история Греции - это борьба Афин и Спарты за удержание под своей властью неустойчивых коалиций союзников. Колонии греков в Италии, Малой Азии и в Северном Причерноморье были изначально независимы от «материнской страны». Они не были способны к организованной и целенаправленной экспансии и легко поглощались сильными соседями. Афинская морская держава была неустойчивой, т.к. основывалась на взаимоисключающих принципах мирового имперского идеала и патриотизма изолированных городов-государств. Ссылаясь на труды Фюстеля де Куланжа, Кромер

---

⁵ Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. 1781-1997. М., 2010. С. 238-239.

утверждал, что потенциал экспансии таких искусственных структур крайне ограничен, потому что они основаны не на политико-правовых, а на семейно-родственных или религиозных связях.

Эллинскому разуму не был свойственен империализм, основанный на «расовой гордости», хотя они и дистанцировались от «варваров», т.е. «не-эллинов». Исторической заслугой Геродота, Аристотеля, Еврипида стала разрушение ореола величия восточных деспотий, как воплощения произвола и бессмысленного кровопролития. Александр Македонский сокрушил потомков «хвастливого и некомпетентного Ксеркса», но для эллинов он остался иностранцем и был ближе к «варварам»-иллирийцам. По мнению Кромера, Александр Великий был скорее «завоевателем, чем строителем империи» и умер до «вступления в конструктивную часть его карьеры». Ученик Аристотеля строил на завоеванных землях «александрии», копируя греческие полисы и не способные объединиться в устойчивый имперский организм. Самообожествление по примеру египетских фараонов не объединило Запад и Восток, а отравило разум Александра иллюзией всемогущества.

Эллада оставила в наследство Европе не империализм, а космополитизм, утверждавший заботу обо всех странах, кроме собственной. Кромер ссылаясь на Полибия, пародировавшего Фемистокла и приписавшего грекам подобные самоубийственные настроения накануне римского завоевания: мы спасемся только, если будем быстро разрушены. Поэтому Македонская держава распалась на царства-ойкимены сразу же после смерти ее основателя. Тем не менее, военные победы Александра и миграции греков на Восток кардинальным образом преобразовали отношения Запада и Востока. Македонские монархи оставили неизгладимый след в истории и культуре Средиземноморья. Птолемей Филадельф посылал воду из Нила своей дочери в Антиохию, а хедив Исмаил – детям своих пашей, учившихся в Париже. Под македонской властью греков в Александрии наказывали хлыстами, а не кнутами. Во время правления Исмаила они сохранили привилегированный статус, сменив только его антураж⁶.

В исторической концепции Кромера «практичные римляне» кардинальным образом превосходили «недисциплинированных идеалистичных греков с их интенсивной индивидуальностью». «Энтузиаст-империалист» Марон Публий Вергилий в I в. до н.э. создал

---

⁶ *Cromer Lord. Ancient and Modern Imperialism. L, 1910. Pp. 3-4, 7-13; Cromer Lord. Rome and Municipal Government // Cromer Earl. Political and Literary Essays. 1908-1913. L., 1913. Pp. 340-341; Cromer Lord. Greek Imperialism // Cromer Earl. Political and Literary Essays. Second Series. L., 1914. Pp. 301-309.*

основополагающую формулу Римской империи, выразившую доминирующее общественное мнение. Поэт требовал от соотечественников: «Римлянин! Ты научись народами править державно – В этом искусство твое! – Налагать условия мира, Милость покорным являть и смирять войною надменных!»⁷. Военная сила была для суровых и аскетичных легионеров главным способом распространения порядка и законов цивилизации среди хаоса и жестокости варварства. Но строители первой европейской империи понимали, что силу мечей необходимо дополнять мудростью законов. Римское искусство управления было облагорожено греческой культурой. Первые имперские эксперименты греков стали основой для долгосрочной римской унификации.

Кромер считал главным историческим достижением Рима доказательство совместимости демократии и империализма. Самым успешным периодом экспансии был республиканский, когда Рим стал лидирующим партнером в федерации городов-государств («муниципалитетов») Италии. Выборные консулы и сенаторы Вечного города сохраняли внутреннюю свободу своих союзников, ограничиваясь контролем и координацией внешней политики. Рим стал для Британии прообразом «материнской страны», проводившей гибкую и уступчивую политику, относившейся к местным обычаям с уважением и предупредительным вниманием.

Кромер считал, что двойной патриотизм, лояльность к Риму и своему родному городу стали основой устойчивости и обеспечили отражение агрессии Карфагена во время Второй Пунической войны 218–201 гг. до н.э. После победы над Ганнибалом гегемония Рима трансформировалась в доминирование. Рост необоснованных привилегий римских граждан стал главной причиной кровопролитной гражданской войны, после которой мятежные городские коммуны потеряли свою автономию. С этого момента началось разрушение республиканских институтов и превращение Рима в столицу мировой империи.

В I в. до н.э. полководец Лукулл во время войн с Митридатом дополнил поэтический образ Вергилия идеей «агрессивного империализма». Но после разгрома своего главного соперника в Восточном Средиземноморье Рим вышел к рубежам своей экспансии на Кавказе и в Передней Азии. Римская республика сменилась империей. Политики начали сдерживать свои амбиции и умерять честолюбие военачальников. Кромер первым поставил проблему управляемости и контролируемости центральной бюрократией динамичных процессов экспансии на

---

⁷ Вергилий. Энеида / пер. С.А. Ошерова. М., 2013. С. 47.

периферии. Британский «проконсул» писал о своих прямых предшественниках: «амбициозные проконсулы и командиры – прототипы британских Уоррена Гастингса и русского Скобелева, вдохновленные или личными мотивами, или сильным убеждением в необходимости действий в римских интересах, постоянно форсировали действия центрального правительства»⁸.

В критические моменты имперской экспансии древние и современные «проконсулы» часто отказывались от рациональных расчетов и игнорировали соотношение сил. Осторожные бюрократы в центре редко имели полную информацию о быстро меняющейся обстановке на фронтах и не могли оценить меру допустимого риска. Полибий на многочисленных примерах Пунических войн доказывал, что римляне становились наиболее бесстрашными при максимальной опасности и именно тогда одерживали свои главные победы⁹. Кромер также заметил, что Сулла в 86 г. до н.э. при Херонее победил войска греков, в три раза превосходившие римлян по численности. Такой же «неслыханной наглостью» отличались военные операции Р. Клайва в Индии, штурм Ташкента отрядом генерала М.Г. Черняева. Однако Кромер привел излишне комплиментарные оценки храбрости британских солдат и офицеров во время войн с бурами.

Окончательный успех «строителей империи» зависел не только от отчаянной смелости, но и от трезвых расчетов. Не имея достаточно сил и денег, Роберт Клайв в 1765 г. воздержался от присоединения Ауда к Бенгалии, положив начало разделению генерал-губернаторств и княжеств в Индийской суб-империи. В 1899 г. после тяжелых поражений в Южной Африке новый главнокомандующий Фредерик Робертс сделал ставку на численное превосходство, плотную блокаду бурских республик и тактику «выжженной земли».

Кромер считал главным мотивом римской экспансии достижение на всех азимутах рубежей, удобных для обороны. Это правило стало универсальным для всех последующих империй. В античности идеальной линией обороны было океанское побережье, на которое не приходилось ожидать вражеских вторжений. Менее безопасными, но также пригодными считались форпосты на берегах морей и в африканской пустыне. Римская империя погибла после того как через ее рубежи смогли прорваться тевтоны, славяне и персы. В современном мире Великобритания и Россия столкнулись на Памире, Тянь-Шане и в

---

⁸ *Cromer Lord. Ancient and Modern Imperialism. P. 25; Cromer Lord. Rome and Municipal Government. Pp. 342–348.*

⁹ *Полибий. Всеобщая история. В 2 т. М., 2004. Т. 1. 765 с.; Т. 2. 765 с.*

Гималаях, а Великобритания и Франция – на границе Сахары и сахеля Сенегамбии.

Кромер сделал вывод, что в зените развития все империи начинали дифференциацию своих владений, дополняя провинции протекторатами и буферными государствами. В метрополиях обострялась борьба между минималистами и максималистами – сторонниками здорового консерватизма и приверженцами самовозвеличения имперской гордости. Но в любом случае аксиомой имперской политики должна быть задача обеспечения безопасности внешних границ и контроля буферных территорий.

По мнению Кромера аннексии новых колоний в любых случаях и независимо от их ценности обязательны для предотвращения их захвата соперничающими державами. В V в. до н.э. римские легионы высадились на Сицилии, чтобы предотвратить переход этого острова под власть Карфагена и появления плацдарма для вражеской агрессии у берегов Италии. Через две с половиной тысячи лет Великобритания начала продвижение в Африке, оттесняя Францию и Германию. Агрикола в Ирландии изобрел «форвардную политику», которую затем применяли «строители империи» вплоть до Клайва, Черняева и Скобелева. Периоды завоеваний обязательно должны были сменяться остановками для закрепления на новых территориях.

В 72 г. до н.э. без приказа Сената на свой страх и риск Лукулл завоевал Армению, но сенаторы, отказываясь от чрезмерных расходов и ответственности, отказались ее аннексировать. Т. Моммзен, на которого ссылался Кромер, подробно описал режим косвенного контроля Октавианом Августом и Тиберием далекого кавказского царства. Основатели Римской империи в условиях жесткой конфронтации с Парфией предпочитали не посылать легионы в незнакомые горы, а играть на противоречиях политических партий и возводить на престол в Армении лояльных монархов¹⁰. Тиберий считал наилучшим способом отношений с германскими племенами предоставление им полной свободы резать друг другу глотки. После окончательного завоевания Индии во второй половине XIX в. циничная максима «разделяй и властвуй» стала главным принципом влияния британских резидентов на племена северо-западного фронта.

Римляне первыми поняли эффективность управления периферийными провинциями при опоре на местных коллаборационистов. В Риме, как позже в Лондоне и во всех других мировых столицах была

---

¹⁰ Моммзен Т. История Рима: В 4 томах. Ростов н/Д., 1997. Т. 4. С. 278–290.

крайне непопулярна служба в удаленных доминионах. Кроме того, наем местных вспомогательных войск приносил значительную экономию средств. В 1748 г. в Мадрасе офицеры Ост-индской компании по примеру французов начали набор местных добровольцев на военную службу. Еще Джон Сили отметил успех «смелого и азартного эксперимента» завоевания Индии армией Клайва, на 4/5 состоявшей из сипаев¹¹.

Кромер видел главное достижение Рима в способности к экспансии на основании республиканских институтов. Секрет такого успеха заключался в организации рациональной бюрократии – «регулярной гражданской службы», сочетавший принципы выборности и компетентности должностных лиц. Октавиан Август учредил эффективный департамент, руководивший финансовыми расчетами, и упорядочил сбор налогов. Эта работа была продолжена Адрианом и Веспасианом. Эти императоры, двигаясь от противного и изучая опыт своих противников на Востоке, поняли главные правила организации администрации: низкое жалование, неопределенный срок пребывания в должности и отсутствие понятных правил продвижения по службе ухудшают управление и увеличивают коррупцию.

Для проконсулов, прокураторов и легатов были установлены ясные и прозрачные критерии оценки их работы, формализованная иерархия должностей с фиксированным вознаграждением и ограничения пребывания по возрасту на руководящих постах. Император оценивал деятельность своих наместников в первую очередь на основании положения дел в их провинциях, благополучия подданных и общественного порядка. В Кодексе Юстиниана сохранился запрет Марка Аврелия назначать на должности губернаторов выходцев из этих провинций без специального разрешения императора. Уличенные в коррупции и злоупотреблениях полномочиями губернаторы подлежали специальному суду.

Кромер полагал, что в современных европейских империях упорядочение финансовых ведомств являлось предпосылкой «морального и материального прогресса в отсталых восточных государствах». Рим противостоял Парфии и Персии, а Великобритания – Османской империи и другим восточным деспотиям. Частая и хаотичная смена султанами визирей, продажи должностей за деньги стали главными причинами деградации и развала Порты. Подчинение в Египте хедива

---

¹¹ *Cromer Lord. Ancient and Modern Imperialism. Pp. 26-37.*

Исмаила международным ростовщикам и коммерческим авантюристам стало главной причиной провала реформ и его отставки.

Кроммер считал рубежом между древним и современным империализмом возникновение христианства. Применение Сенекой и другими стоиками понятий добра и зла, как критерия оценки политических и экономических действий, стало началом дороги, приведшей к поэзии Уильяма Шекспира и философии Фрэнсиса Бэкона. В поздней Римской империи произошел синтез «греческого духа культуры и гуманности» и рациональной справедливости римского права. В I в. н.э. Сенека критиковал гладиаторские игры в Риме, а Тиберий Клавдий запретил кровавые жертвоприношения друидов в Британии. Император Септимий Бассиан Каракалла в 212 г. издал эдикт о даровании прав римского гражданства населению всех провинций, закончив формирование единого политического и правового пространства. Впервые в истории империй правитель провозгласил своей целью не свои личные выгоды, а благо подданных, которые превратились в равноправных граждан. В 331 г. Константин спас от голода население Антиохии, превратив эпизодические юридические акты в постоянную государственную политику. Последние императоры заплатили такую цену за централизацию и уничтожение автономии провинций¹².

Британский империализм синтезировал принципы Древней Греции и Рима, распространяя в мире идеалы демократии более совершенными средствами. Римляне с их примитивными коммуникациями, низкими стандартами общественной и частной морали и «индустриальной системой рабства» далеко превзошли Македонскую империю в сближении Запада и Востока. Но ценой имперской культурной ассимиляции («романизации») и правовой унификации стало распространение космополитизма стоиков и потеря завоеванными народами их идентичности. Римляне не различали завоеванные народы «по цвету», т. е. по внешнему физическому облику.

Имперский пантеон объединял богов победителей и побежденных. Легаты легионов после одержанных побед приносили в знак благодарности жертвы местным божествам. По своему опыту управления в Египте Кроммер видел сохранение способности к ассимиляции у греков, потомков македонцев и римлян, превратившихся из европейского в ближневосточный народ и приспособившихся к местным условиям. Но близость обычаев не помогала снизить ненависть мусульман-феллахов к христианам – угнетателям, торговцам и ростовщикам. За две тысячи

---

¹² *Cromer Lord. Ancient and Modern Imperialism. Pp. 46–57, 105–109.*

лет потомки завоеванных и завоевателей сохранили ненависть друг к другу.

Кроммер полагал, что британская имперская культура, в которой «островные обычаи» трансформировались в расовые предрассудки, не обладала сильным ассимиляционным потенциалом. В Индии, Египте, других колониях и протекторатах британцы были отделены от местных образованных классов культурными «барьерами стены сепарации», но завоевывали симпатии и доверие народных масс. Он считал, что расовые стереотипы более основаны на предубеждениях, чем на рациональных аргументах. Но успешные экономические реформы, установление общественного порядка, внедрение идеи справедливости в деятельность судебных органов становились эффективными средствами распространения и укрепления британского влияния. По примеру римлян, на Востоке британцы не вмешивались в религиозные культы и сохраняли большинство местных обычаев, запрещая только самые одиозные и жестокие «варварские практики».

Во второй половине XIX в. Великобритания и Франция вступили в острую конкуренцию в борьбе за раздел наследства Османской империи. В ходе колонизации французы демонстрировали «гений самой сообразительной и космополитичной нации в Европе», но они не могли дополнить его британским практицизмом, эластичностью и способностью приспособливаться к условиям Востока. Наследники рационализма Просвещения и мессианизма Великой Французской революции демонстрировали, по выражению Кроммера, «гомогенную гуманность» независимую от времени и места, игнорируя религии, обычаи и темперамент других народов. В результате во второй половине XIX в. они потеряли свое влияние в Египте, сохранив лишь «политическую галлофилию», т.е. поверхностные симпатии малочисленных городских слоев, и вызывая идиосинкразию у большинства населения. В Алжире и Тунисе французы оказались в положении колоний-лагерей, окруженных враждебным населением¹³.

Анализируя римский опыт, Кроммер начал формирование концепции «культурного империализма». Он обратил внимание на относительно медленное распространение латыни в Италии и стремительное ускорение этого процесса в завоеванных Галлии и Испании, как спонтанной формы романизации. Установление римской государственной власти становилось условием победы единого имперского языка над местными диалектами. В соответствии с формулой «язык следует за

---

¹³ *Cromer Lord. Ancient and Modern Imperialism. Pp. 71-76, 83-92.*

флагом» в римских колониях распространялся греческий, как «язык философии», и латинский, как «язык политики и юриспруденции».

Добровольное изучение образованными классами языков завоевателей становилось очевидными признаками превращения «ярма» в «иностранное правление». Кромер полагал, что «использование имперского языка материально помогало работе имперской ассимиляции». Сохранение евреями своего языка, религии и культуры стало главным свидетельством их отказа от ассимиляции, силы духа, готовности погибнуть от голода или от римских мечей, но не предать веру отцов. Разрушение в IV в. Западной Римской империи стало предпосылкой медленного умирания «золотой латыни» и ее деградации в вульгарные формы.

Современные европейские империи распространяли свои национальные языки в колониях и за их пределами с целью усиления политического влияния и симпатий среди местного населения. Но в сравнении с античными образцами современный империализм не имел такого однозначного культурного доминирования. Если британцы использовали английский язык в качестве *lingua franca* только среди узкого элитарного слоя в Индии, то французы в Леванте были вынуждены применять не только язык Вольтера, но и язык Данте. Кандидаты на должности в британской колониальной бюрократии были обязаны знать местные наречия, но в Египте и в Тунисе большинство населения в принципе отказывалось изучать «языки завоевателей».

Кромер выступал последовательным противником принуждения в лингвистической политике. И в древности, и в современности главным двигателем в индивидуальном поведении был интерес к материальному обогащению или к повышению социального статуса. Родители выбирали школы с языком обучения в прямом соответствии с его влиятельностью в политике, экономике и культуре. Ненужные языки сокращали свое влияние и умирали естественной смертью. Так в конце XVIII в. закончилась провалом попытка австрийского императора Иосифа II репрессивными методами внедрить немецкий язык в школах и судах Венгрии. В романизированных провинциях распространялась не только римская культура, но и имперский патриотизм. Но в современных европейских империях знание английского, французского или немецкого языков не вызывало ни малейших симпатий к пришельцам. Арабы в Алжире, народы Индии и Кохинхины воспринимали

европейские языки, не как орудия прогресса, а как оружие подчинения чужой власти¹⁴.

Для Кромера главным различием древнего и современного империализма был научно-технический прогресс. Римские императоры при наилучших намерениях из-за отсутствия экономики, основанной на рабовладении, часто не могли спасти своих подданных от голода, эпидемий или природных катастроф. Но в 1877 г. администрация лорда Литтона израсходовало 10 млн ф. ст. на помощь голодающим в Индии. Современные бедствия Кромер объяснял не целенаправленной имперской политикой, а отдельными ошибками или «спонтанными вспышками дикости» на периферии. Индийское правительство чрезмерно увеличило военные расходы, а эвакуация египтян из Судана привела к массовому вымиранию населения под властью махдистов.

В новых условиях цивилизаторская миссия европейских наций заключалась в благородной политике сохранения и продления «даже бесполезных человеческих жизней». В зените развития Рим не имел соперников, а Великобритания – это только одна из мировых держав. В условиях острого соперничества проблемы современного империализма стали намного более сложными и разнообразными. Например, римским проконсулам не приходилось создавать институты самоуправления в Индии «у самой созерцательной из всех восточной наций», ориентированной не на практическую деятельность, а на трансцендентную метафизику¹⁵.

Опираясь на труды Э. Гиббона, Т. Моммзена и других историков, Кромер определил пять главных причин падения Западной Римской империи. Во-первых, это перенос Константином столицы из Италии на берега Босфора. Решая локальную задачу противодействия персидской экспансии, император пожертвовал древним сакральным центром и символом несокрушимой власти над завоеванными народами. Во-вторых, это дезинтегрирующий эффект распространения христианства. Религия рабов и философов-космополитов стала мощным орудием критики управленческих дефектов и этических пороков имперской бюрократии.

В-третьих, это рабовладельческая экономика, блокировавшая внедрение новейших технологий. Четвертой причиной стала пауперизация населения метрополии и использование политическими лидерами столичного пролетариата для борьбы за власть и личного обогащения. С этим дестабилизирующим фактором была связана и пятая причина –

---

¹⁴ *Cromer Lord. Ancient and Modern Imperialism. Pp. 98–107.*

¹⁵ *Ibid. Pp. 112–116.*

обнищание средних классов в провинциях из-за чрезмерного налогообложения. В III в. максимальная централизация финансовой системы, перевод муниципальных фондов в столицу окончательно разорвали связи центра и периферии, превратив Римскую империю в «колосса на глиняных ногах». Прибывавшие из столицы «орды гражданской и военной официальной саранчи» разоряли налогоплательщиков и разрушали источники общественных доходов. По выражению Горация провинциальные куриалы превратились в Данаид, сыплющих золото в бездонную бочку имперского казначейства.

Кромер доказывал, что эти факторы не действовали в Британской империи во второй половине XIX в. Лондон был изначально удален от главных колоний, но имперская элита всегда умела находить разумное сочетание централизованного контроля и местной автономии. Колониальная диверсификация всегда противодействовала имперской унификации. Война за независимость и отделение североамериканских колоний стало исключением из правил. После этого жестокого урока полемика по имперским проблемам никогда не выходила за пределы, угрожавшие распадом. По выражению герцога Веллингтона, любой политик, допустивший потерю Индии, навсегда терял шансы попасть в палату общин. Противоборство двух основных школ, «филантропов» и «коммерсантов» обеспечивало баланс выполнения цивилизаторской миссии и экономического развития. Коммерческий дух торговых компаний всегда находился под моральным контролем общества и политическими ограничениями парламента.

В сравнении с Римской империей Британия усилила роль христианства, как интегрирующего фактора и фундамента культуры, морали и права. По выражению Кромера, управлять «подчиненными расами» на основании Нового Завета было намного легче, чем с помощью олимпийской мифологии. Христианская идея подчинения личных интересов общему благу в сочетании с тевтонской правдивостью, добросовестностью и серьезностью сформировали дух честной игры. На основании христианской морали римский принцип обязательного выполнения договоров естественным образом вошел в британское общее право. Христианская антропология стала фундаментом гражданских прав и политических свобод. Кромер считал, что симптомы ослабления влияния эгоистических интересов в общественной жизни являлись главными гарантиями против провала в трясину политической аморальности в отношениях сильных и слабых наций.

В XIX в. Великобритания последовательно боролась с рабовладением и работорговлей в глобальном масштабе. Либерал Кромер

выступал последовательным противником всех форм принудительного труда, от плантационного рабства до социалистических экспериментов и конфискации собственности Парижской Коммуны. В его понимании неприкосновенность частной собственности была тесно связана с принципом рационального налогообложения: «нет налогов без представительства». Во второй половине XVIII в. нарушение этого правила привели к Войне за независимость и к отделению североамериканских колоний. В XIX в. перманентный кризис Испанской империи и потеря Латинской Америки стали предупреждениями для всех европейских метрополий.

Поэтому теоретики и практики британского «нового империализма» приложили колоссальные усилия, чтобы выстроить гармоничные отношения между «материнской страной» и доминионами. По выражению Кромера, «тяжелая имперская мантия британской демократии» ни в коем случае не должна была превращаться в «бремя колоний» для «родины-матери». Чрезмерная финансовая помощь ведет к централизованному контролю и зависимости колоний. Поэтому мудрые администраторы никогда не будут прибегать к излишней помощи центра для решения местных проблем. Британская политическая культура, основанная на принципах индивидуализма и самопомощи, не допускала чрезмерного бюрократизма, которым страдали Франция и Германия. Британская предприимчивость, энергия и инициатива, высокая степень политической и экономической эластичности контрастировали с имитативной подражательностью ее континентальных соперников, позволяя находить выходы из самых трудных ситуаций¹⁶.

В 1915 г. граф Кромер написал предисловие к сборнику речей Дж. Керзона. Автор подчеркнул единство и долг самопожертвования всех британцев, от тори старой школы до ультра-демократов в борьбе против «зловещего германского абсолютизма... фальшивой имитации истинной цивилизации». Не Германия, а Великобритания воплощала эллинский идеал гуманного интеллекта, просвещения и прогресса, защищая его от жестокого и невежественного варварства. Для Кромера очевидным доказательством жизнеспособности идеологии «нового империализма» и правоты политики Керзона на посту вице-короля стала готовность индийских солдат сражаться на европейских фронтах, когда война не угрожала их домам.

Моральное оправдание империализма состояло в правильном использовании власти. Главный цемент, скреплявший империю, – это

---

¹⁶ *Cromer Earl. The Government of Subject Races // Cromer Earl. Political and Literary Essays. 1908–1913. Pp. 4–12, 19–25.*

братство между ее народами, основанное на взаимопонимании. В критический момент для Британской империи Кромер уже не различал главные и подчиненные расы, переселенческие и коронные колонии. «Власть хозяина» должна быть заменена гармоничной кооперацией и координацией интересов. Теперь надежная оборона Британии от «новых гуннов» заключается не в тяжелой военной руке Рима, не в китайской стене эгоистической исключительности, а в «стене человеческих сердец», воплощающей честь и репутацию Великобритании¹⁷.

Кромер и Джон Сили построили свои теоретические концепции на основании исторических типологий. Если Сили использовал метод этатизма, исследуя Британскую империю, как уникальный тип и форму государства, то Кромер выступал с позиции администратора-практика. Египетский «проконсул» проанализировал опыт Древней Греции и Рима в поисках оптимальных технологий имперского управления. В первую очередь его интересовала история поздней Римской империи, достигшей пределов территориальной экспансии, когда самыми актуальными стали проблемы поиска оптимальных способов организации и обеспечения безопасности колониальной периферии. Анализируя факторы распада крупнейшей империи античной Европы, Кромер пришел к выводу об их отсутствии в Британской империи, что обеспечивало долгосрочные перспективы стабильного процветания. И в начале I Мировой войны он был уверен в конечной победе над Германией и ее союзниками.

Граф Кромер дополнил историческую ретроспективу Джона Силя античными идеалами Древней Греции и Рима. Египетский проконсул и профессор Кембриджского университета считали, что миссия старых и новых европейских империй заключается в установлении цивилизованного порядка в хаосе азиатского и африканского варварства. В отличие от Силя, Кромер не получил классического университетского образования, но его блестящий интеллект и колоссальная работоспособность органично сочетались с огромным практическим опытом офицера, финансиста, дипломата и колониального администратора. Во всех изменениях политической конъюнктуры авторитет Кромера не подвергался сомнению ни его сторонниками, ни противниками.

---

¹⁷ *Cromer Earl. Lord Curzon's Imperialism // Cromer Earl. Political and Literary Essays. Pp. 1-6, 10-12.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

УДК 94(47).081.4+929[Боголюбов+Победоносцев+Галкин-Враский]

«ВЫСОКОПОЛЕЗНОЕ ДЛЯ САРАТОВА ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ»: МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСКИ А.П. БОГОЛЮБОВА И РАЗНЫХ ЛИЦ ОБ ОТКРЫТИИ РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

О.В. Кочукова¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: kochukovasgu@mail.ru

С.А. Кочуков²

Государственный архив Саратовской области

e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлены письма художника-мариниста А.П. Боголюбова, сенатора и члена Государственного совета К.П. Победоносцева, саратовского губернатора М.Н. Галкина-Враского и саратовского городского головы А.И. Недошивина, связанные с инициативой А.П. Боголюбова о создании в Саратове художественного музея имени А.Н. Радищева. Переписка отразила основные перипетии борьбы за реализацию этой инициативы и была вызвана необходимостью обращения А.П. Боголюбова за поддержкой к влиятельным государственным деятелям и лидерам общественного мнения с целью противостояния как возможному негативному отношению к увековечиванию памяти «революционера мысли» А.Н. Радищева, так и инертности городских властей Саратова.

Ключевые слова: Саратовский художественный музей имени А.Н. Радищева, А.П. Боголюбов, К.П. Победоносцев, М.Н. Галкин-Враский, А.И. Недошивин, Саратовская губерния, саратовская городская дума.

“HIGHLY USEFUL ASSUMPTION FOR SARATOV”: CORRESPONDENCE MATERIALS OF A.P. BOGOLYUBOV AND DIFFERENT PERSONS ABOUT THE OPENING OF THE RADISHCHEV MUSEUM IN THE FOUNDATIONS OF THE STATE ARCHIVE OF THE SARATOV REGION

---

¹ Кочукова Ольга Викторовна (Саратов), к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского.

² Кочуков Сергей Анатольевич (Саратов), д.и.н., главный архивист отдела публикаций и использования документов Государственного архива Саратовской области.

O.V. Kochukova

(Saratov, Russia)

e-mail: kochukovasgu@mail.ru

S.A. Kochukov

(Saratov, Russia)

e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Annotation. *The publication presents letters from the marine painter A.P. Bogolyubov, senator and member of the State Council K.P. Pobedonostsev, Saratov Governor M.N. Galkin-Vrasky and Saratov mayor A.I. Nedoshivin associated with the initiative of A.P. Bogolyubov on the creation of an art museum named after A.N. Radishchev. The correspondence reflected the main ups and downs of the struggle for the implementation of this initiative and was caused by the need to appeal to A.P. Bogolyubov for support from influential government officials and leaders of public opinion in order to counter a possible negative attitude towards perpetuating the memory of the "revolutionary of thought" A.N. Radishchev, and the inertia of the city authorities of Saratov.*

Key words: Saratov Art Museum named after A.N. Radishchev, A.P. Bogolyubov, K.P. Pobedonostsev, M.N. Galkin-Vrasky, A.I. Nedoshivin, Saratov province, Saratov City Duma.

Имя русского художника-мариниста, мастера батальной живописи Алексея Петровича Боголюбова (1824-1896) неразрывно связано с Саратовом. Открытие по его инициативе в Саратове художественного музея им. А.Н. Радищева оказало серьезное влияние на развитие культуры и художественного образования не только в губернском центре, но и во всем Поволжье.

Письма и документы, связанные с инициативой А.П. Боголюбова о создании в Саратове художественного музея и рисовальной школы, сохранились в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО). Источники личного происхождения среди архивных документов в фондах ГАСО представляют письма А.П. Боголюбова, К.П. Победоносцева, саратовского губернатора М.Н. Галкина-Враского, саратовского городского головы А.И. Недошивина. К данным источникам не раз обращались исследователи – авторы работ по истории создания Радищевского музея (А.Л. Куц, Е.А. Гитлиц, Н.В. Огарева, М.В. Зайцев, С.А. Могилевец)³. Исследователи, изучавшие в разное время тему об

---

³ Куц А.Л. Радищевский музей в Саратове // Исторический вестник. 1890. Т. 39. Кн. 2; Гитлиц Е.А. Тургенев и А.Н. Боголюбов (к организации «Радищевского музея» в Саратове) // Тургеневский сборник. В 6 т. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 304-309; Огарева Н.В. Тургенев в последние годы жизни. Из воспоминаний и писем А.П. Боголюбова, 1873-1883 // Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 441-482; Она же. Летопись жизни и деятельности художника А.П. Боголюбова. Саратов, 1988; Зайцев М.В. К вопросу о роли городских властей в создании

открытии Радищевского музея в Саратове, как правило, цитировали отдельные фрагменты из писем А.П. Боголюбова, К.П. Победоносцева, И.С. Тургенева, М.Н. Галкина-Враского, относящиеся к реакции на инициативу А.П. Боголюбова об открытии музея. Письма не публиковались в полном объеме, а в исследованиях часто встречается цитирование не по первоисточнику, без ссылок на архивные документы. Это объясняет необходимость комплексного анализа и научной публикации материалов переписки, отложившихся в фондах ГАСО.

Письма А.П. Боголюбова, К.П. Победоносцева, М.Н. Галкина-Враского, А.И. Недошивина требуют анализа в смысловом единстве борьбы за реализацию культурной инициативы А.П. Боголюбова в Саратове. Прежде всего, само появление переписки было вызвано необходимостью обращения А.П. Боголюбова за поддержкой к влиятельным государственным деятелям и лидерам общественного мнения с целью противостояния как возможному негативному отношению к увековечиванию памяти «революционера мысли» А.Н. Радищева, так и инертности городских властей.

Письмо члена Государственного Совета, сенатора, будущего обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева М.Н. Галкину-Враскому отложилось в личном фонде саратовского губернатора и датируется 6 декабря 1877 г. А.П. Боголюбов, который был в дружеских отношениях с К.П. Победоносцевым, неспроста обратился именно к нему с тем, чтобы содействовать реализации своей задушевной идеи об открытии музея имени его легендарного деда, родившегося в Саратовской губернии. К.П. Победоносцеву предстояло не только довести эту идею до городских властей Саратова, но и утвердить в благожелательном отношении к ней верховную власть и членов императорской семьи, поскольку были серьезные сомнения в связи с тем, что «Радищев все еще считался революционером». К.П. Победоносцев входил в близкое окружение наследника российского престола вел. кн. Александра Александровича и его поддержка могла существенным образом повлиять на открытие в Саратове художественного музея. Вероятнее всего, Боголюбов полагал, что необходимо действовать не столько официально, сколько через личные взаимоотношения Победоносцева и главы Саратовской губернии. В своих воспоминаниях Боголюбов писал: «Итак, я решился действовать.

Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева // История и историческая память. Вып. 18. Саратов, 2019. С. 105-128; *Он же*. Саратовская городская дума. Саратов, 2017. С. 303-306; *Могилевец С.А.* А.П. Боголюбов и организация первого художественно-промышленного провинциального музея России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9.

Попросил Константина Петровича Победоносцева написать предварительно саратовскому губернатору Галкину-Враскому о моем намерении и прозондировать, как саратовские думцы примут мое предложение»⁴. Письмо Победоносцева Галкину-Враскому на двух листах достаточно лаконично. Автор письма четко обозначает размеры собрания художественных ценностей и определяет само стремление художника-мариниста «образовать художественный музей и завещать его городу Саратову»⁵. Русский литературовед и этнограф А. Пыпин в своей работе, посвященной Радищевскому музею отмечал: «Благодаря любезному предложению нашего известного художника А.П. Боголюбова, имели случай видеть в его доме замечательное художественно-археологическое собрание, которое пожертвовано им городу Саратову и в непродолжительном времени (по окончании строящегося в Саратове дома для его помещения) должно быть перевезено туда и открыто под именем "Радищевского Музея"... Собранные произведения искусства должны были образовать музей, к которому примыкала бы рисовальная школа. Местом был выбран Саратов; здесь были воспоминания родства; здесь была родина знаменитого и многострадального А.Н. Радищева, родного деда г. Боголюбова, – имя это могло с честью стать в названии музея; но здесь справедливо так же виделся г. Боголюбову и один из главных пунктов вне столичной местной и народной жизни»⁶. По мнению исследователя истории Радищевского музея А.Л. Куца идея создания художественного музея в провинции у А.П. Боголюбова возникла в Дюссельдорфе, когда он изучал там живопись. Еще тогда он обратил внимание на тот факт, что в России художественное образование и лучшие произведения искусства сосредоточены только в столицах, а «в провинции почти нет ничего»⁷.

А.П. Боголюбов прекрасно понимал, что саратовские городские власти могут быть «напуганы» крупными финансовыми тратами, которые потребуются на подобное дело, поэтому поспешил заявить, что деньги на все даст сам, а городу нужно лишь предоставить помещение под музей и рисовальную школу. Победоносцев в своем письме приводит следующие слова Боголюбова: «Денег, пишет он, от Саратова не требую и даже надеюсь обеспечить перевоз туда всей утвари.

---

⁴ Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Самара, 2006. С. 195.

⁵ ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 435. Л. 1.

⁶ Пыпин А. «Радищевский Музей» А.П. Боголюбова // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 411-412

⁷ Куц А.Л. Радищевский музей в Саратове // Исторический вестник. 1890. Т. 39. Кн. 2. С. 176.

Впоследствии, пишет он, жертвователей, какие найдутся, и учредителей, можно будут обессмертить помещением в музей их портретов»⁸. Письмо К.П. Победоносцева было замечено в Саратове: в газете «Саратовский справочный листок» в разделе «Саратовская хроника» была помещена заметка, в которой близко к тексту пересказывалось содержание его письма⁹. Таким образом, саратовское общество было ознакомлено с культурной инициативой А.П. Боголюбова.

Саратовский губернатор М.Н. Галкин-Враский не стал затягивать вопрос, выраженный в просьбе К.П. Победоносцева и А.П. Боголюбова, и уже 20 декабря 1877 г. отправил официальное письмо саратовскому городскому голове А.И. Недошивину. Это письмо отложилось в фонде Саратовской городской думы. Причем Галкин-Враский отправил Недошивину не только свое письмо, но и копию письма К.П. Победоносцева¹⁰. Для большего веса губернатор в письме определял и свое отношение к просьбе Боголюбова. По словам Галкина-Враского: «Относясь, со своей стороны, к настоящему заявлению с полнейшим сочувствием и с задушевным пожеланием наиуспешного его осуществления, считаю приятным долгом сообщить о сем Вашему Высокоородию, оставаясь в полной надежде, что Саратовская Городская Дума не замедлит воспользоваться столь важным для местного края и крайне полезным предложением и в видах осуществления его, не откажет в предоставлении для сего, согласно указанию в письме К.П. Победоносцева постоянного, неизменного, соответственных размеров приличного и прочного помещения»¹¹.

Губернатор Галкин-Враский надеялся, что ответ саратовской думы на просьбу А.П. Боголюбова «займет, возможно, непродолжительное время»¹², но он ошибся. Несмотря на то, что дума изъявила желание всячески способствовать открытию в Саратове художественного музея, дальнейшее обсуждение вопроса о строительстве здания для него затягивалось. В такой ситуации немаловажное значение стал иметь фактор общественной поддержки инициативы Боголюбова. Настроения общественности и ее видных представителей должны были оказать влияние на позицию саратовской городской думы. Так, А.Н. Пыпин в своей обстоятельной статье «Радищевский музей А.П. Боголюбова» призывал, «чтобы город Саратов скорее исполнил свою долю в устройстве дела –

---

⁸ ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 435. Л. 1.

⁹ Саратовский справочный листок. 1877. 23 декабря.

¹⁰ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4161. Л. 10-11 об.

¹¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4161. Л. 9-9 об.

¹² Там же. Л. 9 об.

постройкой здания для музея, школы и библиотеки»¹³. Всем было очевидно, что лучшее место для музея — это пространство рядом с Театральной площадью. Но, как писали в газете «Саратовский справочный листок» в январе 1878 г., для этого было необходимо устранить торговые лавки¹⁴. В этом-то и был весь камень преткновения, так как лавки и питейные заведения, расположенные в этом месте, давали городу стабильный доход, а художественный музей пока только требовал капиталовложений.

С января 1878 г. до 1880 г. «дальнейших письменных сношений по этому вопросу не было»¹⁵. А.П. Боголюбов решил прибегнуть к помощи «тяжелой артиллерии» в сфере влияния на настроения общественности в лице знаменитого русского писателя И.С. Тургенева. Их взаимоотношения достаточно подробно исследованы в статье Е.А. Гитлица «Тургенев и А.П. Боголюбов (к организации «Радищевского музея» в Саратове)»¹⁶. Исследователь в частности впервые в отечественной историографии привел полный текст так называемого «ультиматума» И.С. Тургенева, который по просьбе А.П. Боголюбова и от его лица написал письмо, отправленное в мае 1880 г. саратовскому городскому голове А.И. Недошивину с целью ускорить дело. Сам термин «ультиматум И.С. Тургенева» укоренился в исследовательской литературе и переходит то со ссылками, то без них из одного исследования в другое¹⁷. Действительно А.П. Боголюбов был удручен волокитой, устроенной саратовской думой, поэтому и решился прибегнуть к авторитету и литературному таланту И.С. Тургенева. В письме-ультиматуме А.И. Недошивину содержалось недвусмысленное заявление: «...потрудитесь побудить Саратовскую городскую думу к подтверждению сделанного мне предложения – дабы оно не оставалось на одних только словах – и я не был бы вынужден обратиться с моим, но не менее бескорыстным пожертвованием к другому городу, менее склонному к той медлительности, которая уже погубила у нас столько полезных начинаний»¹⁸. «Ультиматум» И.С. Тургенева возымел действие. В своих мемуарах «Записки

---

¹³ Пытин А. Указ. соч. С. 420.

¹⁴ Саратовский справочный листок. 1878. 10 января.

¹⁵ Волга. 1880. 14 июля.

¹⁶ Гитлиц Е.А. Тургенев и А.П. Боголюбов (к организации «Радищевского музея» в Саратове) // Тургеневский сборник. В 6 т. М.Л., 1966. Т. 2. С. 304-309.

¹⁷ Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Самара, 2006; Жукова И. По завету Боголюбова. Как собирались радищевские реликвии // Мир музея. 2006. № 7.

¹⁸ Цит. по: Гитлиц Е.А. Указ. соч. С. 306.

моряка-художника» А.Н. Боголюбов описал, как Тургенев был рад, что его требования были услышаны. По его словам: «...Ваши саратовцы заставили меня вспомнить басню Крылова «Петух и жемчужное зерно». Ведь город Ваш – город зерновых тузов, а потому нельзя было, чтобы они отступились от своих интересов и не стали сейчас на высоте решения предложенной Вами задачи. А все-таки, как хотите, Саратов всегда был городом передовым, а потому передового человека он должен возвеличить в лице Вашего деда Радищева, который всегда будет для них и России первым поборником освобождения крестьян»¹⁹.

С середины лета 1880 г. дело открытия художественного музея сдвинулось с мертвой точки. Подтверждением служит черновик письма городского головы А.И. Недошивина А.П. Боголюбову, хранящийся в фонде саратовской городской управы²⁰, датированный 17 июня 1880 г. Недошивин, допустивший досадный промах и перепутавший в тексте письма отчество Радищева, сообщал Боголюбову, что «саратовская городская дума, приняв с чувством живейшей радости известия о начавшемся уже приводиться к осуществлению и исполнению Вашем высокополезном для Саратова предположении по устройству художественного музея, почла своим долгом прежде всего выразить чувства глубочайшей своей признательности и уважения»²¹. По всей видимости, Недошивин прекрасно понял, что и дальше ограничиваться общим восхищением по поводу художественного музея было уже несколько опасно, так как город мог потерять расположение А.П. Боголюбова, а музей мог быть открыт в другом городе. Вполне возможно, что до городской думы дошли слухи, что создание музея приветствовали не только К.П. Победоносцев и И.С. Тургенев, но и наследник цесаревич вел. кн. Александр Александрович. Отчасти это подтверждается письмом А.П. Боголюбова А.И. Недошивину, которое хранится в научном архиве в музее им. А.Н. Радищева²². Кроме того, и в своих мемуарах А.П. Боголюбов неоднократно упоминает о поддержке вел. кн. Александра Александровича, сначала как наследника, а затем уже как императора²³. Тем не менее, А.И. Недошивин вынужден был сообщить А.П. Боголюбову: «Что касается самого помещения проектируемого

---

¹⁹ Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. С. 206.

²⁰ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 345. Л. 1-3 об.

²¹ Там же. Л. 2-2 об.

²² Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. Научно-исторический архив. Боголюбовское рисовальное училище и Радищевский музей. Ф. 1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

²³ Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. С. 195, 219-220.

здания, то городская Дума, обсудив возбуждавшиеся ранее предположения об устройстве в том же здании помещения для Биржи и торговых помещений, пришла к заключению о необходимости, для наилучшего сохранения за проектируемым зданием его высокообразовательного характера, выстроить здание исключительно для помещения музея и школы рисования, выразив лишь при этом желание о помещении в том же здании другого такого же образовательного – городской публичной библиотеки»²⁴.

Ответ А.П. Боголюбова А.И. Недошивину отложился в фонде Саратовской городской управы и датируется 18 августа 1880 г²⁵. Поблагодарив Недошивина за присвоение звания почетного гражданина г. Саратова, Боголюбов возвращается к вопросу об организации музея. Данное письмо можно рассматривать как предложение компромисса. Если саратовской думе, и в частности Недошивину, хотелось сохранить при постройке музея хоть какие-то торговые площади, приносявшие стабильный доход, то Боголюбов хотел видеть открытие музея как можно раньше. В результате художник вынужден был пойти на соглашение с условиями Недошивина. Боголюбов писал: «мне только остается желать, чтобы Вы с Вашей стороны включили в условие плана музея частные торговые помещения, дабы доходами от оных, здания музея и школы могли ремонтироваться и даже, буде возможность, приносить доход. Кроме читальни Вами предлагаемой, – зал музея и зал школы, я считаю необходимым иметь небольшой центральный или, где угодно размещающийся, зал для скульптуры, а также скромных размеров квартиру для учителя рисования и вместе с тем хранителя музея и смотрителя зданий»²⁶.

При подготовке писем к публикации орфография текстов приведена в соответствие с современными нормами, пунктуация приближена к современной, но сохраняются индивидуальные особенности языка авторов, а также характерные для эпохи лексические формы.

---

²⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 345. Л. 3-3 об.

²⁵ Там же. Л. 4-5 об.

²⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 345. Л. 4 об.

№ 1

Письмо К.П. Победоносцева М.Н. Галкину-Враскому²⁷ 6 декабря 1877 г.

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

Имею до Вас дело – благоволите выслушать.

Приятель мой, известный художник и профессор живописи Алексей Петрович Боголюбов, коего имя без сомнения Вам известно, задумал следующее. В течение всей жизни образовалось у него значительное собрание художественных предметов, из которого он по смерти своей желает образовать художественный музей и завещать его городу Саратову.

Мысль у него такая. Все наши художественные собрания сосредоточены в столицах, а в губернских городах ничего нет. Для оживления местности, для привлечения к ней заезжих людей, для развития вкуса и таланта очень важно, чтобы в городах наших, подобно тому, как на западе бывает, заводились подобные музеи²⁸.

Мысль его остановилась на Саратове потому, что к Саратову принадлежал дед его, к памяти коего он благоговеет, известный Александр Николаевич Радищев²⁹, и потому желательно было бы ему, чтобы музей этот носил имя Радищева.

Собрание его замечательное. Оно содержит в себе:

Коллекцию картин – свыше 70-ти замечательных мастеров иностранных и русских.

Коллекцию этюдов масляными красками, свыше 100 номеров, акварелей рисунков и офортов тоже замечательных художников и 2-х скульптурных произведений.

---

²⁷ Галкин-Враский Михаил Николаевич (1832-1916) – русский государственный деятель, действительный тайный советник, эстляндский (1868-1870) и саратовский (1870-1879) губернатор.

²⁸ А.П. Боголюбов так объяснял свое решение: «Мысль об учреждении музея и школы в родном моем городе Саратове, меня всегда занимала, тем более, что дед мой, известный литератор екатерининского века, был саратовским помещиком и именитым дворянином... независимо от личных чувств привязанности к родной губернии, во мне созрело убеждение, что именно Саратов, как один из самых важных центральных пунктов нашего края, представляет особенные удобства и удовлетворяет действительным потребностям в затеянном мной предприятии». (*Новицкий А. Памяти А.П. Боголюбова // Русский архив. 1897. Кн. 1. № 3. С. 387.*)

²⁹ Радищев Александр Николаевич (1749-1802) – русский писатель и поэт, философ, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790), участник комиссии по составлению законов при Александре I.

Коллекцию рисунков и акварелей самого Боголюбова, свыше 200 номеров.

Античные шкафы, стулья, кресла, столы, ковры, бронзы, стекло и серебро, посуда расписная старая и новая и стекла расписные для окон.

Эти вещи ценит он не менее как в 50 тыс. руб. кроме своих произведений, которые если продать, то можно получить не менее этой суммы.

По смерти своей и брата своего старшего³⁰ – завещает он деньги 25 000 руб. школе рисования, которая имеет быть устроена при музее, а для лучших ее учеников даст 3 стипендии в Академии Художеств³¹ по 300 руб. в год на живопись, архитектуру и ваяние.

Для выполнения всего этого – желал бы он, чтобы город Саратов (или Дворянство) дал постоянное, приличное и прочное помещение. «Денег, пишет он, от Саратова не потребую и даже надеюсь обеспечить перевоз туда всей утвари. Впоследствии, пишет он, жертвователей, какие найдутся, и учредителей, можно будет обессмертить помещением в музей их портретов».

Боголюбов проживает покуда в Париже³² и просит меня написать об этом деле Вам, в надежде на просвещенное Ваше участие. Прибавлю от себя, что мысль его весьма мне нравится, и мне кажется, возрастающий город Саратов должен бы с готовностью ухватиться за осуществление этой мысли. Вам ближе известно, в ком из местных жителей можете Вы встретить сочувствие и содействия. Буду ожидать Вашего ответа.

Авось либо это письмо застанет Вас в Саратове и в добром здоровье, многоуважаемый Михаил Николаевич. Не взыщите, что вновь обременяю Вас: впрочем, думаю, что излагаемое мною дело и Вами будет принято сочувственно.

Душевно уважающий и преданный К. Победоносцев.

Петербург.

Большая Конюшенная 4

6 декабря 1877 г.

---

³⁰ брата своего старшего – имеется в виду Боголюбов Николай Петрович (1821-1898) – морской офицер, историк российского флота. После выхода в отставку жил в селе Горки Могилевской губернии. Был директором Земледельческой школы.

³¹ Академия Художеств – Императорская Академия художеств, высшее учебное заведение Российской империи в сфере изобразительных искусств. Была создана в 1757 г., упразднена в 1918 г.

³² проживает покуда в Париже – Согласно письму А.П. Боголюбова А.И. Недошивину адрес художника в Париже – «Paris – Rue Pelouse № 5». (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 345. Л. 5 об).

№ 2

Письмо М.Н. Галкина-Враского А.И. Недошивину³³ 20 декабря 1877 г.

Господину Саратовскому Городскому Голове

Член Государственного Совета, тайный советник Константин Петрович Победоносцев, в прилагаемом при сем копии письме, сообщил мне о намерении известного художника и профессора живописи Алексея Петровича Боголюбова, основать, по смерти своей, из образовавшегося у него значительного собрания художественных предметов – художественный музей и завещать его городу Саратову с устройством при музее школы рисования на высказанных в помянутом письме основаниях.

Относясь, с своей стороны, к настоящему заявлению с полнейшим сочувствием и с задушевным пожеланием наиуспешного его осуществления, считаю приятным долгом сообщить о сем Вашему Высокоородию, оставаясь в полной надежде, что Саратовская Городская Дума не замедлит воспользоваться столь важным для местного края и крайне полезным предложением и в видах осуществления его, не откажет в предоставлении для сего, согласно указанию в письме К.П. Победоносцева постоянного, неизменного, соответственных размеров приличного и прочного помещения.

О последующем буду ожидать Вашего уведомления возможно непродолжительное время.

---

³³ Недошивин Ананий Иванович (1826 - 1894) – купец, почетный гражданин, гласный Саратовской городской думы (1871-1893), городской голова Саратова (1875-1891). И.Я. Славин в своих мемуарах оставил следующую характеристику А.И. Недошивину: «А.И. Недошивин – худой, ниже среднего роста, совершенно лысый, с бородой клином, юркий, нервный, купеческой складки, но почти никогда не расстающийся с папиросой... Не получивши законченного образования, он все же был достаточно и прилично грамотный, обладал от природы здравым умом, практической сметкой, инициативой, которая иногда принимала фанатический характер. Красноречием не обладал, но говорил деловито, содержательно, хотя не особенно складно. Его председательство в думе оставляло желать очень многого. Он не умел вести заседания, беспорядочно и суетливо управлял прениями; бывали случаи, что после прочитанного доклада управы, им самим написанного, он начинал возражать. Он не мог правильно и точно формулировать и резюмировать прения и вопросы, подлежащие разрешению думы». См.: *Славин И.Я. Минувшее - пережитое. Воспоминания. Саратов, 2013. С. 102.*

Губернатор Галкин-Враский

P.S. О том помещении, которое городская Дума признает возможным предоставить под означенный музей, я, со своей стороны, признал бы необходимым предварительно сообщить учредителю музея А.П. Боголюбову, на случай, чтобы он пожелал бы заблаговременно осмотреть его.

20 декабря 1877

ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4161. Л. 9-9 об.

№ 3

Письмо А.И. Недошивина А.П. Боголюбову 17 июня 1880 г.

Милостивый государь Алексей Петрович!

В конце 1877 г., г. Саратов имел счастье получить от Вас, через посредство высокоуважаемого Константина Петровича Победоносцева и бывшего саратовского губернатора М.Н. Галкина-Враского, великодушное предложение передать городу все Ваше богатое художественное собрание³⁴ для устройства в Саратове художественного музея, имени Вашего знаменитого деда Александра Петровича Радищева³⁵, с устройством при музее школы рисования с условием, чтобы город Саратов дал для музея постоянное, приличное и прочное помещение.

---

³⁴ *все Ваше богатое художественное собрание.* – По мнению А.Н. Пыпина: «Это собрание, – в настоящую минуту составляющее обстановку мастерской и приемных комнат в доме гг. Боголюбовых, – есть действительно настоящий музей, способный привести в восторг любителя искусства. Это настоящий уголок знаменитого музея Кюни... Старые славы нашего искусства представлены здесь двумя этюдами К.П. Брюллова (один – «Христос перед народом», картина в Исаакиевском соборе), несколькими этюдами и пейзажами А. Иванова (голова одной из фигур знаменитой картины, находящейся в Москве); далее – «нормандский вид» Репина, «лес» Шишкина, головка цыганки знаменитого портретиста Харламова, пейзажи Дюкера, Беггрова, Васильева, картины трех Маковских (Константина, Николая, Владимира), Гуна, разные вещи Худякова, Давыдова, Бронникова, Дмитриева, Васнецова, Савицкого, В.П. Верещагина, Шиндлера и проч. Обширное собрание акварелей, рисунков пером и карандашом, между прочим: Бруни, Гуна, Бронникова, Константина Маковского, Зичи, Шишкина и проч. Здесь и акварель Т. Шевченко, рисунки И.С. Тургенева (между прочим, собственный портрет в карикатуре), рисунки В.А. Жуковского. Наконец, целый ряд картин, этюдов (из Нормандии и пр.) самого А.П. Боголюбова, между прочим, несколько эпизодов из последней войны». (Пыпин А. «Радищевский музей» А.П. Радищева // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 414-415).

³⁵ Так в тексте. Надо: «Александра Николаевича Радищева».

Саратовская городская Дума приняла с глубочайшей благодарностью Ваше столь лестное для города предложение, постановлением 11 января 1878 года выразила живейшую готовность содействовать осуществлению Вашего благородного намерения устроить на средства города приличного и прочного здания для музея и рисовальной школы³⁶. А, чтобы здание это вполне соответствовало характеру и целям художественного музея и рисовальной школы, Городское Управление почло за лучшее

---

³⁶ В протоколе № 1 заседания Саратовской Городской Думы от 11 января 1878 г. указано: «Заявление гласных Городской Думы И.Т. Миловидова, Г.Н. Юренева и З.И. Лисенко, присланное Городскому Голове из С.-Петербурга, от 16 минувшего декабря и отношение Саратовского губернатора, на имя городского головы, от 20 декабря за № 5382, с препровождением в копии письма г. Победоносцева к его превосходительству, для доклада Городской Думе. Из этих бумаг (прилагаемых в подлиннике при настоящем протоколе) видно, что известный художник и профессор живописи Алексей Петрович Боголюбов через Константина Петровича Победоносцева делает г. Саратову следующее предложение: образовав в течение своей жизни значительную коллекцию произведений живописи и других художественных предметов, он г. Боголюбов, желает после своей смерти, пожертвовать г. Саратову для образования здесь художественного музея, с наименованием его Радищевским, в память предка его Саратовского землевладельца Александра Николаевича Радищева. Кроме того г. Боголюбов намерен по смерти своей и брата своего старшего завещать 25 тыс. руб. школе рисования, которая будет устроена при означенном музее; при этом выражено г. Боголюбовым желание, чтобы г. Саратов дал для музея постоянное приличное и прочное помещение.

Городская Дума, выразив полную готовность содействовать осуществлению мысли Алексея Петровича Боголюбова, относительно образования в г. Саратове художественного музея и присвоения ему названия Радищевского, постановили: приняв сделанное по этому предмету предложение г. Боголюбова, благодарит его за жертвования, которое он предлагает сделать городу после своей смерти, причем изъявит согласие на устройство средствами города нового каменного здания для помещения музея и школы рисования при нем. А чтобы здание это соответствовало предложенной цели в отношении его размеров и удобства расположения разных отделов музея, то Городская Дума выразила желание получить необходимые по этому предмету указания от самого А.П. Боголюбова. О таком постановлении, через г. Городского Голову, сообщить г. Начальнику губернии, прося его превосходительство Действительного тайного советника Победоносцева, что Городская Дума благодарит его за принятое в настоящем деле участие, о чем независимо от сего, уведомляет г. Победоносцева телеграммой, и просит снестись с г. Боголюбовым, проживающим в Париже, о сообщении городу необходимых сведений относительно постройки здания музея, дабы Дума по размерам здания смогла определить стоимость его и озаботиться своевременно о приготовлении потребной на постройку суммы». (ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4161. Л. 1-2 об).

обратиться к Вашему ближайшему соответствию, относительно сообщения городу необходимых по этому предмету указаний, о чем в январе 1878 г. сделано было сношение как с бывшим губернатором М.Н. Галкиным-Враским, так и с Константином Петровичем Победоносцевым. По поводу³⁷ этого сношения³⁸ М.Н. Галкин-Враский письмом от 27-го прошлого апреля известил Городское Управление, что сделанным Вами впоследствии заявлением³⁹ Вы снова изволили подтвердить свое желание пожертвовать городу Саратову свои художественные сокровища и поручили своему знакомому профессору архитектуры т.с. Штрому⁴⁰ составить проект здания художественного музея, приняв при этом во внимание все потребности музея и школы рисования, а потому М.Н. Галкин-Враский просил доставить ему, для сообщения г. Штрому, выкопировку плана и другие сведения о местности, которая будет отведена для здания музея, а также о бывших в то время предположениях о помещении в том же здании Биржи⁴¹ и некоторых торговых магазинов. Затем в последующем своем письме от 24 прошлого мая Михаил Николаевич сообщил, что по приезде Вашем из Парижа Вам угодно было возложить на него все переговоры и сношения об устройстве в Саратове Радищевского музея с рисовальной школой, и при этом заявил о намерении Вашем передать городу, кроме художественных сокровищ, и другое имущество с целью обеспечения музея и школы рисования⁴².

Саратовская Городская Дума, приняв с чувством живейшей радости новое подтверждение Вашего доброго обществу Саратова намерения⁴³, почла своим долгом заявить Вам чувства глубочайшей своей признательности и уважения⁴⁴, и чтобы достойным образом выразить эти

---

³⁷ В тексте зачеркнуто: «Впоследствии».

³⁸ В тексте зачеркнуто: «и по поводу личных по этому предмету объяснений».

³⁹ В тексте зачеркнуто: «по сделанному Вами сношению».

⁴⁰ Штром Иван Васильевич (1823-1888) – российский архитектор, академик и профессор Императорской академии художеств.

⁴¹ Имеется в виду здание купеческой биржи. Биржа была построена по проекту академика архитекторы Ф.И. Шустера в 1890 г. Биржа называлась товарной, предметом сделки являлся товар, продающийся по стандартам или образцам.

⁴² В тексте подчеркнуто карандашом.

⁴³ В тексте зачеркнуто: «известия о начавшемся уже приводиться к осуществлению и исполнению Вашем высокополезном для Саратова предположении по устройству художественного музея».

⁴⁴ В тексте зачеркнуто: «за Ваше великодушное намерение».

чувства и закрепить установившуюся уже между Вами и обществом г. Саратова нравственную связь, основой для которой служит память о знаменитом Вашем предке Александре Петровиче⁴⁵ Радищеве⁴⁶, в заседании 21-го июня единогласно постановила: просить Вас от имени благодарного Вам города принять на себя звание почетного гражданина г. Саратова и, по получении на это Вашего согласия, ходатайствовать о высочайшем соизволении на присвоении Вам этого звания⁴⁷.

Во исполнении поручения Городской Думы, считая особенно приятным для себя долгом сообщить Вам, достоуважаемый Алексей Петрович, о состоявшемся постановлении Думы, имею честь присовокупить, что вместе с сим посылается к Вашему уполномоченному М.Н. Галкину-Враскому требуемая им для г. Штрома выкопировка⁴⁸ из городского плана с показанием в ней необходимых сведений. При этом считаю не лишним сообщить Вам⁴⁹, что при обсуждении городским управлением вопроса о выборе места для будущего музея, имелось в виду три места, находящиеся на лучших и центральных площадях, причем Дума отдала со своей стороны предпочтение месту на Театральной площади,

---

⁴⁵ В тексте зачеркнуто: «Петровиче» и сверху неразборчиво исправлено на «Николаевиче».

⁴⁶ В тексте зачеркнуто: «принадлежавшем к г. Саратову».

⁴⁷ Саратовская Городская Дума согласно протоколу №30 от 21 июня 1880 г. постановила: «...просить А.П. Боголюбова принять на себя звание почетного гражданина г. Саратова и затем по получении от него согласия, ходатайствовать в установленном порядке, о **Высочайшем** разрешении на присвоении этого звания г. Боголюбову.

После этого приступили к обсуждению и разрешению вопроса о местности, которая должна быть отведена под устройство здания Радищевского музея и школы рисования. В высказанных мнениях по этому предмету одни из гласных полагали вполне согласиться с докладом Городского Головы об указании для постройки музея трех мест, обозначенных в докладе с представлением окончательного выбора из них места для музея доверенному г. Боголюбову; другие же считали нужным выразить также и заключение Городской Думы о том, какое из трех мест она со своей стороны предпочитала бы для устройства музея, причем указали на местность на Театральной площади. При дальнейшем обмене мнений оказалось, что большинство гласных находят местность на Театральной площади наиболее удобной и соответствующей характеру будущего художественного музея, за эту местность высказалось 22 гласных из общего числа 29 присутствующих в собрании гласных». (ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4163. Л. 639, 646-646 об).

⁴⁸ *выкопировка* – копия, снятая с какой-либо части большого или общего чертежа.

⁴⁹ В тексте зачеркнуто: «присовокупить».

но не желая стеснять составителя проекта, окончательный выбор⁵⁰ предоставила Вашему уполномоченному. Что касается самого помещения проектируемого здания, то городская Дума⁵¹, обсудив возбуждавшиеся ранее предположения об устройстве в том же здании помещения для Биржи и торговых помещений пришла к заключению о необходимости, для наилучшего сохранения за проектируемым зданием его высокообразовательного характера, выстроить здание исключительно для помещения музея и школы рисования, выразив лишь при этом желание о помещении в том же здании другого такого же образовательного – городской публичной библиотеки⁵².

Сообщая о всем вышеизложенном на Ваше, Милостивый Государь, благоусмотрение, имею честь покорнейше просить Вас о последующем почтить меня Вашим уведомлением.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы засвидетельствовать Вам, высокоуважаемый Алексей Петрович, чувство моего глубокого к Вам почтения и совершенной преданности.

Саратовский городской голова

17 июня 1880 г.

№ 3570

ГАСО Ф. 4. Оп. 1. Д. 345. Л. 1-3 об.

№ 4

Письмо А.П. Боголюбова А.И. Недошивину 18 августа 1880 г.

Милостивый государь Ананий Иванович!

Получив от Вас план местностей, предназначенных на выбор для будущего саратовского музея имени А.Н. Радищева; я не смог ответить Вам тотчас же, не переговорив предварительно с Его Превосходительством М.Н. Галкиным-Враским и товарищем моим тайным советником

---

⁵⁰ В тексте зачеркнуто: «места».

⁵¹ В тексте подчеркнуто красным карандашом.

⁵² В тексте подчеркнуто красным и синим карандашом.

Саратовская городская публичная библиотека Саратова начала функционировать с 1831 г. К концу XIX в. библиотечный фонд насчитывал около 13 тыс. книг. Появление такого значительного книжного собрания объяснялось отчасти тем, что «...саратовское купеческое и мещанское общество согласилось с предложением городского головы Гусева, обязалось жертвовать в пользу публичной библиотеки ежегодно по 200 руб. серебром по курсу». (ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1715. Л. 18). Уже на момент открытия библиотеки 19 февраля 1831 г. на первоначальное обзаведение книгами было выделено 1500 руб. (ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1715. Л. 1 об).

архитектором И.В. Штромом, которых считаю: первого как учредителя моего музея, а второго, как строителя⁵³. А потому прошу Вас покорнейше обращаться к ним по этому делу, ибо я по расстроенному здоровью должен опять поехать в Париж до будущей весны. Михаил Николаевич Галкин-Враский только вчера прибыл в С.-Петербург и сегодня я его видел и передаю ему все соображения мои по будущей постройке, уяснив все, что он видел в Москве, посещая мой дом и жертвующую мною коллекцию картин и редкостей. Г-ну Штрома, тоже меня посетившему в Москве, известны мои соображения и планы для саратовского музея, а потому, полагаясь вполне на деятельное и разумное участие в будущей постройке двух поименованных лиц, мне только остается желать, чтобы Вы с Вашей стороны включили в условие плана музея частные торговые помещения, дабы доходами от оных музеев, школа и здание могли ремонтироваться и даже, буде возможность, приносить доход. Кроме читальни Вами предлагаемой, - зал музея и зал школы, я считаю необходимым иметь небольшой центральный или, где угодно размещающийся, зал для скульптуры⁵⁴, а также скромных размеров квартиры для учителя рисования и вместе с тем хранителя музея и смотрителя зданий. Главное попечение о музее и его пополнение в будущем, Вы, вероятно, по Вашему благоусмотрению предложите кому-нибудь из лиц г. Саратова, сочувствующих искусству и его благому развитию, не будет нуждаться жить в самом здании.

Вот все, что могу сказать Вам на присланное мне сообщение. Что же касается до звания почетного гражданина г. Саратова, предложенного мне городскими депутатами, я уже ответил Вам телеграммой, изъявляя свою посильную признательность за столь лестное для меня назначение или лучше сказать избрание; но, пользуясь нынешним случаем писать Вам, прошу Вас взять на себя труд еще раз передать всем тем лицам, которые способствовали назвать меня высоким для меня званием

---

⁵³ Это было уже не первое письмо подобного содержания. Еще 14 февраля 1882 г. А.П. Боголюбов писал А.И. Недошивину: «Полагаю, что Вам давно уже доставлен через господина министра внутренних дел графа Игнатьева одобренный государем императором план Радищевского музея и школы, по проекту профессора архитектуры И.В. Штрома. Обращаюсь к Вам как главному двигателю моего дела при его начинании и прошу покорно не ограничить его Вашим вниманием совместно с начальником губернии, которому как лицу совершенно еще не посвященному в суть постройки, делаю одновременно с Вами сообщение более подробное...» (*Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева*. Научно-исторический архив. Боголюбовское рисовальное училище и Радищевский музей. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 47).

⁵⁴ В тексте подчеркнуто синим и красным карандашом.

почетного гражданина⁵⁵, мою искреннейшую и душевную благодарность, которую надеюсь оправдать истинно полезным на славу художественного развития будущего саратовского поколения учреждением, которое Вы со своей стороны, со всеми сочувствующими пользе страны лицами не оставите своим просвещенным содействием. – С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
Алексей Боголюбов
(профессор живописи)
С. Петербург
1880 г. 18 августа
В г. Париже мой адрес:
Paris – Rue Pelouse № 5
(pres du College Chaptale)

ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 345. Л. 4-5 об.

---

⁵⁵ передать всем тем лицам, которые способствовали назвать меня высоким для меня званием почетного гражданина. – Согласно протоколу № 30 от 21 июня 1880 г. на заседании Думы присутствовали: М.В. Фомин, В.Я. Агафонов, О.М. Анисимов, А.М. Берлиндинер, В.Н. Болдырев, М.С. Васильев, Я.Г. Веймарн, А.И. Виноградов, Е.А. Горин, В.В. Гудков, И.А. Дивиев, Г.Д. Кирилов, А.И. Котлубай, И.С. Кувардин, Л.С. Лебедев, И.Т. Миловидов, А.И. Мельников, И.Т. Нерода, В.О. Никитин, С.Г. Плотников, М.А. Попов, И.К. Русов, З.А. Соколов, И.Н. Уфимцев, С.Д. Чирихин, П.Д. Шейдаков, И.Д. Шиловцев, В.М. Шмелев, П.М. Шмидт, Г.Н. Юренев. (ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4163. Л. 369).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ИОАННА ФЕДОРОВИЧА ЛОЗЫ И ЕГО СЫНА
КИРИЛЛА С ИВАНОМ ДИОМИДОВИЧЕМ ПОПКО. 1870 ГОД

И.В. Дубинин¹

Динской МГТ

e-mail: titlo@mail.ru

И.Г. Иванцов²

КВВУ им. С.М. Штеменко

e-mail: IIG23@yandex.ru

Аннотация. *Ивана Диомидовича Попко на Кавказе, да и в России, знают в основном, как историка, просветителя, этнографа, писателя, библиофила и опытного администратора – адъютанта наказного атамана Черноморского казачьего войска, начальника Карского санджака и одноименного пашалыка. Он широко известен как автор исторических статей и трудов по истории кавказского казачества. Но большинство исследователей обходят стороной проблему его частной жизни, как и чем он жил, каково были его окружение и взаимоотношения с близкими, друзьями, известными и неизвестными людьми. Этот историографический пробел поможет восполнить изучение личных документов историка. Статья посвящена некоторым эпизодам его частной жизни, отраженным в переписке с И.Ф. Лозой и его сыном Кириллом.*

Ключевые слова: Забота о ближнем, И.Д. Попко, Иоанн Федорович Лоза, Кирилл Лоза, покровительство, события, частная переписка.

FROM THE CORRESPONDENCE OF JOHN FEDOROVICH LOZA
AND HIS SON CYRIL WITH IVAN DIOMIDOVICH POPKO. 1870

I.V. Dubinin

(Stanitsa Dinskaya, Krasnodar Territory, Russia)

e-mail: titlo@mail.ru

I.G. Ivantsov

(Krasnodar, Russia)

e-mail: IIG23@yandex.ru

Annotation. *Ivan Diomidovich Popko in the Caucasus, and in Russia, is known mainly as a historian, enlightener, ethnographer, writer, bibliophile and experienced administrator –*

---

¹Дубинин Игорь Владимирович (Станица Динская, Краснодарский край), библиотекарь Динского механико-технологического техникума; председатель Динского районного отделения «Российского общества историков-архивистов».

²Иванцов Игорь Григорьевич (Краснодар), доктор исторических наук, доцент, профессор 1-ой кафедры «Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко».

adjutant of the Kapacious Ataman of the Black Sea Cossack Army, the head of the Karsk Sanjak and the same name Pashalyk and others. He is widely known as the author as the author historical articles and works on the history of the Caucasian Cossacks. But most researchers bypass the problem of his private life, how and what he lived, his environment and relations with loved ones, friends, famous and strangers. Not enough attention is paid to the study of personal documents of the historian. The article is devoted to some episodes of his private life, reflected in correspondence with I.F. Lozu and his son Cyril.

Key words: Caring for the neighbor, I.D. Popko, John Fedorovich Loza, Kirill Loza, patronage, events, private correspondence.

Публикация посвящена переписке генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска – И.Д. Попко с Иоанном Федоровичем Лозой и его Сыном Кириллом, его участию в жизни и судьбах членов этого семейства, о помощи ближнему. Основанием статьи послужили два письма в адрес генерала, сопровождаемые различными просьбами.

Личная жизнь историка и библиографа, благотворителя и покровителя многих людей, И.Д. Попко, изучалась и ранее. Одним из первых стоит назвать работу С.В. Фарфоровского, который, в 1893 г., в год смерти генерал-лейтенанта, в газете «Кавказ», опубликовал первые биографические сведения о его жизни³. Биографии героя статьи были посвящен очерк Г.Н. Шевченко⁴. Некоторые письма из личной переписки историка и краеведа опубликовал А.И. Слуцкий⁵. Этапам его жизни и творчества был посвящен очерк А.И. Феединой⁶ и др.

Изданные материалы расширили наши знания и представления о минувшей эпохе, жизненных устремлениях, чаяниях и надеждах людей в их различных формах и проявлениях. Тем не менее личная жизнь генерала отражалась в них недостаточно. Исправить такое положение данной публикацией и пытаются авторы данной статьи.

В Государственном архиве Ставропольского края хранится большое количество писем, адресованных И.Д. Попко и написанных им

---

³Фарфоровский С.В. Биографические сведения о И.Д. Попко // Кавказ. Тифлис: тип. канц. главнокоманд. гражд. частью на Кавказе, 1893. № 242 (12 сентября). С. 3.

⁴Шевченко Г.Н. Иван Диомидович Попко. 1819-1893: Ист.-биограф. очерк // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Краснодар, 1991. С. 61-69.

⁵Слуцкий А.И. Два письма Н.С. Рындовского И.Д. Попке // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2002. С. 241-248.

⁶Феединой А.И. Иван Попко – писатель, историк, этнограф // Черноморский казак на Невском проспекте: поиски и находки: историко-документальные очерки о кубанцах в Петербурге. Краснодар, 2005.

различным персонам. К примеру, сохранилось около 100 писем к Василию Федоровичу Золотаренко, причем остается невыясненным каким образом письма, отправленные другу в Санкт-Петербург оказались в архиве историка, ответов же из столицы удалось найти всего лишь два. Посланий его племянников Кучеровских – Петра и Антонины – по линии его сестры Анны, сохранилось двенадцать. Выявлены и пять писем статистика, историка и писателя Иосифа Викентьевича Бентковского и др.

Но есть отдельные письма, в которых не обсуждаются «глобальные» вопросы, в основном они касаются чисто бытовых проблем отдельных людей, зачастую малознакомых. Так, священник из станицы Саратовской, Стефан Медведков, в письме от 19 ноября 1870 г. просит защитить его от произвола «начальника станицы». Друг детства Степан Иванович Романовский 29 мая 1879 г. молит о помощи после сильного пожара в доме.

Конечно, эти письма не рассказывают о значимых событиях, но позволяют увидеть и понять, как и чем жили простые люди того времени, в каких условиях они существовали.

Может возникнуть вопрос – зачем такому важному и занятому человеку размениваться на такие мелкие просьбы, помогать людям своими деньгами. Да, и вообще, зачем хранить эти, казалось бы, малозначимые письма?

Во-первых, все это говорит о благородстве Ивана Диомидовича, о его желании, если есть такая возможность, помочь ближним. Он всегда помнил о своем нелегком детстве, довольно часто упоминая о нем в письмах к друзьям; юности, связанной с неопределенностью и постоянной нехваткой финансов. И, во-вторых, это связано с его трепетным отношением к личным письмам: «Человечество, в эпистолярном отношении, разделяется на два рода не истребляющее и вечно сохраняющее письма. До некоторого времени я принадлежу ко второму роду. Если можно заключить о человеке по его знакомствам, то гораздо с большей основательностью можно произносить приговоры о человеке по его письмам – я хочу сказать – по имеющимся в его ящике письмам. Человек, сохраняющий письма, носит третью суму, о которой Эзоп не упомянул. Знакомство – мимолетная диагностика, а письма – долговечная летопись человеческого бытия. Письма – это хартия, остающаяся при кресте и после того, как человек уже дотащил его до вершины Мориа и

сошел оттуда в долину Иософата... Я храню все вообще письма, в которых не пишут мне «имею честь быть Вашим, Милостивый Государь»⁷.

Среди этой массы документов удалось найти два по-своему весьма любопытных письма. Отца – Иоанна Лозы и сына – Кирилла. Интересные послания касаются отношения к проблемам образования разных поколений жителей Кубани 70 гг. XIX в. Кроме этого в них поднимаются вопросы взаимоотношений родителей и детей. Разные поколения одну и ту же проблему понимают по-разному и зачастую относятся к ней совершенно с разных точек зрения.

Письмо Иоанна Федоровича Лозы датировано 24 июля 1870 г. и отправлено из Екатеринодара. Как и большинство личных посланий к И.Д. Попко в его письме содержатся вопросы и просьбы. Начинается письмо с благодарности отца за то, что его сыновья Кирилл и Пагкрабий какое-то время находились в ст. Ключевой: «Я неожиданно увидя моих детей в доме и во благополучии и получа чрез них приятнейшее писание Ваше которым удостоили меня теперь же и прочитавши оное прославил Господа Бога о благополучии и радостном нашем свидании, приношу и Вашему Высокоблагородию сым моим скудным писанием всепокорнейшею благодарность...»⁸.

Далее следует просьба: «я... осмеливаюсь утруждать Ваше Высокоблагородие покорнейшею просьбою моею, постарайтесь ... определить моего сына Кирилла в новооткрывшуюся по Высочайшему повелению в войске Кубанском учительскую семинарию, ежели можно, то и на Войсковой кошт, ибо я живу небогато и в чужой квартире после которой скоро уже должен иметь свой дом, для покупки которого надобно збуть имеющееся ныне у меня: лошадь и пятиреньку рогатого скота, а в последствии (...) ежели буду жив и надобность (...) и будет у меня состояние, то пожелаю хоть и уплотить войску здержку. Прилагаю при сем метрическую выписку о Кирилле и отнюдь не смея беспокоить Вас, только прошу повелите кому-либо из писарей составить черновое прошение Г. Атаману Войска, или кому оное следует, от меня или от Кирилла, я этого порядка вовсе не знаю. Сочинителю прошения удовлетворение...»⁹. Затем в письме приводится Метрика Кирилла Лозы¹⁰.

---

⁷ ГАСК (Государственный архив Ставропольского края) Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 67-68.

⁸ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 40.

⁹ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 40-40 об.

¹⁰ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 42.

Метрическая Книга № 214
42

1870 года Июля 20го дня дана сия
 Дьяконскому сыну Кириллу Иоаннову
 Лозы для представления в Песчанское
 Поиковое правление в томъ что въ
 Метрической Книгѣ Гражданской въ Митрофанов-
 ской троицкой Церкви тысяча восемьсотъ
 пятьдесятъ четвертаго года 1^{ей} Части оро-
 давшихся подъ № 20 Знается супругъ
 Ваня: родился 9-а Крестецъ 10-го Июня
 сына Кирилла Маринской именной
 Дьяконъ Иоаннъ Федоровъ Лоза, и
 Законная жена его Марія Васильева. Вос-
 приимки Станицы Новокорсунской Стефа-
 новской Церкви Священникъ Евфремъ Кофа-
 ревъ Кондратьевъ и Писка Донскаго Козака
 отецъ Марія Амхелева Вилкина. Матрство
 Об. Крестецъ Совершающъ Протоіерей Діонисій
 Потека Об. Дьяконъ Димитрій Биличен-
 ковъ и Стакаритинъ Дьяконъ Евдокимовъ
 Корцевичевъ. Въ Чашѣ Наблюдающій
 Падре сошъ и приложивъ Церковныя
 Пяти чюдотъ свѣдѣнъ.

Протоіерей Діонисій Потека
 Дьяконъ Стефанъ Алексеевъ
 Попочаръ Касимъ Владиміръ

Для подготовки собственных учительских кадров в Кубанском казачьем войске в 1871 г. была открыта учительская семинария, среднее специальное учебное заведение. Вопрос о ее открытии впервые был поставлен в рапорте директора училищ Кубанской области от 8 марта 1861 г., на имя наказного атамана Ф.Н. Сумарокова-Эльстона. Только в апреле 1869 г. проект устава был одобрен Военным советом и 23 декабря этого же года был утвержден Кавказским комитетом. Изначально семинарию предполагалось открыть в станице Старокорсунской, но необходимого помещения найти не удалось и было принято решение о переносе ее в здание Полтавского окружного училища, а в дальнейшем она была перемещена в станицу Ладожскую.

Кроме него у Иоанна Лозы был еще один сын. Который был слаб здоровьем. Об этом мы узнаем из дальнейшего повествования.

Пагкратий, судя по всему, проходил лечение в больнице Псекупского полка в станице Ключевой. Очутился он там по протекции Диомида Нестеровича Попко – отца командира полка, И.Д. Попко. Поэтому дальше священник пишет, что «и равно за содержание Пагкратия в лазарете плата войску или полку и лекарю и прочее ассигную из переданных мною чрез Гавриила Коновича Халявку 30-ти рублей денег»¹¹.

Почему отец решил, что Кирилл будет рад учиться в учительской гимназии непонятно. Пока братья учились, отдыхали и лечились вдалеке от дома отец – Иоанн Лоза, нашел в вещах Пагкратия письмо Кирилла брату от 27 января 1870 г. Послание было сугубо личным и не предназначалось для сторонних читателей.

Старший жаловался младшему на тяжелую жизнь в школе, но исходя из лучших побуждений или не поняв смысл хартии отец отправил оба письма – свое и сына Ивану Диомидовичу, оправдывая свой поступок тем, что «под отлучку детей моих в Ключевую, я нечаянно, в Пагкратиевом багаже, нашел письмо руки Кирилла, из которого впервые увидел хотя желание Кирилла к науки грамоты, то я и этим уже утешаюсь и прилагаю при сем оное червленых чернил письмо» и добавляет «Кирилл о предоставлении этого письма и неощущает»¹².

К сожалению, не известно, чем был болен младший сын, но заканчивает письмо священник словами – «О Пангкратии по учинении испытания я уже не тужу, и буду держать его дома пред своими глазами».

В последних строках своего письма он просит прощения – «Пишу без очок и в крайнем недосуге, и за корчавый мой неаккуратный почерк усердно прошу извинения»¹³.

Письмо Кирилла – это совершенно другая точка зрения на проблемы образования в Кубанской области второй половины XIX в. – взгляд замученного учебной работой студента.

Нужно заметить, что учился Кирилл неважно, единственные два предмета которые ему давались это «Руска» и «Писание», по которым у него были отличные итоговые оценки, по географии и святой истории его знания оценивались удовлетворительно, а по математике он имел всего два балла. Почему Иоанн решил, что его сын достоин поступления в учительскую гимназию, да еще и за казенный счет не совсем ясно. Для объективности приводим отрывок из письма Кирилла Пагкратию¹⁴.

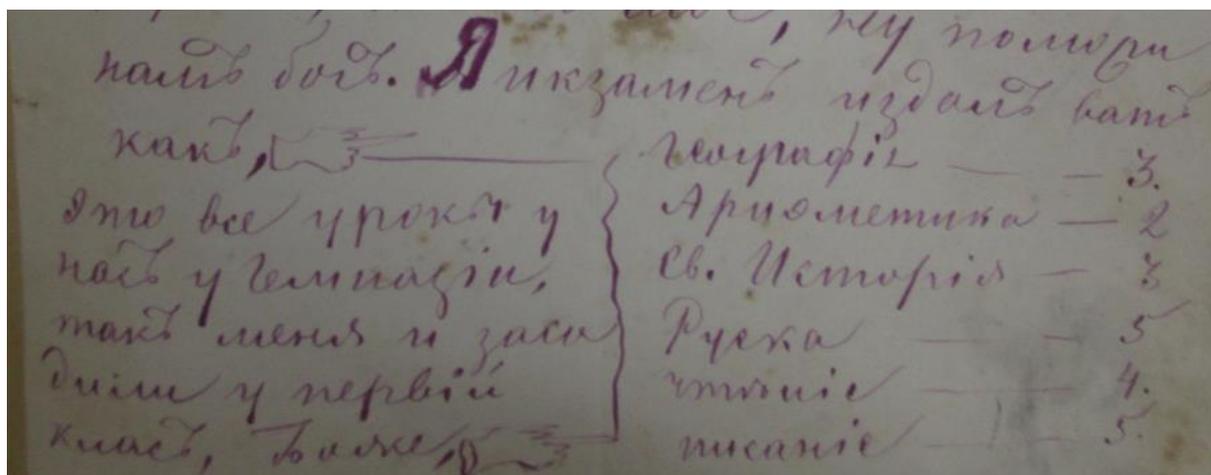
---

¹¹ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 40 об.

¹² ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 41.

¹³ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 41.

¹⁴ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 44.

Начинается письмо, с жалоб на жизнь и трудность обучения: «Христос посереде нас Драгоценный мой братец Пагкратий Иванович уведомляю я Вас, что я слава Богу здоров чего и вам желаю, я брат благодарю тебя, что ты не забываешь меня в моей горестной жизни, я брат ей ей плачу и скорблю об своей участи, как нам брат бог дал, что тебе и хорошее дарование успехах и память, ну за то ты на всю свою жизнь каллика, а мне нету и памяти, хотя ешо и могу учиться, но и ты хорошо знаешь обо мне, какая моя память и здоровье, каково мое, ну помоги нам Бог»¹⁵.

Дальше он сетует на несоответствие программ обучения в разных школах и на то, что здесь учиться сложнее: «...меня и засодили у первый клас.

Боже, как подумаешь, что за народ, что я из третьего класа а у нас у мелион раз труднее учат, и даже наш клас второй против ихняго третьего класа и вовсе не то учать, что у нас учили и, что я знаю. Вот нужно учиться начинать изнова. А нашей братии то-то-то!»¹⁶.

Учился он в школе при Псекупском полку, основателем которой был Иван Диомидович Попко. И, судя по всему, обучение там было довольно строгим и к получению знаний школяров-студентов относились более серьезно, чем в других учебных заведениях. Нужно учитывать и отношение к образованию самого командира полка.

В следующем абзаце он отвечает на вопрос брата: «Сколько все духовные, так уже нам и чести нету дарма, что духовные люди и, как ближе наши родители возле бога. Наши родители ближе коло Бога тем, что они совершают то, что сам Иисус Христос делал»¹⁷.

Трудна и тяжела была жизнь школяра той эпохи. Они зачастую недоедали, испытывали проблемы с одеждой, обувью. Страдали от этих

¹⁵ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 44.

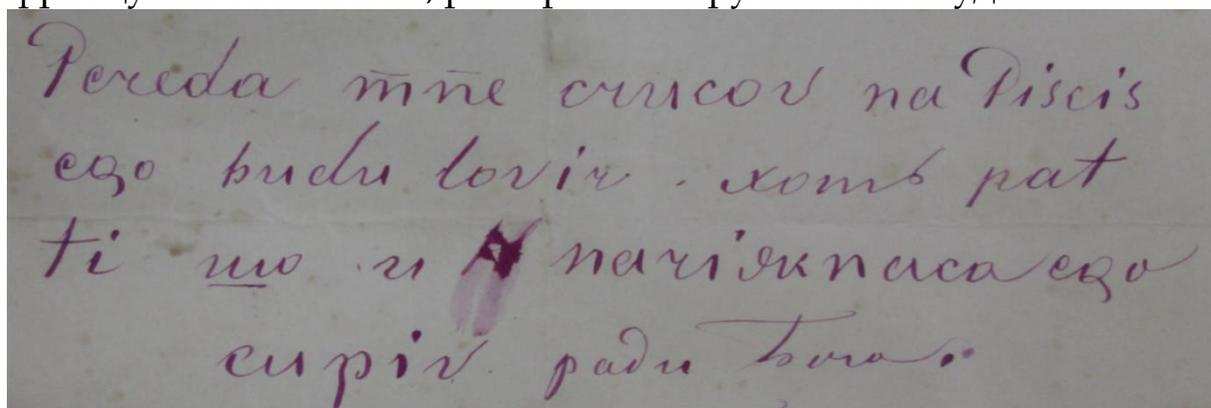
¹⁶ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 44 об.

¹⁷ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 44 об.

проблем не только ученики, но и их преподаватели, которые получали мизерное денежное содержание. Поэтому посылки из дома воспринимались школяром как дар Божий: «Пагкратий я получил от вас все (...), что там было и гусей пару и (...) пару целую тебя, папашу и мамашу за это» и желая сделать Пагкратию хотя бы какой-нибудь подарок из своих скудных запасов добавляет: «я смотрю, что ты полстился на это мое чернило, так я и передаю егот тебе»¹⁸.

Заканчивается послание страшными словами, подтверждающими вышесказанное: «Ваня Уманцев умер»¹⁹.

В конце хартии Кирилл сделал странную приписку русскими и французскими словами, разобрать которую точно не удалось²⁰.

К большому сожалению, на данный момент дальнейшая судьба Иоанна Федоровича Лозы и его сыновей – Кирилла и Пагкратия не известна. Может быть, где-то в глубинах архивных фондов исследователей и ждут документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу героев писем. Впрочем, именно благодаря этим двум небольшим посланиям мы знаем, что когда-то на Кубани жили такие люди. Все это благодаря И.Д. Попко и его трепетному отношению к личным письмам. И подобных хартий в его архиве, которые еще ждут своего исследователя, осталось немало.

---

¹⁸ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 45.

¹⁹ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 45.

²⁰ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 45.

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 316.7(47+57) | 19 |

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГГ. В СССР И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

А.П. Мякшев¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: myakshev@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению специфики социокультурной идентичности советского человека. Рождение советского человека связывается с малоизученной историей идеологического поворота второй половины 1930-х гг. и созданием советской образовательной модели. На материалах дневников военных лет саратовской студентки О. Сиротининой представлены существенные характеристики советскости как исторического явления.*

Ключевые слова: цивилизация, патриотизм, советский человек, советская идеология.

THE IDEOLOGICAL UPHEAVAL OF THE SECOND HALF OF THE 1930S IN THE USSR AND THE PROBLEMS OF THE SOCIO-CULTURAL IDENTITY OF THE SOVIET MAN

A.P. Myakshev

(Saratov, Russia)
e-mail: myakshev@mail.ru

Annotation. *The article is devoted to the study of the specifics of the social and cultural identity of the Soviet person. The birth of the Soviet person is associated with the little-studied history of the ideological turn of the second half of the 1930s and the creation of the Soviet educational model. Based on the materials of the diaries of the war years of the Saratov student*

---

¹ Мякшев Анатолий Павлович (Саратов), д.и.н., профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; член экспертной группы при Правительстве Саратовской области по проблемам этноконфессионального развития региона; заместитель председателя Саратовского регионального отделения Изборского клуба, эксперт Саратовского Земского философско-гуманитарного клуба.

O. Sirotinina, the essential characteristics of Sovietism as a historical phenomenon are presented.

Ключевые слова: civilization, patriotism, Soviet people, Soviet ideology.

Актуальнейшей для сегодняшнего дня является проблема того революционного рывка 1920–1930-х гг. в будущее, определившего сущность советского проекта, ставшего реальной и успешной альтернативой капиталистической модели общества, положенной в основу западноевропейской, универсальной – как утверждал А.Дж. Тойнби и утверждает Ф. Фукуяма, цивилизации. Неудачная попытка России интегрироваться в западную мир-систему, превращение её в силу ошибочного выбора пути общественного развития на рубеже 1980–1990-х гг. в историческую периферию в качестве «поставщика ресурсов», безусловно, требует пристального научного анализа. Прежде всего, исследования тех исторических поворотов, которые позволили России не только эффективно разрешать тупики мирового исторического процесса и определять социальный и экономический прогресс человечества, но и успешно формировать, укреплять и творчески преобразовывать ментальные и материальные фундаменты уникального российского государства-цивилизации.

В основе этого революционного, по сути – экзистенциального, рывка находилось создание совершенно новой, доселе невиданной по мощи и креативности идеологии советского общества. Отказавшись от химеры «мировой революции», уже к концу 1920-х гг. удалось утвердить в общественном сознании простую мысль: «Не построим социализм в России – нас уничтожат!». На первый план при этом выдвинулся вопрос о том, кто будет строить социализм. Большевики-интернационалисты главное препятствие к победе социализма в мировом масштабе усматривали в «пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением бывшего привилегированного положения великорусов»². Необходимость построить социализм в «одной стране» заставила большевиков обратиться не к мировому пролетариату, а к народам, населяющим эту самую страну. В конечном счете, был реабилитирован патриотизм с его возведенными в ранг высших советских ценностей основополагающими понятиями: Родина, Отечество. В 1934 г. в СССР был принят закон, вводящий коллективную ответственность за измену Родине. Конституция 1936 г. саму Родину – Советский Союз – превращала из договорной федерации в конституционную федерацию – единое союзное государство. Степень единства была облечена в формулу

---

² Сталин И.В. Собрание сочинений в 18 томах. М., 1952. Т. 5. С. 187.

«советский народ», а место русского народа определялось идеологемой «старший брат». Несмотря на то, что концепция «старшего брата» не являлась признанием его государствообразующей роли и всего лишь корректировала старую установку на достижение фактического равенства за счёт ресурсов русского этноса (о «младших» теперь русские должны заботиться как старшие), русофобия в стране подверглась осуждению, а русская культура и русский язык позиционировались как «цементирующая» основа создаваемой новой советской общности.

В преддверии мировой войны новая идеология внедрялась чрезвычайными форсированными темпами. Было введено всеобщее начальное образование, затем обязательная семилетняя школа, переработанные учебные программы были перенацелены на системное и последовательное изложение учебного материала по каждому предмету. Были созданы новые учебники, основной организационной формой учебных занятий стал урок, в старших классах рекомендовалось использовать лекции. С весны 1933 г. в школьную жизнь вошли переводные экзамены, с 1934 г. были введены должности классных руководителей, учебные группы стали называться классами, а заведующие школами – директорами. Советская система образования стала единой и унифицированной, для всей страны были установлены единые типы общеобразовательной школы: начальная – 4 класса, неполная средняя – 7 классов, средняя – 10 классов.

Особая роль в выковывании новой идеологии сыграла история, ставшая великим оружием в борьбе за государственные интересы. Комакадемия, Институт красной профессуры были ликвидированы, школа М.Н. Покровского была разгромлена, ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы, по сути, образовали «национальную школу» советских историков. Ученик В.О. Ключевского академик Б.Д. Греков в 1937 г. возглавил созданный тогда же Институт истории АН СССР. Новая концепция истории была связана с изменившейся трактовкой места и роли русского народа в отечественной и мировой истории. Написанный историками МГПУ во главе с А.В. Шестаковым «Краткий курс истории СССР» (для 3 и 4 классов) советский период истории уже рассматривал в преемственной связи с общим развитием российской государственности.

На наш взгляд, для идеологического переворота второй половины 1930-х гг. решающее значение имела эволюция взглядов И.В. Сталина на российский исторический процесс. Представляется, что идея особого цивилизационного пути России рождалась у него поначалу в качестве аргументации перехода к форсированному строительству

социализма и созданию мобилизационной модели общества. В 1930 г. Сталин резко выступил против негативизации российской истории. Пролетарского поэта Демьяна Бедного он критиковал за клевету на русский народ, клевету «на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата». В лице «пролетарского поэта» Сталин отвергал русофобскую риторику, утвердившуюся после 1917 г.: «Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лощину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из «Домостроя», стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную «Перерву», что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит, и — русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими»³.

Представляется, что окончательное утверждение идеологии советского патриотизма стало выдвигание советской пропагандой в 1936 г. формулировки «низкопоклонство перед Западом». После войны Сталин в контексте новой актуализации вопроса о «низкопоклонстве» среди представителей творческой интеллигенции, по сути, выдвинул задачу формирования цивилизационно идентичной культуры и науки. Следует признать, что сталинский восторженный тост о решающей роли русского народа в Великой Отечественной войне шел вразрез с представлениями воспитанной в традициях революционаризма и «всегдашней оппозиционности к власти» советской творческой элиты. «Лево-коммунистические идеалы всечеловечества» категорически исключали у советской элиты «проповедь» русских национальных ценностей. «Русское» для них было синонимично «великодержавию», реже — «национализму».

Антипатриотические, «космополитические» настроения части советской интеллигенции Сталин подверг резкой критике на встрече с писателями в 1947 г: «А вот есть такая тема, которая очень важна, которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя ещё

---

³ Сталин И.В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 23–27.

несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая, она идёт ещё от Петра. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами-засранцами. Простой крестьянин не пойдёт из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия... В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдавливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает. Вот взять такого человека, не последний человек, а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед учёным, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет своё достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничтожения у многих наших интеллигентов»⁴.

Сомнений в том, что «исторические воззрения Сталина представляли собой сочетание марксистско-ленинской схемы мировой истории с представлениями о специфике российского пути развития»⁵, у современных исследователей не осталось. У Сталина, безусловно, присутствовало понимание уникальности русского исторического процесса, то есть при определении специфики этого процесса он прибегал к использованию цивилизационной, а не формационной методологии. Вряд ли Сталин был знаком с трудами О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби (ссылки на их труды и прямого их цитирования сталинское творческое наследие не содержит). Однако есть свидетельства того, что И.В. Сталин проштудировал работы Н.Я. Данилевского, которого, безусловно, можно считать основоположником цивилизационного подхода в мировой и отечественной науке.

Н.Я. Данилевский на вопрос, является ли Россия частью Европы, давал категорически отрицательный ответ. Он был убежден, что Россия на протяжении всей своей истории не усвоила (не захотела?) ни один из компонентов, определяющих европейский культурно-исторический тип. Европа, по мнению великого мыслителя, исторически всегда была враждебна России, имея в своём арсенале ряд устойчиво воспроизводимых русофобских мифологем. Россия и европейские страны, утверждал Николай Яковлевич, «единицы неодинакового порядка». Англия, Франция, Италия – «только политические единицы, составляющие части другой высшей культурно-исторической единицы – Европы, к

---

⁴Цит. по: Багдасарян В.Э. Сталинская историософия // URL: https://dzen.ru/media/vardanbagdasaryan/stalinskaia-istoriosofia-64f8e65cbe84d973e-4096964?utm_referer=e.mail.ru (дата обращения 10.09.2023).

⁵Там же.

которой Россия не принадлежит по многим и многим причинам»⁶. Если же, подчеркивал он, «наперекор истории, наперекор мнению и желанию самой Европы, наперекор внутреннему сознанию и стремлениям своего народа – Россия все-таки захочет причислиться к Европе, то ей, чтобы быть логической и последовательной, ничего другого не остается, как отказаться от самого политического патриотизма, от мысли о крепости, цельности и единстве своего государственного организма, от обрусения своих окраин, ибо эта твердость наружной скорлупы составляет только препятствие к европеизации России. Европа, не признающая (что и естественно) другого культурного начала, кроме германо-романской цивилизации, так и смотрит на это дело»⁷. Следует высказать предположение, что именно мировоззрение Н.Я. Данилевского, творчески препарированное советским политическим лидером, и послужило теоретической основой и было положено в политическую практику и повседневность «идеологической революции» второй половины 1930-х гг.

Результатом идеологического поворота 1930-х гг. безусловно станет наша Великая Победа. На наш взгляд, значение идеологических новаций следует рассматривать гораздо шире и глубже. Идеологический поворот создал нового, советского человека, мировоззрение которого стало залогом послевоенного мирового лидерства государства-цивилизации Россия. Вряд ли стоит настаивать на идее законченности формирования советского народа в годы войны, вряд ли стоит наивно полагать, что советские ценности разделяло всё общество и все народы. Анализ дневников студентки Саратовского университета военных лет, а ныне заслуженного деятеля науки РФ, одного из наиболее известных советских и российских лингвистов, отпраздновавшего 27 июня 2023 г. свой 100-летний юбилей, позволяет судить об эффективности советской идеологии как системы, о степени её восприимчивости в среде молодёжи, о роли образования в формировании нового человека.

Какого человека формировала советская идеология в канун войны? Каковы основные маркеры советской идентичности, ярко проявившейся в годы Великой Отечественной войны?

Представляется, что главным и системообразующим признаком советской идентичности стал патриотизм, любовь и преданность советской Родине и советскому народу. В самом начале войны автор дневников, назовём его «респондентом», указывает, что для неё главное – «вся

---

⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 86.

⁷ Там же.

Родина», «ради Родины» она готова «понести любые лишения»⁸ (28.06.41). Понятие «Родина» для 18-летней девушки неразрывно связано со спецификой социального строя: «Родина – это не пространство, даже не народ. Это идея. Это принцип государства. Только коммунистическая страна может быть моей Родиной. В идеях коммунизма вся моя жизнь». Причём, «коммунистическая Родина» воспринимается ею как вершина человеческого прогресса: «И не могут, не могут варвары победить культуру! Нет, победа будет за нами!» (13.10.41). Советский Союз воспринимается как защитник мировой цивилизации: «О, Гитлер! Воистину антихрист, а не человек. Он хуже зверя. <...> Его проклинают все. <...> Культура, цивилизация – всё уничтожается им. <...> Мы победим! За нас и разум и сердца всего человечества. Советские люди никогда не будут рабами Гитлера! <...> Ведь нельзя же стереть с лица земли все 200 млн. советского народа, а пока жив, хоть один человек, мы не побеждены, война продолжается!» (16.08.41). Цивилизационное превосходство демонстрируется на страницах дневника довольно часто: «Оставлен чудный вечный город красоты: Киев. Немцы, как гунны, как саранча уничтожают все эти красоты. Киев! <...> Но мы отомстим! <...> Берлин разрушать не будем – мы не варвары. Но мы сотрем фашизм с лица земли. И выстроим новый Киев, еще более красивый, чем раньше» (22.09.41). Родина воспринимается как единство, целостность, неразрывность: «Ленинград! Это часть тела. Отдать его – все равно, что отрезать руку» (29.08.41); «Москва – сердце Родины в опасности!» (23.10.41); «Представить Москву не советской я не могу. <...> Родина! Горячо любимая, подлинно народная» (2.11.41); «Мой Киев! Чудный прекрасный город был растоптан сапогом немецкой военщины. Киев, который так дорог сердцу каждого русского» (16.06.42).

Родина для нашего респондента «светлое, теплое в их жизни, что уменьшало страдания, согревало в холод, светило в темноте. Это большое, прекрасное чувство Родины». Она горько сетует, что не всё советское население разделяет её чувства: «Но есть люди, для которых Родина – многое, но ещё не всё. Им нужно тепло зимой и прохладу летом, мясо и сахар, а, быть может, и шоколад, и мороженое, им нужны фрукты, улицы, залитые ярким светом, концерты по радио, поездки на курорты» и они «готовы на все, лишь бы получить все это даже теперь во время войны, а, если не удастся, горе всем. В этом виноват весь мир, как будто весь мир создан для них». Именно в этом видит причину поражения Красной Армии в 1941-1942 гг.: «Неужели не ясно, что нет

---

⁸ Дневники О.Б. Сиротининой // Личный архив О.Б. Сиротининой. Далее в тексте указывается дата дневниковой записи.

жизни без родины? Это страшно. В этом причина наших отступлений. Почему еще есть такие люди?» (16.08.42). Погибших за Родину респондент считает своими, близкими людьми: «Миллионы человеческих жизней погибли за этот год. Все родные советские люди» (22.06.42); «4,5 млн. потерь! И ведь все это родные, дорогие сердцу люди!» (23.06.42).

Ненависть и возмущение молодой девушки вызывает предательство и измена Родины: «Так много изменников, шпионов, диверсантов (2.11.41); «Диверсанты, шпионы – вот самое большое зло. Тем более, что многие считают их лишь вымыслом фантазии» (4.08.41). По поводу суда над изменниками Родины в Краснодаре в июле 1943 г.: «Я расстреляла бы их всех! Страх – не оправдание. Преступление из страха еще омерзительнее, чем преступление по убеждениям. Труса не перевоспитаешь» (18.07.1943). По Харьковскому процессу над нацистами в декабре 1943 г.: «Я расстреляла бы немцев. Они выполняли свой долг. Пусть гнусный, пусть зверствовали, но ведь над врагами. А Буланов над своими. Изменник, предатель. Для него я бы не пожалела никаких мук» (18.12.43).

Советские люди были убежденными интернационалистами. В самом начале войны надежда на мировую революцию не покидала нашего респондента: «сколько же немцы будут терпеть? Сражаться с нами! Теперь ведь самый удобный момент для революции в Германии» (24.06.41). «Мы слишком гуманны, воспитаны в принципах интернационализма» (2.06.41), признаётся она. «Скоро вспыхнет восстание» (4.08.41), продолжает тешить себя иллюзиями. Реакция на роспуск Коминтерна – горькое сожаление: «Конечно, он сейчас не у места, и все-таки тяжело на душе. Слишком внедрились в нас принципы интернационализма» (26.05.1943).

Советский человек – атеист. Студентка Оля Сиротина ратует за то, чтобы церковь была отделена от государства: «все это нужно, чтобы она естественно отмерла», и возмущается из-за ослабления антирелигиозной пропагандой: «зачем выкинули из школы антирелигиозную пропаганду!». «Ведь отмирать должна вообще религия, значит прежде всего должна быть свобода вероисповедания» – делает вывод наш респондент (8.10.1943). А вернейшим средством стать атеистом, она считает, – «читать Библию. Прочтя её, нельзя уже верить в бога. Несомненно, это древнейший памятник быта, нрава, обычаев и религии евреев. Самое скучное: описание чудес и перечисление имен. А сколько повторений и противоречий!» (12.02.42). И вообще советский человек материалист: «Только теперь я осознала себя, поняла, что я материалист, убежденный и последовательный. Конечно, диалектический. И поняла я это как-то сразу, когда осознала (знала давно), что движение –

свойство материи» (22.10.44); «Как приятно заниматься философией! И какая прекрасная книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм!»» (3.07.1943). Советская девушка не понимает тех, «кто верит в церковь, духовенство», хотя и признает, что «церковь делает много добра – очень много теплых вещей и денег собирают для фронта» (20.11.42).

Советские люди были воспитаны в исключительном доверии к своему правительству: «в наше сегодняшнее правительство я верю свято, хоть и смотрю на все сознательно, критически, иногда не сразу понимаю необходимость того или иного мероприятия. Конечно, бывают ошибки, но ведь мы умеем их преодолевать» (29.05.1943). Членство в коммунистической партии честные советские люди связывали с общественной пользой: «Люся поступает в партию. Я бы тоже очень хотела, но поступать сейчас я считаю подлым. Поступать только для того, чтобы иметь партбилет, по-прежнему ничего не делать! А я сейчас не могу заниматься общественной работой. Была бы я здорова, поступила бы в партию, уехала бы на фронт» (20.05.2043).

Убежденность в прогрессивности всего социалистического была у советских людей воспитана в кратчайшие исторические сроки: «Правда, принцип интернационализма сейчас в загоне. Русские всюду на первом месте. Правда, на фронте, по-настоящему дерутся только русские. Правда, все наше замечательное, советское было, может быть несколько преждевременно и потому понято лишь внешне, но я боюсь за кадры нашей партии. Сумеют ли массы все понять, а новое руководство также мудро руководить страной как сейчас. Но основа нашего строя – социалистическая собственность незыблема. <...> Ведь факт же, что ни одна другая страна не смогла бы выдержать такого напряжения» (8.10.1943). Неизбежность войны так же рассматривалась с классовых позиций: «Не могут же мирно существовать две столь различные общественные формации» (22.06.41).

Доверие к политическому лидеру страны в годы войны у обычных советских людей было искренним и неподдельным: «24 годовщина Октября, самое главное: с докладом выступал Сталин! Когда сказали, что он будет выступать, у меня сердце забило радостно. А когда я услышала его спокойный, уверенный, твердый с любимым акцентом голос, у меня на глазах появились слёзы. Слез радости и счастья. Я боялась шевельнуться, чтобы не пропустить ни одного слова. Говорил он, как всегда, спокойно и веско. Хорошо говорил! Казалось, вся страна слушала, затаив дыхание, его голос. Голос родной Москвы, голос родного Сталина. Это замечательно!» (7.11.41). «Спасибо Сталину! Это он сделал

меня бодрой и крепкой, способной вынести все испытания. <...> 7 ноября в Москве был военный парад, Сталин был на трибуне и говорил речь. Родной!» (9.11.41). Образ Сталина ассоциируется у советской студентки с уверенностью в Победе: «Говорят, Сталин в своем городе. Это гарантия того, что Сталинград не отдадут, но какая опасность! А ведь если с ним что-нибудь случится – все кончено. На его плечах вся страна. Без него все погибло. Введены заградительные отряды. О, люди! Да разве есть что-нибудь дороже Родины!» (5.08.42).

У советских людей гражданская идентичность явно преобладала над национальной: «Не могу понять, чтобы настоящий честный советский человек ставил национальность выше Родины. Не знаю, как другие, для меня национальность не значит ничего, пустое отжившее слово. Важно, что я гражданка Советского Союза, а не русская или еврейка. Какая разница. Ведь это пустая формальность» (28.06.41). Хотя и признает, что «не для всех национальность ничего не значит»: «Всех немцев выселяют. Всю республику. Несчастные. Многие ведь и думать забыли, что они немцы. И ещё если муж русский, то жена немка остается. А если муж немец, то и жена – русская едет. Где же равноправие? Но, по-видимому, так нужно» (1.09.41). Национальные чувства обуревают нашего респондента по мере того, как она всё больше узнает об ужасах нацизма: «теперь, когда Гитлер угнетает евреев, я всё больше наполняюсь гордостью за свой народ. Мне равны русские и евреи. Я дочь обоих народов, обоих люблю, обоими горжусь. Обидно, что я не знаю еврейского языка, плохо знаю еврейские сказания и легенды. Раньше нации для меня не существовали. Теперь я всё больше чувствую национальности» (15.11.41). Война обострила национальные чувства: «Все-таки, какой ужас – война! Как меняет она сознание, превращает людей в зверей. Вот я. Давно ли я не понимала, как можно интересоваться национальностью человека, какое она имеет значение. И вот я ненавижу немцев. Немцев, а не фашистов» (16.02.1943).

Довольно широкий масштаб коллаборационизма в годы войны (а именно к ним мы вынуждены отнести всех содействующих и сочувствующих победе врага), свидетельствует о незавершенности формирования общности советский народ. Следует также сопоставить с этим общеизвестным и ещё один, зачастую замалчиваемый исторический факт, «озвученный» член-корреспондентом РАН Л.И. Бородкиным совсем недавно: в июле 1942 г. в Красной Армии было 68,3% при доле по переписи 1939 г. русских 58,41% (99,591 млн.)⁹. Именно русский народ

---

⁹ Бородкин Л.И. Статистический анализ эволюции национального состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны: учёт различных

стал системообразующей частью советского народа как новой исторической общности. Русские легче меняли свою идентичность на советскую, потому что в основе она была русская. В дневниках советской школьницы, а потом студентки Ольги Сиротининой мы обнаруживаем неподдельное эстетическое наслаждение русской классической литературой XIX в., гениальной русской музыкой, русской драматургией, русским советским искусством. «Достоевский тоже родной мне»¹⁰, пишет она. Ценности русской культуры, «лавинообразно обрушившиеся» на советскую молодежь в конце 1930-х гг., естественным образом ею были интегрированы и адаптированы не потому, что того хотела партия и Сталин, а потому что именно эти ценности были ментально близки русским, родившимся в государстве, поставившим себе целью преобразование мира на принципах социальной справедливости.

Не удивительно, что сразу после революции русские, красные и белые, и даже зеленые, воспринимали РСФСР, а потом и СССР, как продолжение России. Нерусские народы усматривали в СССР, прежде всего, федерацию народов, пришедшую на смену русскому государству. Они воспринимали советское через русскую культуру и русскую литературу, потому были столь лояльны к советскому: русские ценности были очень близки, зачастую идентичны соседним с русским этносом социумам. Советский народ сформировался из русских людей, которые искренне считали себя советскими, и значительной частью нерусских, сознательно и убежденно воспринявших русскую культуру на русском языке как единственно возможный транзит к мировой культуре и цивилизации. Любовь и дружба народов в СССР зиждилась не на принципах комплементарности, а на русской ценностной основе. Прав видный российский историк А.И. Вдовин, первым попытавшийся внедрить в учебный процесс мысль о современном мироустройстве в интересах «золотого миллиарда» и о необходимости в связи с этим пересмотра русской истории с национально-патриотических позиций. Вдовин квалифицировал советский народ следующим образом: «Наиболее жизненной при этом является интерпретация советской общности людей не как антипода русскому и другим народам бывшей царской России, а как результата развития и объединения лучших черт

категорий военнослужащих // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (ПермГАСПИ. 30 ноября – 1 декабря 2021 г.). Сборник / Под ред. С.В. Неганова, А.В. Черных. Пермь, 2022. С. 34–43.

¹⁰ Сиротинина О.Б. «И жизнь пролетит, как мечта ...»: личные дневники (1939–1954 гг.) / Под ред. О.В. Мякшевой. Саратов, 2023. С. 409.

советских наций и прежде всего наиболее многочисленного русского народа»¹¹.

В этой связи, период активного «этногенеза» новой исторической общности возможно ограничить второй половиной 1930-х гг., когда идея построения социально справедливого общества была «сужена» до рамок большой России, и 1961 г., когда советский человек, преодолев земное притяжение и первым покорив космос, продемонстрировал русское первенство, прогресс и величие. Победа в Великой Отечественной войне и создание сверхдержавы – кульминация советского проекта, без создания нового человека с новой, советской, идентичностью, шансов на реализацию не имевшего. Именно с рубежа 1950–1960-х гг. советская общность начинает свой процесс цивилизационного упадка, приведшего к распаду великого государства и духовному перерождению общества. Безусловно, что главной причиной этого стал отказ от идеи построения общества социальной справедливости, ментальной русской мечты, в угоду созданию советского варианта общества потребления. На наш взгляд, не меньшей по значимости причиной стал демографический кризис русского этноса, вызванный войной. Г.Х. Попов в 1997 г. обнаружил свидетельство профессора А.Я. Боярского, одного из руководителей переписи 1959 г., о том, что русских в СССР в начале 1960-х гг. было меньше 50%¹².

Советский человек – оптимист. Оля Сиротинина¹³ в разгар войны пишет: «Всё-таки я верю в будущее. За нас история!» (14.11.43). Она уверена, что «ни к чему унижаться» перед союзниками (13.03.43), «мы справимся и без их ничтожной помощи» (17.03.43); «Мы переживем войну. Еще поживем при коммунизме» (29.07.41).

Советская студентка позиционирует себя новым человеком: «Все-таки как много значит общественное воспитание. Я и бабушка. Совершенно различные люди. Говорим на разных языках. Бабушка испытывает счастье, когда говорят: «Россия», а мне больно слышать это. Моя Родина – СССР»; «Всё существование нашей страны – чудо. Чудо – наша стихия. Для нас оно не чудо, потому что мы знали, что так должно быть, что так будет, мы верили в это» (23.01.43). Молодую девушку озадачивают специфические новости: «Но что меня очень пугает, так это

---

¹¹Вдовин А.И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). М., 2019. С. 496.

¹² Попов Г.Х. О модели будущего России // Вопросы экономики. 2000. № 12. // URL: vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/PROBE/POPOV_W.HTM (дата обращения: 10.09. 2023).

¹³ Дневники О.Б. Сиротининой.

заявление украинского комитета в Канаде о желании украинцев создать самостоятельное государство. Разумеется, все это происки союзников, но это может здорово навредить нам. Идти на отделение Украины нельзя, это просто немыслимо» (14.05.1943).

Осознание частью российской элиты во главе с В.В. Путиным пагубности насильственной интеграции России в так называемый Западный глобальный мир, а точнее «американское глобальное государство», начавшееся в 2007 г., получило решающий импульс с началом СВО на Украине. Воюющий Донбасс – цивилизационный фронт, часть цивилизационного русского ядра – является своеобразным «водоразделом» между политикой «добровольного поглощения» русской цивилизации агрессивным Западом и возобновлением более чем тысячелетнего уникального исторического процесса русского и соседних, дружественных ему, народов. В ноябрьском указе 2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» капиталистические идеалы и принципы потребительства характеризуются как «чуждые российскому народу и разрушительные для российского общества системы идей и ценностей (далее – деструктивная идеология)»¹⁴. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной Президентом В.В. Путиным 31 марта 2023 г., Россия характеризуется «как самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»¹⁵. В текущую политическую повестку поставлен вопрос об отмене статьи Конституции о запрете государственной идеологии. Представляется, что лучшим вариантом для «Русского ренессанса» может стать адаптация формы и методов создания патриотической идеологии 1930-х гг. к сложнейшей геополитической и внутривластной ситуации начала XXI века.

---

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=2> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?Index=3> (дата обращения: 20.05.2023).

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

УДК 94(47).07+81'(37+42)+821.161.1

ТРОП «АРКАДИЯ» В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ Н.М. КАРАМЗИНА И «АРЗАМАС»

М.В. Калашников¹

Саратовский Земский философско-гуманитарный клуб
e-mail: kalash.mv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется мотив Аркадии или троп «Аркадия», означавший со времен античности сельскую идиллию, «золотой век». Однако в середине XVII в. троп «Аркадия» приобрел семантическую двойственность и неопределенность благодаря художникам Гверчино и Никола Пуссену. В XVIII – начале XIX в. в европейской культурной традиции троп «Аркадия» оказался неразрывно связан с фразой «Et in Arcadia Ego», которая стала его основным, хотя и двойственным означаемым. Целью статьи является анализ использования тропа «Аркадия» в дискурсивных практиках Н.М. Карамзина и карамзинистов, организовавших литературное общество «Арзамас». Автор приходит к выводу, что «Арзамас» следует рассматривать как пародию на троп «Аркадия» с его послепуссеновской двойственностью и неопределенностью. По мнению автора «Арзамас» – это и романтическая ирония, гротеск в пародировании идиллических пасторалей Аркадии, и пародия на сентиментализм.

Ключевые слова: «Арзамас», Гверчино, Никола Пуссен, Н.М. Карамзин, карамзинисты, троп «Аркадия».

THE TROPE OF ARCADIA IN THE DISCOURSE PRACTICES OF N.M. KARAMZIN AND “ARZAMAS”

M.V. Kalashnikov

(Saratov, Russia)
e-mail: kalash.mv@mail.ru

Annotation. The article analyzes the motif of Arcadia, or the Arcadia trope, which since the times of antiquity has signified the rural idyll, the golden age. However, in the middle of the XVII century, the trope of Arcadia acquired semantic duality and ambiguity due to the painters Guercino and Nicolas Poussin. In the XVIII and the beginning of the XIX centuries, the Arcadia trope started to be invariably connected to the phrase «Et in Arcadia Ego», which became its main, even though dualistic, signified. The purpose of the article is to analyze how the Arcadia trope was used in the discourse practices of N.M. Karamzin and the karamzinists,

---

¹ Калашников Михаил Васильевич (Саратов), историк, эксперт Саратовского Земского философско-гуманитарного клуба.

who organized the literary society «Arzamas». The author concludes that «Arzamas» should be regarded as a parody on the trope of Arcadia with its post-Poussin duality and ambiguity. The author believes that «Arzamas» is both a romantic irony, a grotesque in creating parodies of the idyllic pastorals of Arcadia, and a parody of the sentimentalism.

Key words: «Arzamas», Guercino, Nicolas Poussin, N.M. Karamzin, karamzists, trope of Arcadia.

Мотив Аркадии или троп «Аркадия» был широко распространен в европейской культуре ещё со времен античности и означал сельскую идиллию, «золотой век». Однако в середине XVII в. троп «Аркадия» приобретает семантическую двойственность и неопределенность.

Рис. 1. Гверчино (Джованни Франческо Барбьери) «Эго Аркадии». URL: <http://www.artita.ru/view-guercino-4> – (Дата обращения: 20.05.2023).

В 1618 – 1622 гг. итальянский художник Гверчино (Джованни Франческо Барбьери) пишет картину «Эго Аркадии», на которой два аркадских пастуха застыли перед надгробным камнем. Сверху на камне лежит огромный череп, а на самом надгробии выбита надпись: «Et in Arcadia Ego» («И в Аркадии я (есть)»). Надпись является новолатинской и в наследии античности и средневековья не встречается. Смысл надписи однозначно определяется самой композицией картины: «И в Аркадии я (то есть смерть) (есть)».

Рис. 2. Никола Пуссен «Аркадские пастухи». 1627 - 1628 гг. URL: <https://gallerix.ru/storeroom/55174892/N/630542854/> - (Дата обращения: 20.05.2023).

В 1627 - 1628 гг. великий французский художник Никола Пуссен пишет на сюжет Гверчино первую картину «Аркадские пастухи». Надгробие на картине Никола Пуссена также несет надпись «Et in Arcadia Ego». Вследствие композиционного напряжения смысл надписи тот же, что и на картине Гверчино.

В 1637 - 1639 гг. Никола Пуссен пишет второй, уже элегический вариант «Аркадских пастухов», который лишен однозначности прежнего толкования. При взгляде на картину нет ясности, от имени кого «говорит» надпись «Et in Arcadia Ego» на каменном надгробии - смерти или умершего. На картине отсутствует череп - однозначный символ смерти, однако присутствует фигура молодой цветущей женщины,

которая может символизировать смерть. Поэтому надпись «Et in Arcadia Ego» может быть прочитана с новым смыслом: «И я был (родился) в Аркадии»².

Рис. 3. Никола Пуссен «Аркадские пастухи». 1637 – 1639 гг. URL: <https://galerix.ru/storeroom/55174892/N/485111491/> – (Дата обращения: 20.05.2023).

Таким образом, в XVIII – начале XIX в. троп «Аркадия» оказался неразрывно связан с фразой «Et in Arcadia Ego». Более того – именно эта фраза и стала основным, хотя и двойственным означаемым тропа «Аркадия».

В русской литературе конца XVIII – начала XIX в. «Аркадия», во многом благодаря Н.М. Карамзину, становится известным, хотя и многозначным тропом (риторической фигурой).

Целью данной статьи является анализ использования тропа «Аркадия» в дискурсивных практиках Н.М. Карамзина и его молодых друзей – карамзинистов, организовавших литературное общество «Арзамас».

Первым обращением Н.М. Карамзина к теме Аркадии стал в 1789 г. перевод и публикация в журнале «Детское чтение» пьесы немецкого писателя Христиана Феликса Вейсе «Аркадский памятник, сельская драма в одном действии» («Das Denkmal in Arkadien»), написанной по

---

² См.: Панофский Э. Et in Arcadia ego: Пуссен и элегическая традиция (1936) // Панофский Э. Смысл и истолкование изобразительного искусства. СПб., 1999. С. 333–362.

мотивам картины Никола Пуссена «Аркадские пастухи»³. Н.Д. Кочеткова считает, что можно «с определенностью говорить о том, что выбор пьесы для перевода был подсказан Н.М. Карамзину Новиковым или его друзьями по масонскому кружку»⁴. В пьесе Х.Ф. Вейсе «Аркадский памятник», как и у Никола Пуссена, возможно двойственное понимание смысла фразы «Et in Arcadia Ego» («И в Аркадии я»)⁵. Мораль пьесы Х.Ф. Вейсе соответствует масонской установке на самосовершенствование и воспитание внутреннего человека:

Не мучьтесь никогда желаньем
Вы, юные сердца, –
Найти Аркадию под солнцем!
Вы можете найти
Аркадию в душе спокойной.
Ищите там ее! ⁶

Чтение и перевод «Аркадского памятника» Х.Ф. Вейсе повлияли на оптику Н.М. Карамзина в ходе его путешествия по Европе в 1789 – 1790 годах. Аркадские аллюзии как блескты вкраплены в «Письма русского путешественника» (1791 – 1792). В 17 письме Н.М. Карамзин роняет мимоходом: «Пруссия не Аркадия, и наш век не золотой...»⁷. Саксония же наоборот, напоминает ему «Аркадию». В окрестностях Мейсона Н.М. Карамзин, встречая молодую крестьянку с посошком, замечает: она «была для меня Аркадскою пастушкою»⁸. Описывая посещение парка в Виндзоре, и, размышляя о превратностях судьбы и бренности жизни, Н.М. Карамзин выделяет в публикации восклицание: «и мы, и мы были в Аркадии!»⁹. (Выделено в публикации. – М. К.)

Зимой – весной 1793 г. в статье «Нечто о науках, искусствах и просветлении» Н.М. Карамзин, отходя от масонства, разрушает троп «Аркадия», отделяя мифическую сентименталистскую Аркадию от реальной исторической Аркадии. Оспаривая Руссо, он пишет: «Нам будут говорить о <...> счастливой Аркадии... Правда, сия вечно цветущая страна <...> есть нечто восхитительное для воображения

³ Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966. С. 317–356.

⁴ Кочеткова Н.Д. «Аркадский памятник» Вейсе и тема счастья у Н.М. Карамзина // Musenalmanach: В честь 80-летия Ростислава Юрьевича Данилевского. СПб., 2013. С. 149.

⁵ Кочеткова Н.Д. Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма // XVIII век: Сб. 18. СПб., 1993. С. 174.

⁶ Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. С. 356.

⁷ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 42.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Там же. С. 355.

чувствительных людей; но – будем искренны и признаемся, что сия счастливая страна есть не что иное, как приятный сон, как восхитительная мечта сего самого воображения. <...> Аркадия Греции не есть та прекрасная Аркадия, которою древние и новые поэты прельщают наше сердце и душу»¹⁰.

В 1796 г. Н.М. Карамзин пишет стихотворение «Отставка» – вольный перевод начала известного шиллеровского «Resignation» («Отречение», 1786 г.)¹¹, в котором троп «Аркадия» поставлен в иронический контекст. Ветреная Хлоя изменила любовнику-пастушку, но тот не расстроен и восклицает:

Итак, смотри в глаза мне смело;

Я, право, Хлоя, не сердит.

Шуметь мужей несносных дело;

Любовник видит – и молчит;

<...>

Я жил в Аркадии с тобою

Не час, но целых сорок дней!

<...>

Пусть, Хлоя, мой обширный лоб

Подчас украсится рогами;

Лишь только был бы я с глазами!¹²

В конце 1790-х гг. в стихотворении «Протей, или Несогласия стихотворца» Н.М. Карамзин полностью развенчивает миф Аркадии:

В Аркадии своей ты был с зверями равен,

И мнимый век златой, век лени, детства, сна,

Бесславен для тебя, хотя в стихах и славен.

Для бедных разумом жизнь самая бедна:

Лишь в общежитии мы им обогатились;

---

¹⁰ Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просветлении // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 130. То же см.: Аглая. 1794. Ч. 1. С. 49–50.

¹¹ Начало стихотворения в переводе Н. Чуковского:

И я на свет в Аркадии родился,

И я, как все кругом,

Лишь в колыбели счастьем наслаждался;

И я на свет в Аркадии родился,

Но сколько слёз я лил потом.

(Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 146).

¹² Карамзин Н.М. Отставка // Н.М. Карамзин. Полное собрание стихотворений. С. 196–197; То же см.: Аониды. 1797. Кн. 2. С. 43. Вольный перевод начала стихотворения Шиллера «Resignation»: «Auch ich war in Arkadien geboren».

Лишь там художества с науками родились –
И первый в мире град был первым торжеством
Даров, влиянных в нас премудрым божеством¹³.

В 1802 – 1803 гг. в романе «Рыцарь нашего времени» Н.М. Карамзин риторически вопрошает: «...что говорить о младенчестве? Оно слишком просто, слишком невинно, а потому и совсем нелюбопытно для нас, испорченных людей. Не спорю, что в некотором смысле можно назвать его счастливым временем, истинною Аркадиею жизни; – добавляя при этом, – но потому-то и нечего писать об нем»¹⁴. Это последнее упоминание тропа «Аркадия» у Н.М. Карамзина. Миф развенчан, и далее писать о нем не имеет смысла. Занятно, что в том же 1803 г. И.И. Дмитриев, близкий друг Н.М. Карамзина, в мадригале к его портрету отправляет соратника в Аркадию:

Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом
Грозит тебе он пленом:
В Аркадии б он был счастливым пастушком,
В Афинах – Демосфеном¹⁵.

Вместе с тем современный немецкий исследователь Петер Тирген замечает: «После Карамзина штампованно-позитивные образы Аркадии в русской литературе XIX в. приобретают устойчивый характер»¹⁶.

Действительно молодые карамзинисты не обошли стороной Аркадию. В 12 номере «Вестника Европы» за 1808 г. была напечатана гравюра А.А. Флорова по картине Никола Пуссена «Аркадия» с объяснением. Редактор журнала В.А. Жуковский писал: «При конце книжки картинка – рисунок славной Пуссеновой *Аркадии*. Пастухи остановились у гроба; надпись: *и я жил в Аркадии*, заставила их задуматься; они размышляют о быстроте жизни и неверности счастья. (Выделено в публикации. – М. К.) Читатели вспомнят прекрасные Делилевы стихи: (Текст стиха по-французски. – М. К.) <...> Поэт распространил идею живописца, украсив ее противоположностью»¹⁷. В частности Делиль писал:

Вглядитесь: в чем секрет бессмертного Пуссена?

---

¹³ Карамзин Н.М. Протей, или Несогласия стихотворца // Н.М. Карамзин. Полное собрание стихотворений. С. 244; Аониды. 1798 – 1799. Кн. 3. С. 325.

¹⁴ Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. С. 758. Впервые опубликовано: Вестник Европы. 1802. № 13, 18; 1803. № 14.

¹⁵ Дмитриев И.И. <К портрету Н.М. Карамзина> // Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 136.

¹⁶ Тирген П. Образы Аркадии в русской литературе XVIII – XIX вв. // Имагология и компаративистика. 2015. № 2. С. 76.

¹⁷ Вестник Европы. 1808. № 12. С. 264.

Он пишет пастухов; вот праздничная сцена,
Где, взявшись за руки, кружится хоровод,
А тут же, рядом с ним, могильный холм встает.
Он, жизнь изобразив и смерть одновременно,
Напоминает вам о том, что счастье бrenно,
И вот, любуясь тем, как юность хороша,
Печалью легкою смягчается душа,
Когда читаете вы надпись, где навечно
Стоит: «И я жила в Аркадии беспечно».
О, как Пуссен был прав, когда соединил
С весельем праздников торжественность могил! ¹⁸

В 1810 г. в 14 номере «Вестника Европы», который в это время редактировали В.А. Жуковский и М.Т. Каченовский, было опубликовано стихотворение К.Н. Батюшкова «Надпись на гробе пастушки». В нем вновь обыгрывался сюжет картины Никола Пуссена:

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы резвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой;
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минутны радости вкусила:
Любовь в мечтах златых мне счастье сулила;
Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах?
Могила! ¹⁹

В 1811 г. В.А. Жуковский, влюбленный в Марию Андреевну Протасову, поселился рядом с имением Муратово, где она в это время жила. Там он написал «Оду», в которой выше Аркадии ставит Муратово село.

Аркадии ты нам милее,
В тебе и тихо, и светло,
В тебе веселье веселее,
Муратово село ²⁰.

18 апреля 1813 г. все тот же В.А. Жуковский в письме И.И. Дмитриеву, имея в виду Муратово, пишет: «...я поселился в благословенной

---

¹⁸ Делиль Ж. Сады. / Перевод И.Я. Шафаренко. Л., 1987. С. 74.

¹⁹ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 307.

²⁰ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999. Т. 1. Стихотворения 1797 – 1814 гг. С. 165.

Аркадии (Аркадиею называю милых мне людей, достойных золотого века)»²¹.

25 июня 1814 г. Д.В. Дашков из Петербурга в письме П.А. Вяземскому в Москву, выражая благодарность за посланные ранее стихи Н.М. Карамзина и самого адресата, писал далее: «...я, читая их, чувствовал, что вкус не совсем еще оставил меня в дремучем лесу здешней литературы – и я был некогда в Аркадии!»²².

В октябре 1815 г. молодые друзья Н.М. Карамзина – Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, С.П. Жихарев, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев и С.С. Уваров учреждают «Арзамасское общество безвестных людей» или сокращенно «Арзамас». Идея и имя общества принадлежали Д.Н. Блудову, душой общества был В.А. Жуковский. «Арзамас» повел борьбу с архаическими, по мнению его членов, литературными вкусами и традициями, которые отстаивали «Беседа любителей русского слова» во главе с Г.Р. Державиным и А.С. Шишковым и «Императорская Российская Академия», председателем которой с 1813 г. был все тот же А.С. Шишков.

На первом заседании общества Д.Н. Блудов прочитал написанное им «Видение в какой-то ограде». В нем описывалось, как «Общество друзей литературы, забытых Фортуною и живущих вдали от столицы, собиралось по назначенным дням в одном Арзамасском трактире». Общество их было названо «скромной академией»²³. Уже на первом заседании «Арзамаса» общество приняло название «Новый Арзамас»²⁴. Вполне понятно, что это должно было отличить «Арзамасское общество безвестных людей» собиравшееся в Петербурге от «Общества друзей литературы» собиравшихся в арзамасском трактире. В этой связи рассуждения О.А. Проскурина о «Новом Арзамасе» как «Новом Иерусалиме» можно назвать не более чем домыслами²⁵.

Ф.Ф. Вигель, один из членов «Арзамаса», вспоминал: «Благодаря неистощимым затеям Жуковского, Арзамас сделался пародией в одно время и ученых академий, и масонских лож, и тайных политических

---

²¹ Гарбер Е.В. «Памятник драгоценной дружбы»: неизвестное письмо В.А. Жуковского к И.И. Дмитриеву // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. Вып. 2. С. 367.

²² «Арзамас»: Сборник: в 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 225.

²³ «Арзамас». Кн. 1. С. 261.

²⁴ Там же. С. 267.

²⁵ См.: Проскурин О.А. Новый Арзамас – Новый Иерусалим // Новое литературное обозрение. 1996. № 9. С. 73–129.

обществ»²⁶. Другой член «Арзамаса» П.А. Вяземский писал впоследствии: «В старой Италии было множество подобных академий, шуточных, по названию и некоторым обрядам своим, но не менее того обратившихся на пользу языка и литературы»²⁷. Характерно, что 28 февраля 1816 г. близкий к арзамасцам Н.М. Карамзин писал жене (Е.А. Карамзиной) из Петербурга: «Здесь из мужчин всех любезнее для меня Арзамасцы: вот истинная Русская Академия, составленная из молодых людей умных и с талантом! Жаль, что они не в Москве или не в Арзамасе»²⁸.

Заметим, что близкий к арзамасцам М.А. Дмитриев вспоминал: «...шутливое Арзамасское общество <...> названо было Арзамасским вот по какому случаю. Воспитанник петербургской Академии Художеств, живописец Ступин, переехал на житье в Арзамас и завел там школу живописи. Я, в один проезд мой через Арзамас с моим дядею, посещал его и с ним познакомился. Молодые литераторы, которым, при всем уважении к предприятию Ступина, казалось смешным, что в Арзамасе есть школа живописи, назвали ее Арзамасскою Академиею и в подражание этому учредили в Петербурге Арзамасское ученое общество»²⁹. (Выделено в публикации. – М. К.) В 1809 г. А.В. Ступин «"яко заводитель дела еще необыкновенного", признан академиком, и школа его принята под покровительство Петербургской Академии Художеств»³⁰.

Если искать вслед за П.А. Вяземским аналогии «Арзамасу» среди шуточных и не очень итальянских академий, то первой можно назвать основанную в 1690 г. в Риме «Академию Аркадия» («Accademia dell'Arcadia»). Члены «Аркадии» называли себя «аркадскими пастухами» и принимали греческие буколические имена³¹. Пастухи «Аркадии», как писал И.Н. Голенищев-Кутузов, «провозгласили, что они призваны восстановить итальянскую поэзию, "почти совершенно разрушенную варварством последнего (то есть XVII) века, искоренить плохой

---

²⁶ Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 771.

²⁷ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: в 12 т. / Издание графа С.Д. Шереметева. СПб., 1883. Т. 8: Старая записная книжка. С. 416.

²⁸ Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. 1. СПб., 1862. С. 160.

²⁹ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии. М., 1985. С. 196.

³⁰ Врангель Н.Н. А.В. Ступин и его ученики (Арзамасская школа живописи) // Русский архив. 1906. № 3. С. 438.

³¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Поэзия итальянского барокко // Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы: Статьи и исследования. М., 1975. С. 277.

вкус и сделать так, чтобы этот вкус никогда более не возродился, преследуя его непрестанно, где бы он ни утнездился или сокрылся»³². Характерно, что в 1711 г. из «Аркадии» вышла группа поэтов и предприняла попытку создать «Новую Аркадию»³³. Отметим ещё один штрих: «В историографии, – пишет П. Епифанов, – [Академия] “Аркадия” считается организацией протомасонской направленности»³⁴.

«Арзамас» следует рассматривать и как пародию на троп «Аркадия» с его послепуссеновской двойственностью и неопределенностью. На первом же заседании общества было принято следующее решение: «По примеру всех других обществ каждому нововступающему члену *Нового Арзамаса* надлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику. Но все члены *Нового Арзамаса* бессмертны. Итак, за неимением собственных готовых покойников, *ново-арзамасцы* (в доказательство благородного своего беспристрастия и еще более в доказательство, что ненависть их не простирается за пределы гроба) положили брать напрокат покойников между халдеями Беседы и Академии, дабы им воздавать поделом их, не дожидаясь потомства»³⁵. (Выделено в публикации. – М. К.) Это прямая отсылка к сакраментальной фразе: «Et in Arcadia Ego» («И в Аркадии я (есть)») в первом и главном ее смысле – «И в Аркадии я (то есть смерть) (есть)». Вместе с тем это можно интерпретировать и как пародийное подражание роману-пасторали «Аркадия» итальянского классика конца XV – начала XVI в. Якопо Саннадзаро, в котором три эклоги из двенадцати это надгробные гимны и плачи, а тема игры занимает в романе важное место³⁶.

В протоколе заседания «Арзамаса» от 10 августа 1816 г. «Беседа» и «Академия Российская» названы – «весь пиитический ад Арзамаса»³⁷. То есть «Арзамас» в отличие от «Академии» понимался как рай, как Аркадия, в которой находятся бессмертные арзамасцы. К античной традиции Аркадии в ироническом ключе отсылает и Протокол заседания «Арзамаса» 24 февраля 1817 г., в котором говорилось: «...должно было

---

³² Голенищев-Кутузов И.Н. Литературные теории Италии XVII – XIX веков // Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы. С. 352.

³³ См.: Белоусова А. Антиох Кантемир и итальянская академия Аркадия // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2008. Вып. 19. С. 24–27.

³⁴ Епифанов П. Якопо Саннадзаро и его Аркадия // Саннадзаро Якопо. Аркадия / Пер. с итал. Петра Епифанова. СПб., 2017. С. 76. Примечание.

³⁵ «Арзамас». Кн. 1. С. 267–268. Протокол организационного заседания 14 октября 1815 г.

³⁶ Епифанов П. Якопо Саннадзаро и его Аркадия. С. 82–83.

³⁷ «Арзамас». Кн. 1. С. 369. Протокол заседания 10 августа 1816 г.

открыться заседанию. Оно открылось в некоей храмине или, паче, в некоем шкапе, принадлежащем секретарю Кассандре (Д.Н. Блудову. – М. К.). В оном шкапе воссели превосходительные члены: вокруг них блистали на возвышениях истуканы первобытного арзамасца Аполлона и других арзамасцев древнего мира, а под ногами их лежали поверженные болваны Беседы и Академии и прочих скопищ халдейских»³⁸.

22 апреля 1817 г. на заседании «Арзамаса» Н.И. Тургенев произнес речь по случаю отъезда Д.В. Дашкова, в которой осмеянию подверглась Академия художеств и ее новый президент А.Н. Оленин. В речи говорилось: «Мертвецы потащились в скопище халдейское, которое, назло рассудку и справедливости, неверные называют Академиею, и притом еще Российскойю. Мертвецы вошли в погреб их присутствия; <...> [Затем] Общество, разделившись на Разряды, поплелось в другую Академию. Для приема их и для торжества она была иллюминирована. Это не понравилось новому президенту. – “Свет, – сказал он по пришествии в Академию, – свет всегда был и будет противен глазам и умам нашим. Мрак, друзья, вечный мрак есть и должен быть нам уделом. Свет для Арзамаса, мрак для Беседы, и с сего времени для обеих Академий. Да будет тьма!”»³⁹.

27 августа 1817 г. в честь вступления в «Арзамас» К.Н. Батюшкова Д.Н. Блудов произнес речь, в которой сказал: «Беседа углубилась в могилу свою⁴⁰, потряслись развалины Академии...»⁴¹.

Есть и прямые указания на восприятие «Арзамаса» его членами как Аркадии. В 1817 г. С.С. Уваров и К.Н. Батюшков написали для планируемого арзамасского журнала статью «О греческой антологии». Эпиграфом к статье они поставили латинские слова из «Буколик» Вергилия «Arcades ambo...»⁴², что в переводе означает: «Дети Аркадии оба...» (лат.; Вергилий. Буколики, VII, 4)⁴³.

---

³⁸ «Арзамас». Кн. 1. С. 387. Протокол заседания 24 февраля 1817 г.

³⁹ Там же. С. 414.

⁴⁰ После смерти в июле 1816 г. Г.Р. Державина «Беседа любителей русского слова» распалась.

⁴¹ «Арзамас». Кн. 1. С. 431.

⁴² Там же. Кн. 2. С. 100.

⁴³ Ср.: В романе-пасторали классика итальянской литературы XVI века Якопо Саннадзаро «Аркадия» говорится о двух юных пастухах: «...Эльпино был козопасом, а Лоджисто сторожем рунных овечек; у обоих волосы светлее спелых колосьев, оба родом из Аркадии и с равным искусством готовы как запевать, так и отвечать на песню песней». – (Саннадзаро Я. Аркадия / Пер. с итал., статья, и коммент. А. Триандафилиди. М., 2017. С. 76.) Характерно, что имя Лоджисто на

В июне 1817 г. в «Арзамас» вступил юный А.С. Пушкин. Сохранился в записи отрывок его стихотворной речи, в которой был такой стих:

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых Муз, о дивный Арзамас!⁴⁴

То есть Пушкин воспринимал «Арзамас» как чудесный, божественный, как аркадский рай, хотя и в несколько ироническом ключе.

П. Тирген, исследовавший образы Аркадии в русской литературе, пришел к выводу, что «язык формул» «семантической и образной концептосферы понятия “Аркадия” <...> сами эти формулы становятся объектом иронической или фривольной интерпретации», а «аркадские штампы и иеремиады по поводу тленности всего земного исправно служили мишенью пародийно-сатирических выпадов»⁴⁵.

В этом ключе и следует рассматривать «Арзамас». «Арзамас» – это романтическая пародия на троп «Аркадия». В дискурсе «Арзамаса» романтическая ирония сочетается с гротеском в пародировании идиллических пасторалей Аркадии. В частности пародируется буколическая сентиментальность как один из смыслов тропа «Аркадия» и одновременно пародируется манерная чувствительность столь характерная для сентиментализма.

Отпевание живых покойников «Беседы» бессмертными арзамасцами – это двойная (зеркальная) пародия на барочный мотив непрочности бытия, быстротечности жизни, конечности всего земного, характерный для тропа «Аркадия», то есть пародия на сам троп «Аркадия».

«И я была в Аркадии» – сама смерть это говорит живым аркадским пастухам. Мы бессмертны – говорят самой смерти в лице «живых покойников» «Беседы» и «Академии» арзамасские пастухи. «Беседа» и «Академия» – это прошлое, поэтому их члены – живые покойники, которых бессмертные арзамасцы отпевали и хоронили на своих заседаниях.

Если элегическое понимание надписи «Et in Arcadia ego» относит в прошлое – «И я в Аркадии был», то романтическое понимание вновь возвращает нас в настоящее и проецируется в будущее. «И в Аркадии

древнегреческом означает «красноречивый», «способный убеждать», а имя Эльпино – «надежда». – (Саннадзаро Я. Аркадия. С. 262. Комментарий А. Триандафилиди; Саннадзаро Я. Аркадия / Пер. с итал. П. Епифанова. СПб., 2017. С. 267. Примечание.) В этом случае для посвященных С.С. Уваров – это Лоджисто, а К.Н. Батюшков – Эльпино. И оба из Аркадии «Арзамаса».

⁴⁴ Арзамас. Кн. 1. С. 437.

⁴⁵ Тирген П. Образы Аркадии в русской литературе XVIII – XIX вв. С. 79, 84–85.

есть я (смерть»). Ирония и гротеск «бессмертных» арзамасцев относит это насчет живых покойников «Беседы» и «Академии». Сами покойники «Беседы» и «Академии», виртуально находясь в «Аркадии», то есть в «Арзамасе», символизируют смерть прошлого, которое достойно только осмеяния.

Пародия на священное и серьезное адекватно воспринимается как пародия только тогда, когда это священное и серьезное существует. Поэтому романтическая ирония была возможна лишь при условии существования классицистической и сентименталистской серьезности. Новая серьезность отменила не только старую серьезность, но отменила одновременно и ее визави – романтическую иронию.

В 1830-х – 1840-х гг. на смену романтическому мировосприятию и соответственно романтической иронии приходит новая серьезность – позитивизм или, как его называли в России, реализм (критический реализм). Метафизику сменяет «положительная наука». Утрачивается и романтическая ирония в восприятии тропа «Аркадия».

В 1828 г. А.А. Дельвиг пишет идиллию «Конец золотого века»⁴⁶. В первой строке Путешественник восклицает: «Нет, не в Аркадии я!..». Самоубийство пастушки Амарииллы, коварно обманутой юным, но женатым Мелетием, по мысли автора, символизирует конец «золотого века». Но одновременно это и конец его символа – «Аркадии». В конце стихотворения Пастух восклицает:

Бедная наша Аркадия! Ты ли тогда изменилась,
Наши ль глаза, в первый раз увидавшие близко несчастье,
Мрачным туманом подернулись? Вечно зеленые сени,
Воды кристальные, все красоты твои страшно поблекли.

И действительно троп «Аркадия» в русском общественном сознании меркнет с наступлением железного века пара, наживы и реализма.

В 1829 – 1830 гг. Н.А. Полевой публикует в «Московском Телеграфе» цикл пародий под общим заглавием «Поэтическая чепуха, или Отрывки из нового альманаха “Литературное зеркало”». В пародии на романтическую в шиллеровских тонах трагедию «Сцены из трагедии “Стенька Разин”» Н.А. Полевой, соединяя несоединимое, описывает беседу двух казаков-разинцев. Мизансцена: «Берег Волги; вдали видна Астрахань. Два казака: один стоит с пикой, другой лежит подле дерева; подле него бутылка шампанского и два бокала». Первый казак, стоящий с пикой говорит молодому товарищу:

---

⁴⁶ Дельвиг А.А. Конец золотого века (Идиллия) // Дельвиг А.А. Сочинения: Стихотворения; Статьи; Письма. Л., 1986. С. 72–77.

О юноша! на розовых ланитах
Твоих написано: *Надежда!* У меня
Морщинами страстей изобразилось
Ужасное: *Всё суета!* Поверь –
И я в Аркадии родился, и мою
Качали колыбель мечты о счастье,
И гордые посулы диких дум...
Но – всё прошло⁴⁷... (Выделено в публикации. – М. К.)

В этой смеси «французского с нижегородским» в волжской перспективе в виду Астрахани «Аркадия» уже полностью растворяется.

В 1832 г. в «Телескопе» Н.И. Надеждин опубликовал обзор современной русской литературы. «Сантиментальная повесть» изображающая «жизнь как отголосок чувствований...», по мнению автора, утратила свое значение, так как «...жизнь человеческая не есть идиллия, что блаженная Аркадия любви, с своими нежными мечтами, страданиями и наслаждениями, есть анахронизм в настоящем возрасте человеческой жизни»⁴⁸.

Теряя в оптике позитивизма виртуальную связь с новой реальностью, «Аркадия» надолго уходит в далекую ретроспективу, а идиллическая аркадская пастораль воспринимается как наивность, граничащая с глупостью. Заметим, однако, что в Древней Греции именно так и воспринимали жителей Аркадии. Древнегреческий писатель II – III вв. Флавий Филострат Старший в «Жизни Аполлония Тианского» писал: «Аркадяне – из неучей неучи и во всем прямые свиньи, так что не зря кормятся они желудями». И, как заметила Е.Г. Рабинович, устойчивое сочетание типа «аркадский парень» означало «дурак»⁴⁹. В рассказе А.О. Новодворского (А. Осиповича) «Роман», опубликованного в 1881 г. в «Отечественных записках», героиня, от лица которой ведется повествование, описывает разговор с одним из молодых людей: «Я как-то спросила, что значит “экспроприация” и “дивиденд”. Он объяснил и назвал меня Аркадией. “Самых, говорит, современных слов не знаете”. Это хорошо. Аркадия так Аркадия! Лучше, чтоб он имел обо мне настоящее представление»⁵⁰.

---

⁴⁷ Демишиллеров Ф. (Полевой Н.А.). Сцены из трагедии «Стенька Разин» // Русская стихотворная пародия. (XVIII – начало XX в.). Л., 1960. С. 339–340.

⁴⁸ Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 322–323.

⁴⁹ Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С. 183, 303.

⁵⁰ Новодворский А.О. (Осипович А.) Роман. (Рассказ) // Новодворский А.О. (Осипович А.) Эпизод из жизни ни павы, ни вороны. СПб., 2005. С. 334.

В 1878 г. П.А. Вяземский в автобиографическом введении к собранию своих сочинений без тени иронии упоминает «Аркадию»: «На моем долгом веку, – пишет последний арзамасец, – всего было довольно. И я жил в счастливой Аркадии...»⁵¹. Перед этим он вспоминает Н.М. Карамзина, время «Арзамаса» и своих друзей арзамасцев. Нельзя не почувствовать, что в этой биографической ретроспективе «Арзамас» для П.А. Вяземского превращается в элегическую Аркадию его молодости. Круг замкнулся.

---

⁵¹ Вяземский П.А. Автобиографическое введение // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1878. Т. 1. С. XLV.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК [94+338.2](47+57) | 1921/1924 | +929Коковцев

«ПРОИСХОДИТ ЛИ ЭВОЛЮЦИЯ БОЛЬШЕВИЗМА?»: ГРАФ В.Н. КОКОВЦОВ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.В. Зайцев¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена одной из публицистических работ графа В. Н. Коковцова, созданной им в эмиграции. Раскрываются обстоятельства и мотивы написания этого текста, выявляются использованные автором источники информации, дается краткая характеристика взглядов бывшего министра финансов России на экономический и политический смысл НЭПа.*

Ключевые слова: История Советской России, история русской эмиграции, финансово-экономическая политика большевиков, НЭП, В.Н. Коковцов.

“IS THE EVOLUTION OF BOLSHEVISM TAKING PLACE?”: COUNT V.N. KOKOVTSOV ON THE NEW ECONOMIC POLICY

M.V. Zaitsev

(Saratov, Russia)
e-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Annotation. *The article is devoted to one of the journalistic works of Count V.N. Kokovtsov, created by him in exile. The circumstances and motives for writing this text are revealed, the sources of information used by the author are identified, and a brief description of the views of the former Russian Minister of Finance on the economic and political meaning of the NEP is given.*

Key words: History of Soviet Russia, history of Russian emigration, financial and economic policy of the Bolsheviks, NEP, V.N. Kokovtsov.

Биография выдающегося государственного и общественного деятеля В.Н. Коковцова (1853–1943) изучена неравномерно: если ее дореволюционная часть уже давно привлекает внимание многих специалистов, то эмигрантский период гораздо менее освещен. Наиболее значительные попытки дать общую характеристику деятельности графа за

---

¹ Зайцев Максим Вячеславович (Саратов), к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

рубежом предприняты в трудах Е.А. Соколовой² и М.В. Ковалева³, но и в них многие аспекты указанного жизненного этапа намечены лишь схематически. Так, например, до сих пор подробно не исследованы публицистические работы Владимира Николаевича, посвященные экономическому развитию Советской России 1920–1930-х гг.

Покинув родину 4 ноября 1918 г., Коковцов поселился в Париже и сразу же окунулся в политическую деятельность, направленную на консолидацию антибольшевистских сил русской эмиграции и поиск поддержки других стран в борьбе против установившегося в России режима. Однако усилия в этом направлении не дали серьезных результатов, поэтому к началу 1920-х гг. он постепенно переключился на общественную сферу и сделался членом нескольких организаций, оказывающих помощь таким же как он вынужденным переселенцам. Противостояние с советской властью теперь выражалось для него в написании текстов, посвященных социально-экономическим проблемам, порожденным сменой российской государственной системы. С 1923 г. он публиковал эти тексты в крупном литературно-публицистическом журнале либеральной направленности «Revue Des Deux Mondes» («Обзор двух миров»). Зачастую эти же статьи параллельно издавались еще и отдельными оттисками в виде брошюр. Позднее на основе работ, опубликованных в журнале с 1928 по 1930 г., автор создал книгу «Большевизм в действии: моральная и экономическая разруха в стране Советов». Эта монография, увидевшая свет в 1931 г. на французском языке⁴, подводит общий итог его анализу ситуации, сложившейся в России к началу форсированной индустриализации и коллективизации. Совсем недавно книга была переведена на русский язык и издана в нашей стране⁵.

Из ранних же текстов к настоящему моменту полностью переведен на русский язык только один – английская брошюра, повторяющая содержание самой первой статьи в «Revue Des Deux Mondes», под названием «Пять лет большевистской диктатуры: экономический обзор»⁶. В

---

² Соколова Е.А. Эволюция общественно-политических взглядов В.Н. Коковцова (1866–1943 гг.). Воронеж, 2009. С. 136–178.

³ Ковалев М.В. Граф Владимир Николаевич Коковцов в эмиграции (по новым архивным материалам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 8. С. 151–169.

⁴ Kokovtsoff W. Le bolchevisme à l'oeuvre: la ruine morale et économique dans le pays des soviets. Paris: M. Giard, 1931. 378 p.

⁵ Коковцов В.Н. Большевизм в действии. Моральные и экономические руины в Стране Советов. Нижний Новгород, 2023. 446 с.

⁶ Kokovtsoff W. Cinq ans de dictature bolchevique. Le bilan économique // Revue Des Deux Mondes. 1923. Vol. 14. P. 118–147.

ней автор описывает экономические последствия политики военного коммунизма и первые результаты введенного незадолго до того НЭПа, заканчивая свой обзор заявлением, что возможность экономического восстановления России появится только с ликвидацией советского режима⁷.

Интерес Коковцова к подобной теме отнюдь не случаен. В годы Гражданской войны и после ее завершения политически активная часть русской эмиграции внимательно следила за социально-экономическими мероприятиями советской власти, пытаясь оценить степень ее устойчивости и перспективы борьбы с нею. Объявление НЭПа в марте 1921 г. вызвало в эмигрантских кругах дискуссии о сущности происходящих изменений, которые тщательно проанализированы в диссертационной работе А.В. Урядовой⁸. Автор пришла к выводу, что среди зарубежной части российской интеллигенции сложились три основные точки зрения на указанный вопрос. Сторонники первой считали НЭП эволюцией большевиков, осознанно избравших его «в качестве долгосрочной стратегии, которая, в конечном счете, вернет Россию на путь буржуазной демократии». Вторые видели в нем временную тактическую уступку «с целью восстановления сил для мировой революции и противостояния буржуазным государствам, которая закончится возвратом к строительству социализма и коммунизма». По мнению третьих НЭП явился отражением противостояния в самой партии, «от результата которого зависит и дальнейшее развитие России по тому или иному пути»⁹.

Примечательно, что в этом весьма солидном и обстоятельном исследовании не были использованы тексты Коковцова (возможно, как раз потому, что они опубликованы на французском языке и на русский до последнего времени целиком не переводились). Единственной попыткой представить и ввести в научный оборот его взгляды на НЭП являются две небольшие публикации Е.А. Соколовой в соавторстве с

---

⁷ См.: Брошюра «Пять лет большевистской диктатуры: экономический обзор», опубликованная в 1923 г. // *Зайцев М.В., Ковалев М.В.* Государственная и общественная деятельность В. Н. Коковцова. Документальная монография. СПб., 2022. С. 317–342.

⁸ *Урядова А.В.* Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Советской России в 1920-е гг.: восприятие и реакция русской эмиграции. Дисс. ... док. ист. наук. Ярославль, 2011. С. 158–176.

⁹ *Урядова А.В.* Указ. соч. С. 174–175.

А.Н. Плешаковым¹⁰ и И.С. Алексеевой¹¹, построенные на кратком пересказе главных, с точки зрения авторов, выводов брошюры «Sixième année de dictature bolchevique» (Paris, 1924). Причем, по какой-то причине эта брошюра именуется сборником, а о том, что она является отрывком статьи, опубликованной в «Revue Des Deux Mondes» не упоминается, как и о вышедших в 1923 г. статьях «Cinq ans de dictature bolchevique. Le bilan économique» и «Y a-t-il une évolution du bolchevisme?». Безусловно, анализ каждой из работ Коковцова нужно осуществлять более внимательно, вдумчиво и в связи с его предыдущими и последующими публикациями на эту тему. А начать стоит с полного перевода каждого из текстов.

Предлагаемый читателю текст является переводом второй статьи Коковцова из цикла его публикаций о процессах, протекавших тогда в экономической и политической сферах советского государства. Работа «Происходит ли эволюция большевизма?» вышла в июльском номере «Revue Des Deux Mondes» от 1923 г.¹² и, как отмечено выше, является логическим продолжением статьи «Пять лет большевистской диктатуры: экономический обзор». Если первый опус был посвящен в основном анализу политики военного коммунизма и тем изменениям, которые санкционировал X съезд РКП (б), то стержневым моментом второй статьи стал разбор внутрипартийных дискуссий вокруг НЭПа накануне состоявшегося 17–25 апреля 1923 г. XII съезда партии, а также идей, озвученных партийными лидерами непосредственно на съезде.

Информацию автор получал в основном из советских источников: материалов съезда, статей советской печати, издаваемых в СССР статистических сборников и т. п. Несмотря на их официозность и «дистиллированный характер», они не способны были скрыть два основных факта – острый кризис, в котором все еще находилась советская экономика, и ожесточенные внутрипартийные противоречия по вопросу о дальнейшем пути развития социалистического хозяйства и тесно связанной с ним политической системы. Коковцов, возможно, как никто другой понимал всю сложность государственного регулирования экономических процессов в России. Рассмотрев доступные ему данные, он

---

¹⁰ Соколова Е.А., Плешаков А.Н. Новая экономическая политика большевиков в оценке представителя русской эмиграции В. Н. Коковцова // Исторические науки. 2010. № 5. С. 61–64.

¹¹ Соколова Е.А., Алексеева И.С. Советская промышленность в оценке представителя русской эмиграции В. Н. Коковцова // Вопросы гуманитарных наук. 2010. № 5 (49). С. 26–28.

¹² Kokovtsoff W. Y a-t-il une évolution du bolchevisme? // Revue Des Deux Mondes. 1923. Vol. 16. P. 381–400.

занял среднюю позицию между второй и третьей группами эмигрантских аналитиков (согласно приведенной выше классификации А.В. Урядовой). В самом НЭПе и в решениях XII съезда партии, внесших в него лишь локальные коррективы, он видел только временное тактическое отступление большевиков, не желавших отказываться от главных постулатов коммунистической теории, а еще более – от политической власти. Довольно точно им описан существовавший тогда расклад сил внутри партии (раскол в которой усугубили болезнь и отход от дел В.И. Ленина), разделившейся на центр, левую оппозицию и правое крыло. Правда оценка перспектив дальнейшего как экономического, так и политического развития Советской России оказалась неточной. Коковцов прогнозировал полный крах социалистической системы в ближайшем будущем. Ему, пользовавшимся только открытыми источниками, трудно было даже представить в момент написания статьи, как именно разрешится внутрипартийное противостояние в середине 1920-х гг. и какими мерами руководство страны станет добиваться реализации коммунистических идей после свертывания НЭПа. Тем не менее, его работа позволяет лучше понять настроения, царившие в среде русской эмиграции на момент ее публикации.

Перевод с французского, комментарии и предисловие выполнены М.В. Зайцевым.

Происходит ли эволюция большевизма?¹³

XII съезд, который Российская коммунистическая партия только что провела в Москве, был в значительной степени посвящен рассмотрению серьезного вопроса об отношении советской власти к крестьянам. Зиновьев¹⁴ в своей вступительной речи, Троцкий¹⁵ в своем докладе о промышленном положении республики громко провозгласили «союз рабочих и крестьян, доверие крестьян к рабочим» одной из основ

---

¹³ При написании этого исследования мы использовали протоколы XII съезда Российской коммунистической партии и доклады, представленные по этому вопросу в Комитет русских банков в Париже. См. также статью профессора Михельсона в № 16 русского обозрения «Современных записок», статью М.П. Апостола в «Журнале экономистов» от 15 июня 1923 г. и др. (*Прим. автора*).

¹⁴ Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – советский партийный и государственный деятель. В 1923 г. член Политбюро ЦК партии. На XII съезде выступил с политическим отчетом ЦК.

¹⁵ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – советский партийный и государственный деятель. В 1923 г. член Политбюро ЦК партии. На XII съезде выступил с докладом о состоянии промышленности.

диктатуры пролетариата на текущий переходный период. В настоящее время крестьянский вопрос в Советской России переживает острый кризис, грозящий полным экономическим разрывом между городом и деревней. Таким образом, Советская Россия оказалась в том же ужасном положении, в котором Ленин в середине 1921 г., перед лицом прискорбного краха целостного коммунизма¹⁶, провозгласил пресловутый «НЭП» или «Новую экономическую политику».

Кризис 1921 г. явился главным образом результатом противодействия крестьян той политике, которую советское правительство пыталось проводить по отношению к ним. На реквизиции сельскохозяйственных продуктов крестьяне отвечали восстаниями и забастовками, сводя сев строго к нуждам семейного потребления. Это противодействие привело к капитуляции советской власти перед крестьянами, к вынужденному отказу от всей политики, проводившейся прежде большевистским правительством по отношению к крестьянскому классу. Ленин откровенно признал это в своей речи в марте 1921 г., которой он положил начало НЭПу.

Замена реквизиций продналогом и частичная свобода внутренней торговли, эти два существенных элемента новой экономической политики, явились тем предохранительным клапаном, который на время укрыл советскую власть от народного гнева. Но этот предохранительный клапан давал советской власти лишь временную и очень недолгую передышку. Не прошло и двух лет после провозглашения НЭПа, как советская власть оказывается перед необходимостью констатировать грозные признаки растущего недовольства всего населения Советской России и особенно деревни. В чем причины такого бурного роста недовольства крестьян? Особо отметим две, первая из которых – катастрофическое падение цен на хлеб. Обесценивание зерновых проявлялось двояко:

1) *Цены на зерновые, выраженные в валюте, демонстрируют очень резкое падение по сравнению с прошлогодними. В пересчете на золото, эти цены в среднем даже заметно ниже довоенных, по сравнению с которыми они упали в пропорции 3 к 1¹⁷.*

2) *Снижение цен на зерновые будет выглядеть еще более значительным, если выразить их в пересчете на промышленную продукцию. Нужно иметь в виду, что зерно и сельскохозяйственная продукция котируются по*

---

¹⁶ В тексте – *communisme intégral*. Очевидно, имеется в виду политика военного коммунизма.

¹⁷ Здесь и далее текст выделен курсивом в оригинале.

ставке, непропорционально высокой по сравнению с ценами на промышленные товары.

Таким образом, исходя из цены на хлеб в Москве (наиболее благоприятный пример для сравнения, так как цена на рожь в Москве в три раза выше, чем на юге, и в два с лишним раза выше, чем в восточных губерниях), мы приходим к следующим цифрам¹⁸.

Средняя цена в 1913 г. и положение на 1 января 1923 г.

Фунтов ржаной муки	
1913.....	1923
Соль, за фунт	0,33.....1,76
Сахар, то же	4,33.....22,79
Мыло, то же	5,00.....10,00
Спички, за коробок	0,33.....0,81
Хлопчатобумажная ткань с набивным рисунком, за аршин	4,33.....16,17
Обувь, за пару.....	283,00.....661,76

Таким образом, мы наблюдаем, что даже там, где соотношение цен наиболее благоприятно для сельскохозяйственных продуктов, падение покупательной способности муки достигает 250–500 % по сравнению с 1913 г. В других регионах покупательная способность хлеба показывает разницу в 1.000–1.200 % по сравнению с довоенным периодом.

Автор статьи «Насущные проблемы восстановления сельского хозяйства» («Правда»¹⁹, № 88), приводя эти цифры, заключает, что «при нынешних ценах совершенно невыгодно даже на юге, главном районе выращивания зерновых, производить больше, чем необходимо для непосредственных нужд самих производителей, ибо в противном случае расходы значительно превышают доходы». И прибавляет: «Пуд пшеницы стоит 25 копеек золотом, а цены на машины, инструменты и т. п. возросли втрое, поэтому о возможности восстановить экономическое положение этого края и думать не приходится».

Заметим таким образом, что если во время продовольственных реквизиций сокращение посевных площадей строго до нужд

¹⁸ Данные опубликованы в Статистическом бюллетене Наркомфина, № 1 (Прим. автора).

¹⁹ «Правда» – газета, являвшаяся основным печатным органом ВКП (б).

производителей было результатом аграрной политики советской власти, то теперь дело обстоит почти так же: вызванное НЭПом и заменой продразверстки продналогом обесценивание хлеба привело, в конце концов, к дальнейшему сокращению посевных площадей у крестьян.

Такова первая и главная причина нынешнего недовольства крестьянских масс.

Вторая причина этого недовольства вызвана финансовой политикой советской власти, стремящейся возложить на плечи крестьян всю тяжесть советских бюджетов, будь то государственный или местные. Как справедливо замечает профессор Михельсон²⁰, мужик в настоящее время является фактически единственным налогоплательщиком в Советской республике. Налоги, уплачиваемые индустрией, работающей в убыток, не могут считаться реальными поступлениями. В самом деле, то, что государство взимает с промышленности в виде налогов, значительно ниже того, что оно обязано предоставить этой же промышленности либо напрямую в виде субсидий, либо косвенно в виде открытия кредитов Государственным банком, либо, наконец, в форме разбазаривания промышленностью оборотного капитала, предоставленного государством. Являясь единственным реальным налогоплательщиком, мужик не довольствуется тем, что в одиночку оплачивает все услуги республиканского и местного советского аппарата; он же несет все расходы по содержанию государственной промышленности, транспорта и внешней торговли. По остроумному выражению одного коммуниста, эти три отрасли народного хозяйства теперь являются «содержанками государства», тогда как до их национализации они были источниками очень больших доходов. И всегда все тот же русский мужик покрывает расходы Третьего интернационала²¹ и все безумные и бесполезные расходы советской власти на содержание своих многочисленных агитаторов, которым поручено организовать мировую революцию.

Если для советского бюджета он является главным или единственным налогоплательщиком, то из расходной его части крестьянин, напротив, получает лишь скудные крохи. Так, по проекту советского

---

²⁰ Михельсон Александр Михайлович (1883–1976) – профессор-экономист, специалист по финансовому праву. Преподавал в Парижском университете и в Коммерческом институте в Париже. Экономический обозреватель эмигрантской газеты «Последние новости», член-корреспондент Французской академии наук.

²¹ Третий интернационал (Коммунистический интернационал) – международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919–1943 гг., главной целью которой являлось установление советской власти во всех странах мира.

бюджета на 1922–1923 гг., кредиты сельскому хозяйству составляли только 5 %, в то время как статьи транспорта и промышленности поглощали почти 30 %.

Если верно, что *в абсолютных цифрах* русский крестьянин в настоящее время платит меньше налогов, чем до большевистского переворота, то нужно ясно понимать, что, принимая во внимание падение сельскохозяйственного производства, – доходящего до 60 процентов, по данным Центрального статистического управления, – *в относительных цифрах* бремя налогов, лежащих на крестьянина, в настоящее время *гораздо выше, чем было до войны*. Не следует забывать, с другой стороны, что эмиссия бумажных денег, практикуемая советской властью в невиданных доселе размерах, есть не что иное, как новый налог. И этот налог ложится прежде всего на крестьянскую массу, вынужденную реализовывать на рынке излишек своего хлебного производства.

Для полноты картины уместно напомнить о большом разнообразии налогов, падающих на крестьян (около 20 различных налогов), о произволе их распределения и прежде всего о чрезмерно жестоких методах сбора. Укажем по этому поводу, что планируемое в настоящее время советской властью превращение части натуральных налогов в денежные будет равносильно в современных условиях увеличению нагрузки на крестьян. Отсюда дальнейшее ухудшение экономического положения последних.

Такое положение вещей признано самой советской властью. Так, в основной статье официального органа Советов «Экономическая жизнь»²² (№ 82), относящейся к открытию XII съезда Российской коммунистической партии, мы можем прочесть:

«В настоящее время с достаточной ясностью выявились болевые точки, существующие в отношениях между рабочим классом и крестьянством. Это, прежде всего, *несоответствие цен* на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, а затем *политика правительства в отношении налогов*».

Вспомним весьма характерный факт: почти все крестьянские конференции, собиравшиеся в большом количестве последние месяцы, задавали перед обсуждением повестки дня следующий вопрос: «Почему аршин²³ хлопчатобумажной ткани стоит сейчас почти 40 фунтов муки, тогда как до войны он стоил всего 4–6 фунтов?».

---

²² «Экономическая жизнь» – газета, являвшаяся в 1922–1931 гг. органом Совета труда и обороны РСФСР–СССР.

²³ 70 сантиметров (Прим. автора).

И статья в «Экономической жизни» прямо добавляет: «Теперь дело идет о том, чтобы самым внимательным образом проанализировать наши отношения с крестьянами, установить болевые точки этих отношений, и указать практические пути их оздоровления. Малейший просчет в этой жизненно важной области может привести к катастрофическим последствиям, подобным, например, тому, что имело место в начале 1921 г. (крестьянские волнения и Кронштадтское восстание²⁴)».

***

Для преодоления глубокого кризиса, который существует в настоящее время в Советской России и который партийные экономисты объясняют отсутствием координации между городом и деревней, советская власть имеет в своем распоряжении только одно средство: то, которое она уже однажды использовала в сходных обстоятельствах и которое позволило ей тогда отвести от себя недовольство крестьянских масс. В марте 1921 г. этот предохранительный клапан окрестили «Новой экономической политикой»²⁵. Чтобы добиться того же результата, нужно было бы теперь провозгласить «совершенно новую экономическую политику», т. е. осуществить новый откат на всем хозяйственном фронте. На чем должна основываться эта «совершенно новая экономическая политика»? По мнению советских экономистов, чтобы удовлетворить хотя бы на время недовольных крестьян, необходимы меры двух категорий. С одной стороны, надо было бы поднять цены на хлеб или, что то же самое, понизить цены на необходимые крестьянам промышленные продукты. С другой стороны, необходимо облегчить бремя налогов, отягощающих крестьянское население, что станет возможным только тогда, когда государственная промышленность, транспорт и внешняя торговля начнут давать прибыль вместо дефицита, который они создают сейчас в советских бюджетах. Другими словами, и в первой, и во второй из этих задач советская власть упирается в вопрос величайшей важности, а именно – в вопрос о восстановлении промышленности и транспорта в Советской России. Это значит, что удовлетворение требований крестьян и ослабление их недовольства зависят от воссоздания промышленности и транспорта.

---

²⁴ Кронштадтское восстание – вооруженное выступление в марте 1921 г. гарнизона крепости Кронштадт, экипажей кораблей Балтийского флота и жителей города против диктатуры большевиков и политики военного коммунизма.

²⁵ В тексте – «La nouvelle économie politique» («Новая политическая экономия»).

Особенно ясно это положение было проанализировано в докладе Троцкого о советской промышленности, представленном на XII съезде Российской коммунистической партии.

В своем докладе Троцкий задает следующий вопрос: «Почему наши промышленные товары так дороги, почему их цены в четыре раза выше довоенных?». В ответ на этот вопрос он приводит то, что сам называет язвами промышленности и транспорта при советском режиме:

1) *Наша промышленность работает не на полную мощность.* В то время как ее оснащение рассчитано на эффективность в 100 %, мы получаем только 17 или максимум 20 %.

2) *Накладные расходы советской промышленности огромны и совершенно не соответствуют тем, которые были до войны.* Обилие этих накладных расходов приводит к исчезновению необходимости в экономии; управление становится расточительным, а чувство ответственности коммунистического собственника все более и более ослабевает.

3) *Бухгалтерия отсутствует.* «То, что у нас нет бухгалтерской отчетности, – заявляет Троцкий, – это просто провоцирование воровства и школа деморализации коммунистических управленцев. Долг партии – выковать надежное оружие, чтобы заставить всех вести надлежащий учет».

4) *Отпускные цены на промышленные товары устанавливаются без каких-либо правил, хотя бы элементарных, для определения себестоимости.* «Согласно выводам Рабоче-крестьянской инспекции²⁶, – утверждает Троцкий, комментируя этот последний пункт, – около 80 % наших оценок себестоимости произвольны, а остальные 20 % ничего не стоят. Некий трест заявляет о прибыли в 4 триллиона, в то время как Рабоче-крестьянская инспекция показывает, что у этого же треста дефицит в 750.000 рублей золотом».

В качестве примера Троцкий приводит хлопчатобумажную и шерстяную отрасли текстильной промышленности. «Никто не отрицает, – говорит он, – что и та и другая потерпели полное фиаско. Они вводили в оборот свое сырье, хлопок и шерсть, по фиктивным ценам. Возьмем, к примеру, трест, производивший драп. В 1913 г. сырье составляло 70 % от себестоимости куска или аршина сукна. В январе 1922 г. сырье составляло только 26 %, в апреле – 36 %, в июле – 27 % и т. д. Что это значит? Это означает следующее: тресту нужны оборотные средства; рынок не

---

²⁶ Рабоче-крестьянская инспекция – система органов власти, занимавшаяся вопросами государственного контроля. В 1920–1934 гг. существовал народный комиссариат РКИ, действовавший с 1923 г. совместно с Центральной контрольной комиссией ВКП (б) как единый советско-партийный орган.

потребляет драп. Однако для получения денег необходимо продавать, а продавать ниже себестоимости неудобно. Именно тогда мы прибегаем к ухищрениям оценки и можем установить себестоимость сырья по фиктивной норме. В результате продажа драпа ниже себестоимости маскируется с помощью фиктивной оценки. Тот же принцип ложной оценки себестоимости мы находим и в нефтяном тресте, который также продает свою продукцию значительно ниже себестоимости».

5) *Вся нынешняя организация промышленных трестов никуда не годится, ибо они столь же бюрократизированы, столь же бессмысленны в коммерческом отношении, как и прежние центральные органы, существовавшие до НЭПа. Следует добавить, что руководители предприятий плохо подобраны, не знают своего дела и среди них есть некоторые элементы более чем сомнительной нравственности, и т. д. ...*

«В силу указанных и некоторых других причин цены на нашу промышленную продукцию в среднем в два-три раза превышают довоенные, и, несмотря на это повышение, наша промышленность в настоящее время работает в убыток. В целом, – продолжает Троцкий, – наша промышленность в прошлом году принесла убыток. Государственная промышленность работала себе в убыток, вот в чем дело. Если мы возьмем в соответствии с принципами бухгалтерского учета все активы, которыми государство располагало год назад, и активы, которыми оно владеет сегодня, то получится, что сегодня мы беднее, чем год назад».

Далее он говорит: «Легкая и тяжелая промышленность в целом кормилась из средств бюджета, который, в свою очередь, кормился главным образом за счет крестьян».

Троцкий заканчивает свой доклад следующими отчаянными строками: *«Мы должны сказать, что в нашем нынешнем экономическом положении мы не в силах заставить функционировать промышленный аппарат и поддерживать трудящихся с помощью этого механизма, который работает на холостом ходу. Лучше прийти на помощь безработным непосредственно, чем поддерживать их нынешним способом, т. е. через поддержку нашей промышленности».*

Таковы выводы Троцкого; из них мы выделяем главное: *советская промышленность снабжалась из средств бюджета, который, в свою очередь, снабжается главным образом крестьянами.*

Споры, развернувшиеся по поводу его доклада, только подчеркнули и усугубили пессимистический характер его выводов о положении советской промышленности.

В то время как государственная промышленность, таким образом, в Советской России медленно умирает, коммунисты, подобные

Владимирову²⁷ и Троцкому, вынуждены констатировать, что в тех немногих мелких областях экономической жизни, где была допущена частная инициатива и в которых может существовать мелкий частный капиталист, «кустарь», наблюдается некоторое оживление, резко контрастирующее с непрерывным разрушением советской государственной промышленности, транспорта и внешней торговли.

Вот что сказал об этом контрасте заместитель наркома финансов Владимиров в своей речи на съезде: «Если в сфере государственной промышленности мы должны отметить непрерывное разбазаривание капитала, то в отношении частной промышленности дело обстоит совершенно иначе. Мало-помалу финансовый капитал превратился в значительную и солидную силу. В Москве и Петрограде с ним все больше и больше приходится считаться. В сфере торгового капитала мы видим, как на наших глазах формируется целый ряд малых предприятий, которые перерастают в крупные. Наряду с кооперацией и сверх нее в деревне все больше развивается частная торговля, поскольку она лучше умеет найти подход к крестьянину и обходится ему дешевле. Таким образом, мы видим, как частный капитал все больше и больше оживает, тогда как положение нашей промышленности не перестает быть очень тяжелым».

В упомянутом выше докладе Троцкий констатирует то же самое и задается вопросом, каковы происхождение и объяснение такого положения вещей. В качестве ответа он цитирует выдержки из отчета, завершившего изучение советскими специалистами положения частной промышленности в московском регионе. Текст этого отчета, розданного членам последнего коммунистического съезда, начинается с напоминания и систематизации всех преимуществ советской государственной промышленности перед частной. Подробно перечислив все эти отдельные преимущества, авторы доклада приходят к выводу, что, несмотря на них, государственная промышленность продолжает работать в убыток, тогда как мелкий «кустарь», мелкий промышленник, мелкий торговец активно работают и получают прибыль, хотя условия их деятельности особенно тяжелы в атмосфере Советской России.

Как такое может быть (удивляются авторы упомянутого доклада)? И вот ответ, который они нашли:

«Даже на предприятиях, действующих в особенно благоприятных условиях, где нет недостатка в техническом оснащении и где труд

---

²⁷ Владимиров (Шейнфинкель) Мирон Константинович (1879–1925) – советский партийный и государственный деятель. В 1922–1924 гг. нарком финансов РСФСР и заместитель наркома финансов СССР.

рабочих имеет нормальную отдачу, наша государственная промышленность дает убыток, а капиталисты получали прибыль на тех же самых предприятиях; дело в огромных накладных расходах на содержание центральных органов, смехотворно многочисленного персонала, подсобных рабочих и на коммерческие затраты, связанные с продажей продукции».

Такое положение вещей вытекает из всей обстановки, в которой действует наша государственная промышленность. Но что, по существу, составляет ее слабое место, так это то, что «советы директоров наших трестов и директора наших компаний *не являются настоящими хозяевами дела, которые все контролируют, вкладывают свою душу, рассчитывают каждую минуту своего времени, экономят каждую копейку, проводя даже ночи в заботах о нуждах наших фабрик, заводов, шахт...*».

Мы намеренно привели множество цитат из доклада Троцкого коммунистическому съезду, чтобы показать, что в глубине души сами коммунисты ясно осознают причины всеобъемлющего и непрерывного разрушения современной России. Они кроются в экономической, правовой и политической ситуации, созданной Коммунистической партией. Продолжающееся разрушение России органически связано с таким положением вещей, и никакое восстановление невозможно, пока не будут устранены указанные причины. Действительно, язвы, разъедающие промышленность Советской России, о которых Троцкий говорил на съезде, – отсутствие руководства, воровство, отсутствие контроля и делового чутья, отсутствие личной заинтересованности руководителей, безответственность и т. д. – характерны для режима произвола, насилия, безответственности и бесконтрольности, который создала в России Коммунистическая партия. Только полная ликвидация этого режима позволит возродить страну. Но пока будет существовать нынешнее положение вещей, русская промышленность не перестанет приходить в упадок, а пропасть между городом и деревней будет все больше и больше увеличиваться.

Если в мае 1921 г. НЭП смог частично и временно восстановить экономические связи между городом и деревней, то сейчас дело обстоит иначе: сегодня речь идет о полном и окончательном разрыве с прошлым, что равносильно абсолютной ликвидации коммунистического режима в России.

Таковы выводы, вытекающие из доклада Троцкого и помогающие нам лучше понять причину возобновившегося недовольства крестьян.

Короче говоря, если так можно выразиться, *советская власть давит на крестьян сразу с двух разных сторон: с одной стороны, крестьяне*

вынуждены переплачивать за промышленные товары и продавать свой хлеб слишком дешево; с другой стороны, они несут на своих плечах все бремя расходов, связанных с содержанием промышленности, транспорта и внешней торговли, находящихся в руках советской власти.

Ключом к решению этой проблемы является подъем промышленного производства. Только воссоздав промышленность, советское правительство сможет продвинуться вперед в решении бюджетного и крестьянского вопросов. Большевистские вожди это прекрасно понимают. Так, в резолюции по промышленному вопросу, разработанной Троцким и принятой XII съездом Российской коммунистической партии, заявлено: «Все усилия Коммунистической партии были бы равносильны строительству на песке, если бы они не основывались на промышленном развитии. Только развитие промышленности даст диктатуре пролетариата прочную основу».

Но, как мы видели, восстановление промышленности и подъем производства неосуществимы в условиях, созданных большевистским режимом.

Таков тупик, в который советская власть загнала русскую экономическую жизнь; таковы, в конечном счете, основные причины того острого кризиса, который вновь переживает Советская Россия.

***

Какой выход видит из этой ситуации Российская коммунистическая партия, обладающая властью в стране? Как она определяет вехи этой «совершенно новой экономической политики», которая должна послужить клапаном и привести к хотя бы временному снижению давления «контрреволюционной» энергии, которой пропитано население?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется сделать шаг назад и вернуться примерно к январю текущего года, когда Ленин, оправившись от своего первого приступа²⁸, опубликовал в советской прессе две статьи по занимающей нас проблеме. Первая из этих статей была опубликована в «Правде» от 25 января; она посвящена Рабоче-крестьянской инспекции, т. е. организации контроля в Республике Советов²⁹. Позже

---

²⁸ В. И. Ленин перенес в мае и декабре 1922 г. два приступа болезни, о характере которой до сих пор высказываются различные точки зрения.

²⁹ Имеется в виду статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», в которой Ленин предложил установить тесную организационную связь между руководящими органами государственного (Рабоче-крестьянская инспекция) и партийного (Центральная контрольная комиссия) контроля.

вышла вторая под названием: «Лучше меньше, да лучше»³⁰. Обе статьи отражают болезненное состояние Ленина; они запутаны и противоречивы, лишены ясности и беспорядочны по стилю. Неудивительно, что эти статьи вызвали множество комментариев.

Статья о Рабоче-крестьянской инспекции начинается с резкой критики административного аппарата советского государства в его нынешнем виде. Эта критическая часть является лучшей в статье. Позитивные меры, которые он предлагает, гораздо слабее. Ленин видит корень всех бед в совершенно плачевном состоянии всей советской организационной структуры. По его мнению, недостаточно проводить поверхностные реформы. Они не позволят восстановить экономическую жизнь Советской России. Необходимы гораздо более глубокие и радикальные меры. Идеи Ленина в этой области были следующим образом сформулированы большевистским экономистом Осинским³¹:

«Экономическое строительство должно осуществляться руками, чуждыми коммунизму, руками более культурной буржуазии или руками буржуазной интеллигенции (технических специалистов). Что касается нас, коммунистов, то мы еще недостаточно культурны, чтобы иметь возможность это делать. Но мы сами должны: а) обеспечить обладание всеми органами политической власти (пролетарские суды, политическое руководство государства) и б) создать мощный аппарат контроля, который служил бы нам в то же время механизмом приобщения к науке экономического строительства. Когда я говорю «мы», я имею в виду «партия пролетариата»».

По сути, эта идея не нова. Мы видели это уже в речах, произнесенных Лениным на XI съезде Российской коммунистической партии³², когда он говорил, что в настоящее время «мы преодолеем трудности только в том случае, если коммунистам удастся восстановить экономическую жизнь с помощью буржуазии, если они пройдут школу у этой буржуазии и сумеют направить ее в нужное русло».

«Совершенно детская идея – пытаться построить коммунистическое общество силами одних только коммунистов. Коммунисты – всего лишь капля в море, капля в народном море».

---

³⁰ Эта статья, опубликованная в «Правде» от 4 марта 1923 г., является логическим продолжением статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин».

³¹ Осинский Н. (Оболенский Валериан Валерианович) (1887–1938) – советский партийный и государственный деятель, экономист. В 1921–1923 гг. заместитель наркома земледелия.

³² XI съезд РКП (б), состоявшийся 27 марта – 2 апреля 1922 г., стал последним, в котором Ленин принимал личное участие.

«Необходимо заставить многие элементы, в сто раз более многочисленные чем мы, и с которыми мы сотрудничаем, работать так, чтобы мы могли наблюдать за их работой, понимать, что они делают, и чтобы плоды их труда создавали что-то полезное для коммунизма».

Если мы попытаемся разобраться в сути этих идей, то придем к следующему: Ленин был готов отдать в области экономического строительства все руководство промышленностью и транспортом техническим специалистам, «нэпманам» и небольшой группе коммунистов, которые в настоящее время работают в государственных трестах. Но, доверяя этим «чужакам» руководство промышленностью и транспортом, Ленин считает, что советская власть, – или, вернее, Коммунистическая партия, – должна сохранить в своих руках всю полноту государственного контроля над промышленностью. С этой целью Ленин в указанных статьях планирует реорганизовать и значительно усилить «Рабоче-крестьянскую инспекцию». Именно ей предстоит осуществлять советский контроль над промышленностью по согласованию и вместе с представителями Коммунистической партии.

Насколько можно судить по двум вышеупомянутым статьям, разумно предположить, что основой «совершенно новой политики», которую Ленин намеревался провозгласить на XII съезде Коммунистической партии, должно было стать новое отступление на экономическом фронте. И поскольку НЭП уже был полным отступлением Коммунистической партии на крестьянском фронте, осуществление ленинской программы было бы не чем иным, как дополнением этого отступления на фронте промышленном. Болезнь Ленина помешала ему реализовать свою программу, но выдвинутые им идеи вызвали бурную полемику внутри Коммунистической партии и способствовали выявлению разногласий во взглядах различных фракций. Мы должны углубиться в подробности этой полемики, так как она свидетельствует о значительном ослаблении аппарата Коммунистической партии, которая, как известно, сосредотачивает у себя всю полноту власти в Советской России.

Центральным пунктом, вокруг которого в основном велись дискуссии, был острый вопрос о новых путях, которыми должна вестись коммунистическая политика в условиях экономического кризиса, свирепствующего в настоящее время в Советской России. С этой точки зрения программа Ленина подверглась ожесточенным нападкам со стороны всех фракций Коммунистической партии. Эта программу критиковали не только со стороны левого и правого крыла, но даже со стороны центра, составляющего наиболее влиятельную группировку в партии.

Слева ее осуждали Осинский, Ларин³³ и другие. Вот что говорил Осинский во время предвыборной кампании перед съездом:

«Совершенно необходимо максимально использовать технических специалистов и даже, на данный момент, деловые качества «красных коммерсантов». Во многих случаях приходится даже ставить инженеров непосредственно во главе заводов, возлагая на них всю ответственность и предоставляя им полную свободу действий как техническим специалистам и организаторам. Что касается нас, то мы должны учиться у них и попытаться понять, как эти люди будут наводить порядок, выстраивать иерархию в организации и как они будут развивать свое предприятие. Одно, все же, невозможно: одновременно доверить им преобладающее влияние во всей нашей промышленности, а для революционного и пролетарского элемента довольствоваться простым контролем. *Такой образ действий на практике означал бы потерю диктатурой пролетариата руководящей роли в экономической сфере и, несомненно, был бы самым прискорбным средством давать рабочим уроки управления».*

Тот же Осинский говорит в другом месте: «Необходимо дать свободу предпринимательства части технических специалистов (той, которая предлагает наибольшую гарантию) и заставить их взять на себя ответственность. *Но что касается того, чтобы доверить им ключи от нашего экономического строя и довольствоваться тем, что просто контролируем их, то нет, этого мы делать не должны».*

Ленинская программа подверглась не менее резкой критике со стороны правых. Это коммунисты, работающие на промышленных и торговых предприятиях³⁴, и конкретно Красин³⁵, глава «Внешторга», высказался от имени данного крыла в статье «Контроль или производство». Мы читаем там:

---

³³ Ларин Юрий (Лурье Михаил Александрович) (1882–1932) – советский партийный и государственный деятель, экономист. С 1921 г. член президиума Госплана.

³⁴ Члены Коммунистической партии, работающие в экономической сфере, стали благодаря этому более умеренными. Имея ежедневный контакт с жизнью, они были вынуждены существенно отступить от своей непримиримости и сделались оппортунистами. Именно эти члены составляют правое крыло Коммунистической партии – так называемых «хозяйственников», т. е. людей, считающих, что экономический фактор должен преобладать над политическим. Напротив, левое крыло Коммунистической партии состоит из чистых политиков, проповедующих политическую диктатуру партии и осуждающих оппортунизм правого крыла. (Прим. автора).

³⁵ Красин Леонид Борисович (1870–1926) – советский партийный и государственный деятель. В 1922–1925 гг. нарком внешней торговли СССР.

«Какова задача, стоящая перед советской властью в настоящий период? Возможен только один ответ. Она заключается в восстановлении экономики страны, интенсификации производства, обеспечении работы угольных шахт и нефтяных скважин на полную мощность, повышении интенсивности движения по железным дорогам и судоходства хотя бы до довоенного уровня, заполнении депо новыми локомотивами и вагонами и, наконец, в том, чтобы наш крестьянин собирал, как и до войны, 55 пудов пшеницы с десятины, вместо того чтобы довольствоваться 30–33 пудами, как он довольствуется теперь...».

«Наша основная проблема, повторяю, заключается в производстве, и наша главная беда в том, что мы не умеем организовать это производство...».

«Вместо решения проблемы восстановления промышленности, имеющей первостепенное значение в современных условиях Советской России, Ленин планирует, в своем изложении позитивных предложений, не только сохранение, но и усиление государственного контроля над промышленностью».

Последний пункт Красин считает совершенно неприемлемым. «Максимум производства и минимум контроля, – говорит он, – вот цель, к которой мы должны стремиться. Вместо этого нам предлагают создать супер-комиссариат, подобного которому мы еще не видели и который будет отвечать за руководство всеми наркоматами. Он, естественно, должен будет пользоваться гораздо большим авторитетом, чем последние. Это неосуществимая, бесполезная и даже вредная утопия в нынешних условиях, когда и без того слишком много сил тратится на контроль, проверку и т. д.».

«Но, скажут нам, этот контроль как раз и нужен, «чтобы мы могли научиться организовывать промышленность...». Такое утверждение совершенно абсурдно. Мы учимся производству, только производя. Ни один контролер не расскажет вам, как делать сахар или спички, а последний из технических специалистов рассмеется вам в лицо, если вы пришлете к нему чиновника Рабоче-крестьянской инспекции для обучения промышленных рабочих производству сахара и спичек».

И продолжает: «Чрезмерная, преувеличенная система контроля, обилие всяких органов, инспекций и надзора, создает невыносимый бюрократизм в наших государственных учреждениях. Мы громко кричим о вреде бюрократии; однако предлагается именно то, чтобы у нас слишком много людей контролировало, инспектировало, направляло и поучало, вместо того, чтобы идти на свое место к станку и самим приниматься за работу».

«Понять, чем вредно и опасно преувеличенное развитие функций контроля и надзора, заменить его мерами, способными поднять, упрочить и интенсифицировать производство, избавив его от ненужных препятствий и ртов, которые необходимо кормить, – вот проблема, немедленное решение которой важно для нас».

«Что касается борьбы с мошенничеством, ленью, нерадивостью и другими пороками такого рода, которые в изобилии процветают при НЭПе, то она должна быть организована больше с точки зрения производства, нежели методами контроля и надзора...».

«Накормите наших технических специалистов, предоставьте им хотя бы две комнаты с отоплением и освещением, измените психологическую атмосферу их работы, чтобы им больше не приходилось каждый день опасаться возможности катастрофы, которая поставит под угрозу все их существование, и наши технические специалисты начнут работать и вносить улучшения в сам процесс производства...».

Красин, представитель умеренных коммунистов, выступает, таким образом, за полное освобождение промышленности, *за полное отступление на всем промышленном фронте* и не допускает даже возможности сохранить ту тонкую нить, которую Ленин хотел бы оставить в руках Коммунистической партии, в виде государственного контроля над промышленностью. По его мнению, печальное воспоминание о «рабочем контроле», относящееся к эпохе Временного правительства, должно быть окончательно сдано в архив.

Таковы нападки левых и правых на ленинскую программу «совершенно новой политики». Но что говорит центр Коммунистической партии, самая влиятельная ее группа? Положение этой фракции, считающей себя состоящей из истинных ленинцев, особенно трагично. У нее нет ни возможности, ни смелости решительно склониться вправо или влево; в ее рядах нет никого, кто мог бы заменить Ленина и обладал бы достаточным авторитетом, чтобы иметь возможность проводить столь же радикальные изменения, как провозглашение Лениным НЭПа; вот почему центр довольствуется тем, что лавирует между правым и левым течениями, цепляясь любой ценой за *статус-кво*, в котором он видит единственную возможность продержаться как можно дольше, хотя бы за счет силы инерции.

Он прекрасно понимает, что любое смещение опасно и даже может стать фатальным. Центристы хорошо знают, что партийная дисциплина сильно пострадала от отставки Ленина. Нет больше единой воли, единого руководства, всякое существенное изменение линии поведения неизбежно будет способствовать усилению анархии внутри

Коммунистической партии. В этих условиях сохранение *статус-кво* представляет *минимальную* опасность: именно поэтому центристы энергично его защищают. Чтобы мотивировать эту позицию, лидеры центра – Каменев³⁶, Зиновьев, Рыков³⁷ и т. д., все те, кто сегодня управляет Россией от имени Ленина, довольствуются простым отрицанием существования у него каких-либо планов дальнейшего преобразования экономической политики. В опубликованных ими перед съездом статьях, Каменев и Зиновьев самым формальным образом отвергают интерпретации статей Ленина, сделанные как правой, так и левой фракциями. Они решительно заявляют о себе как о противниках всяких попыток «ревизии ленинизма», независимо от того, исходят ли эти попытки справа или слева. И они цитируют другие высказывания Ленина, более отдаленного времени, в попытке доказать не только то, что он вовсе не намеревался предлагать новое стратегическое отступление на экономическом фронте, но и то, что на предпоследнем съезде Коммунистической партии он уже категорически заявил, что отступление советской власти «полностью закончилось».

Выступая от имени Ленина, центр, таким образом, отвергает всякую «ревизию ленинизма» и считает самым важным в настоящий критический момент сохранение единства партии и ее укрепление для продолжения борьбы на внешнем и на внутреннем фронте.

Каменев, наименее одаренный и наименее умный из соратников Ленина, пишет в статье «Ревизия ленинизма»³⁸: «Случайно ли, что у нас все чаще и чаще высказывается мнение в пользу ослабления партийной диктатуры и большей независимости экономических и советских органов? Случайно ли, что в определенных кругах коммунистических экономистов раздаются голоса, высказывающиеся в этом направлении, и что некоторые «практические предложения» товарища Осинского, по-видимому, вдохновлены той же идеей? Случайно ли, что некоторые группы, которые шли с нами во время революции, тоже с надеждой обращают взоры к этому горизонту? Не лежали ли в основе этих реформистских проектов и этих классовых ожиданий известные социальные

---

³⁶ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – советский партийный и государственный деятель. В 1923 г. член Политбюро ЦК партии и заместитель председателя Совнаркома. На XII съезде являлся соавтором доклада о налоговой политике в деревне (совместно с М. И. Калининым и Г. Я. Сокольниковым).

³⁷ Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский партийный и государственный деятель. В 1923 г. член Политбюро ЦК партии. На XII съезде выступил с докладом о районировании.

³⁸ Статья опубликована в «Правде» от 24 марта 1923 г.

и экономические явления, тесно связанные с функционированием НЭПа? Не в этом ли заключается политическое влияние НЭПа?».

И в другом месте он снова говорит: «Все, что стремится к «рациональной» организации, может быть принято. Съезд должен будет обсудить состав Центрального комитета, периодичность его заседаний, состав делегатов в Совет народного хозяйства и т. д. Но есть одна вещь, которую, хочется верить, партия не допустит, – это попытка, под предлогом «рациональной организации», осуществить ревизию ленинизма, под каким бы флагом она не проводилась».

Такова, в общих чертах, позиция трех фракций Коммунистической партии по итогам дискуссий, предшествовавших съезду³⁹.

***

Коммунистический съезд, открывшийся в конце апреля, не принес ничего существенного. Все, что можно было сказать, уже было сказано ранее, и съезд, по сути, должен был служить только для прекращения этих дискуссий. Это дало центристам возможность новой победы и закрепило *статус-кво*. Несколько поверхностных преобразований, принятых съездом, не изменили ситуацию. Так, например, съезд пошел на уступку крестьянам, снизив их налоги с 600 миллионов (проект бюджета на 1923 г.) до реальной суммы сборов за 1922 г., т. е. 420 миллионов. Что касается повышения цен на зерно, он высказался в пользу вывоза пшеницы за границу. В отношении реформ съезд одобрил реорганизацию Рабоче-крестьянской инспекции по плану, предложенному Лениным, не придав ей, однако, того содержания, которое он подразумевал. Это равносильно тому, что Коммунистическая партия не отказалась от руководства промышленностью и транспортом.

Съезд закончился голосованием по целому ряду тягучих и скучных пунктов повестки дня, в которых напрасно искать ответа на «больные вопросы, поставленные жизнью». Вместо ожидаемого провозглашения «совершенно новой экономической политики» съезд продемонстрировал только те же старые клише коммунистической фразеологии и дал нам доказательство неспособности Коммунистической партии выйти из той колеи, в которую она попала и в которую втянула всю страну.

Отсутствие инцидентов на съезде послужило Зиновьеву поводом торжествовать в статье, опубликованной в «Правде» от 12 мая, и заявить о ликвидации всех разногласий внутри партии одновременно с укреплением ее диктатуры. Мы считаем, однако, что эта победа останется

---

³⁹ См. специальные приложения к «Правде», № 1, 2, 3, 4, со статьями Красина, Каменева, Осинского, Мартынова, Сталина, Ларина и др. (Прим. автора).

мертвой буквой. Партия распадается на глазах. Чувствуется ожесточенная борьба, продолжающаяся подпольно, несмотря на торжественное утверждение резолюций, принятых съездом.

К этой борьбе, разворачивающейся на высшем уровне, надо добавить зависть и ненависть низов Коммунистической партии, не выигравших от НЭПа, и прежде всего враждебность провинциальных членов, не сумевших связать себя с хозяйственными предприятиями.

Прибавьте к этому разложению партии непрерывное движение к разрухе в Советской России, бурное недовольство крестьян, которое советская власть бессильна подавить, если не отменит саму себя: мы видим все признаки краха, который недолго ждать. Коммунистическая партия трещит по швам со всех сторон. Разрушительные страсти разгораются в ее недрах. Нынешние партийные лидеры, сбитые с толку отсутствием Ленина, стремящиеся как можно дольше сохранить власть, не решаются идти по пути, намеченному им в 1921 г., и освободить экономическую жизнь от оков, в которых она задыхается при существующем режиме. Они заняты только возведением баррикад против врагов справа и слева, цепляясь за *статус-кво*. Но жизнь сильнее их: она подрывает со всех сторон здание советского государства и кровавую диктатуру Коммунистической партии в России.

Граф Коковцов

ТАК НАЧИНАЛОСЬ ДЕПО ПЕТРОВ ВАЛ

Ю.Я. Пинчук

Ветеран тыла

Ю.С. Пинчук¹

ГБПОУ ЯНАО «ЯМК»

e-mail: yrii07@bk.ru

THIS IS HOW THE PETROV VAL DEPOT STARTED

Y.Ia. Pinchuk,

Y.S. Pinchuk

(Salekhard, Russia)

e-mail: yrii07@bk.ru

Предисловие

Вся жизнь Юрия Яковлевича Пинчука² была связана с железной дорогой. Его стаж составляет практически 60 лет. В данном издании в одном из выпусков 2019 года были опубликованы воспоминания Ю.Я. Пинчука о начале Великой отечественной войны и эвакуации в город Кемерово.

Трудовой путь Юрия Яковлевича условно можно разделить на два этапа: производственная работа в депо, отделении и управлении Приволжской железной дороги и второй – секретарь профсоюза Приволжской железной дороги, а после выхода на пенсию председатель совета ветеранов Приволжской железной дороги. Эти периоды трудовой деятельности по своему наполнению очень различаются, но о каждом из них, Юрий Яковлевич вспоминал с теплотой и любовью, причем любовью не только к работе, но и людям.

Автор этих воспоминаний рассказывает о том, как начиналась депо Петров Вал, о ежедневной работе депо и факторах повлиявших на его рост. Сегодня, спустя много лет, депо Петров Вал современное и

---

¹ Пинчук Юрий Сергеевич (Салехард), к.и.н., заместитель директора по учебно - производственной работе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямальский многопрофильный колледж».

² Пинчук Ю.Я., Пинчук Ю.С. Как это было. Воспоминания // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр./ под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2019. Вып. 19. С. 180-185.

динамично развивающееся предприятие, очевидно, что фундамент этому заложили люди, которые будут упомянуты в этих воспоминаниях.

Так начиналось депо Петров Вал

Развитие депо Петров Вал наводит на воспоминания о становлении депо, тем более что начало моего трудового стажа прошло там и совсем немного отстало от рождения депо. Жизнь распорядилась так, что почти 18 лет моей деятельности было связано с ним.

Здесь я прошел дорожку от помощника машиниста до начальника локомотивного депо...

Мне хочется, чтобы нынешнее поколение знало, как мы работали и жили, как развивался железнодорожный транспорт, патриотами которого мы были и остаемся поныне.

Вот как сложилось мое длительное знакомство с паровозным депо Петров Вал.

После окончания Днепропетровского института инженеров транспорта в 1948 году я был направлен на Сталинградскую дорогу.

В Сталинграде меня убедили ехать на работу в паровозное депо Петров Вал - новое, только построенное, с большими перспективами работы и роста.

Поезд Сталинград - Казань ходил два раза в неделю, денег было мало, и я решил ехать грузовым поездом. Выехал из Сталинграда рано утром. Погода была отличная. Ехал я очень долго и уснул на тормозной площадке. Главный кондуктор разбудил меня, когда было совсем темно. Он сказал, что стоим у входного семафора, напротив депо, и показал, куда идти. Метров через сто я наткнулся на кирпичную стенку. Двигаясь вдоль нее, нашел окно, где мерцал огонек копилки и был человек, дежурный по депо.

Утром я увидел рядом со зданием депо большой холм. Когда я на него поднялся, то оказалось, что это большой вал, проходящий по краю глубокого рва. Позже я узнал, что это остатки канала, которым Петр Первый пытался соединить Волгу с Доном через их притоки. Отсюда - название станции Петров Вал. С высоты вала была видна станция, землянки, точнее - трубы, торчащие из земли. В землянках тогда были и вокзал, и клуб, и магазин. Депо имело четыре столовых канавы и небольшие пристройки для мастерских.

Рядом располагался склад топлива (угля). Тут же стоял вагон-электростанция и паровоз при нем. Паровоз подавал пар на турбину

генератора. Когда на паровозе чистили топку, подача пара прекращалась, и всё погружалось в темноту. После встречи с начальником депо Сергеевым я был назначен на должность помощника машиниста паровоза. Это было 1 сентября 1948 года. Ранее в Петров Вал прибыл по назначению мой сокурсник Виктор Семенович Филоненко. Мы с ним встретились и поселились вместе на квартире у одной работницы депо, в землянке. Паровозное депо обслуживало грузовое движение на участках Карамыш – Петров Вал – Качалино и Камышин – Петров Вал – Ильмень. На главном направлении работали паровозы серии «Э», а на Балашовском направлении – серии «ОВ». Скорость движения по главному ходу - не более 30 км/час. На Балашовском - до 25 км/час. Никаких ограничений в продолжительности рабочего времени не существовало, отдых в оборотных депо предоставлялся в землянках, где стояло несколько топчанов, обтянутых дерматином. Ни душевых, ни смены одежды. В столовой кое-как мыли руки, обедали и спать. Очень уставали. Поездка длилась от 1,5 до 3 суток. Мне запомнился случай зимой 1948 года. В то время мы с В.С. Филоненко получили в одном из барачных домов комнату на 10 кв. м с печным отоплением. Он уехал в командировку, я в поездку на Качалино. Вернулся через трое суток. В комнате мороз, вода в ведрах замерзла, помыться не чем. Растопил печку, поставил на плиту ведро с водой, а сам сел на стул, ноги сунул в духовку. Чуть пригрелся - уснул, а проснулся от того, что загорелись мои шерстяные носки...

Труд паровозников легким не назовешь. Помощник машиниста за поездку в один конец перебрасывал до 20 тонн угля, да топку почистит несколько раз, в зависимости от качества угля. Кроме того, в обязанности бригады входила обтирка паровоза от дымовой трубы до буферного бруса тендра. Бригада, они были постоянные, добросовестно относились к своим обязанностям. Каждая бригада стремилась сделать свой паровоз лучше других. Многие машинисты предавали особую тональность паровозном свистку. При подходе к станции подавался длинный сигнал и громкий свисток. Напарник знал, что скоро ехать в рейс, семья прибывающих знала, что пора греть воду и готовить обед.

Безусловно, тяжелые условия труда и отсутствие какого-либо контроля за режимом труда и отдыха нередко приводили к авариям и крушениям. Не миновала такая беда и депо Петров Вал. В 1952-м году на станции Занзеватка, где наши бригады и паровоз обеспечивали вывоз песка из карьера, произошло тяжелое крушение. Причиной явилось то, что машинист вывозного паровоза Плотников находился на работе несколько суток без отдыха. После очередного вывоза состава он

остановился на первом пути для набора воды. Пока вода наполняла тендерной бак, машинист уснул, сидя на своем месте. По соседнему пути проходил грузовой поезд. От шума Плотников проснулся, ему показалось, что движется его паровоз. Он применил контрпар, а фактически привел в движение паровоз и въехал в бок проходившего поезда.

Вскоре после этого случая вышло постановление правительства №2164 за подписью И.В. Сталина, где устанавливались жесткие требования по соблюдению режима труда и отдыха локомотивных бригад. Продолжительность непрерывной работы ограничивалась 12 часами. Предусматривалось строительство и благоустройство домов отдыха локомотивных бригад. Этим постановлением заместитель начальника депо был привлечен к судебной ответственности. Приказом начальника Сталинградской дороги в депо была введена должность второго заместителя начальника по эксплуатации. На эту должность был назначен я.

Сложностей в работе было очень много. Резко возрос грузопоток. Завершилось строительство Волго-Донского канала. Количество работающих паровозов достигло 100 единиц. Очень остро ощущался недостаток кадров, особенно кочегаров паровоза. Паровозный парк был заменен на более мощные паровозы серии «СО».

Депо постоянно пополнялось кадрами из других депо, железнодорожных училищ, технических школ. Очень сильная и организованная группа прибыла к нам из Кременчугской трехгодичной школы машинистов. Почти все они остались работать в депо и в дальнейшем составили основу, костяк коллектива. Я с большим удовлетворением вспоминаю Евгения Хабарова, Павла Березюка, Карла Илло и многих других, которые на протяжении всей своей работы были в числе лучших и инициативных работников. Многие выпускники ЖУ стали машинистами, инструкторами, командирами. Некоторые закончили техникумы, институты и занимали руководящие должности в Петров Вале и за его пределами. Это В.К. Третьяков, И.Ф. Пичугин и другие.

Моя работа в качестве заместителя начальника по эксплуатации продолжалась полтора года. Много не получалось, сказывались молодость, неопытность, и я неоднократно просил освободить меня от этой должности. Решил этот вопрос А.К. Кимстач, бывший начальник Рязано-Уральской железной дороги, приехавший в Петров Вал для приемки Сталинградской дороги в состав Приволжской. Почти год я «отдыхал» в должности инженера-теплотехника, а затем вновь был назначен заместителем начальника по ремонту. При назначении А.К. Кимстач вспомнил наше первое знакомство и пожелал мне успеха.

Паровозное депо крепло. Создавался хороший коллектив, улучшились бытовые условия в поселке. Строились жилье, водопровод, вокзал, клуб. Люди работали с полной отдачей. В одну из суровых и снежных зим на перегоне Авилово - Лапшинская попал в снежный занос грузовой поезд с паровозом «ОВ». Снег был жесткий, паровоз был слабый и выбраться из снега не мог. Метель была сильная, и паровоз засыпало снегом до самой трубы. На паровозе были три человека бригады и машинист-инструктор С. Богусловский.

Эти люди оставались на паровозе, в заносе, почти неделю, пока их освободили из снежного плена солдаты воинской части. Пищу для них доставили лыжники-добровольцы из нашего депо. Паровоз был сохранен в горячем состоянии и полной исправности, хотя для бригады это было очень трудно. Их действия можно оценить как героические.

Особо надо рассказать о подвиге машиниста паровоза Котова.

Василий Николаевич в тот памятный зимний вечер с помощником В. Короченцевым и кочегаром повели наливной поезд на Качалино. На станции Иловля-2 дежурный обнаружил течь нефти. На соседнем разъезде 513 км. (ныне Колоцкий) поезд был остановлен. Узнав в чем дело, машинист Котов взял инструменты и пошел попытаться закрыть сливной клапан цистерны. Возле текущей цистерны образовалась большая лужа сырой нефти. Василий Николаевич залез на цистерну, открыл крышку и попытался затянуть клапан. В это время подошел старший кондуктор, сопровождавший поезд, с керосиновым фонарем в руках. Произошла вспышка нефти. Котов оказался в центре огромного костра. Он спрыгнул с цистерны прямо в горящую лужу и загорелся сам.

С помощью помощника и старшего кондуктора кое-как загасил снегом почти сгоревшую одежду. Он дал команду отцепить горящую цистерну, побежал на паровоз и протянул состав подальше от огня.

Силы его покинули. Он был доставлен в Иловлинскую районную больницу, но спасти его не удалось. Слишком большие ожоги были получены. 16 января 1960 года В.Н. Котова не стало. В семье В.Н. Котова было шестеро детей. Посмертно Василий Николаевич был награжден орденом Ленина. В депо была установлена памятная доска и очень жаль, что в связи с переселением в новые помещения она не нашла своего места.

Вскоре после этого трагического события Министерством путей сообщения было запрещено пользоваться керосиновыми фонарями при осмотре и сопровождении поездов.

А жизнь продолжалась. С 1956 по 1964 гг. я работал начальником депо. Главными заботами были кадры, развитие и реконструкция депо.

Ожидалось поступление тепловозов. Работы по развитию депо велись очень медленно, и коллективу депо пришлось очень много труда вложить в дело реконструкции.

Замена паровозного парка тепловозами очень благотворно сказалась на людях и на работе депо. Все локомотивные бригады прошли переподготовку в дорожной технической школе и при депо. Многие пошли учиться в вечерние школы, техникумы. Но, главное, люди подтянулись, повысился уровень дисциплины. Значительно улучшились экономические результаты.

Мне хорошо помнится первый торжественный вечер, который коллектив депо проводил в узловом клубе. Пришли деповчане с семьями, пришли работники других служб. Впервые с момента организации большая группа людей была награждена ценными подарками в такой торжественной обстановке, при большом стечении людей.

Прошло много лет. Мне приходилось работать в других коллективах, но память о локомотивном депо Петров Вал и его людях у меня самая добрая и теплая.

Я с благодарностью вспоминаю людей, которые научили меня работать, помогали и поддерживали. Многие из них уже на заслуженном отдыхе, а некоторых, к сожалению, нет в живых. Все они заслуживают внимания и уважения, но всех назвать невозможно. Назову только нескольких: Петр Максимович Котляр, машинист-инструктор, председатель профкома; машинисты-инструкторы Иван Петрович Каруна и Федор Исаевич Попов; слесарь деповской «Левша» - Иван Степанович Кондратенко; мастера А.А. Чембаров, П. Гончаренко; машинисты Г. Ардильян, С. Ложеаник, А. Горбачев.

Очень хочется, чтобы память об этих тружениках, настоящих патриотах железнодорожного транспорта всегда оставалась в коллективе, служила примером для подражания и развития патриотизма железнодорожников.

О ЛОЖНОМ ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЦИКЛЕ 2016–2018 ГОДОВ

А.В. Родионов¹

Саратовский Земский философско-гуманитарный клуб
e-mail: Rodionov.sgu@mail.ru

Аннотация. *Размышления заместителя председателя Саратовского регионального отделения партии «Яблоко» А.В. Родионова над выборами 2016 г. написаны по горячим следам осенью 2017 – зимой 2018 гг. Общий вывод – оппозиция к выборам оказалась абсолютно не готова. Причина в оторванности политического руководства партии от реалий времени. Для нынешней российской демократической оппозиции характерно органическое нежелание воспринимать отечественное общество как оно есть, догматизация выборов, как неизменной и самодостаточной, почти технической процедуры. Ошибочной, политически некорректной была позиция политического руководства партии по крымскому вопросу. Партийные «вожди» употребили свой авторитет и влияние на то, чтобы предельно идеологизировать крымскую проблему. В итоге официальная резолюция Федерального Совета партии была составлена без должного уважения к несомненному результату народного референдума в Крыму и без оглядки на преобладающее общественное мнение в самой России. В основе ложного позиционирования демократической оппозиции лежит недопустимое упрощенчество в фундаментальных вопросах философии современной политики и категорический отказ высшего политического менеджмента фирмы «Яблоко и К» признать цивилизационную индивидуальность России.*

Ключевые слова: История современной России, демократическая оппозиция, электоральный цикл 2016-2018 гг., партия «Яблоко», цивилизационная индивидуальность России.

ABOUT THE FALSE POSITIONING OF THE RUSSIAN DEMOCRATIC OPPOSITION IN THE 2016-2018 ELECTORAL CYCLE

A.V. Rodionov

(Saratov, Russia)
e-mail: Rodionov.sgu@mail.ru

Annotation. *The reflections of the Deputy Chairman of the Saratov regional division of the Yabloko Party A.V. Rodionov on the 2016 elections were written in hot pursuit in autumn*

---

¹ Родионов Анатолий Васильевич (Саратов), федеральный советник РОДП «Яблоко» от Саратовской области, заместитель председателя Саратовского регионального отделения партии «Яблоко», в настоящее время - эксперт Саратовского Земского философско-гуманитарного клуба.

2017 – winter 2018. The general conclusion is that the opposition was absolutely not ready for the elections. The reason is the isolation of the political leadership of the party from the realities of the time. For the current Russian democratic opposition, there is an organic unwillingness to perceive the domestic society as it is, the dogmatization of elections as an unchangeable and self-sufficient, almost technical procedure. The position of the political leadership of the party on the Crimean issue was erroneous and politically incorrect. The party "leaders" used their authority and influence to ideologize the Crimean problem as much as possible. As a result, the official resolution of the Federal Council of the Party was drafted without due respect for the undoubted result of the people's referendum in Crimea and without regard to the prevailing public opinion in Russia itself. The false positioning of the democratic opposition is based on unacceptable simplicities in fundamental issues of the philosophy of modern politics and the categorical refusal of the top political management of Yabloko and Co. to recognize the civilizational individuality of Russia.

Key words: History of modern Russia, democratic opposition, electoral cycle 2016-2018, Yabloko party, civilizational individuality of Russia.

Так называемая «демократическая оппозиция» к российскому электоральному циклу 2016-2018 гг. не готова.

Не готова решительно вся. От совсем окасъянвившегося «Парнаса» и вялой реинкарнации «Правого дела», заботливо возвращаемой в лабораториях президентской администрации, до полусектантского «Яблока», нелепо топчущегося на пороге двух тысячелетий. Не готова категорически. Не готова, - даже не то, чтоб победить, но просто достойно выжить в предстоящей схватке с надеждой на лучшие времена.

Политическое бессилие так называемой «несистемной» оппозиции в нынешней России феноменально. В своей пугающей очевидности — это уже своего рода медицинский факт, поскольку требует не столько доказательств, сколько объяснений и методов лечения.

Ещё хуже, что в этом феномене просматриваются симптомы недуга, практически несовместимого с активной политической жизнью. Признаки сознательного уклонения российских оппозиционеров от грубой и неприятной реальности. Того, что можно назвать социально-политическим аутизмом.

Вот лишь некоторые актуальные и примечательные из этих симптомов.

Неготовность рассматривать политику в бескомпромиссных категориях реальной политики, в откликах на злобу дня вынуждающих определённое «или-или», «да» или «нет». Мыслить в предельно жёстких реалполитических категориях, подавляющих свободное желание интеллигентов от политики прогуливаться по её «тёмным аллеям» как по терренкуру благонамеренных «хотелок», или русскому «полю чудес».

Примеров тому – нескладанное множество. На правах «яблочника» с 20-летним стажем воспользуюсь хотя бы некоторыми из них. На мой взгляд, весьма характерными для моей партии.

Взять, к примеру, странное отношение к такому сугубо политическому понятию как реальная политика. «Яблочный» внутрипартийный диалог на тему реальной политики никогда не становился предметом публичной дискуссии. Но не составляет особого труда вообразить такой диалог между кем-либо из особо уважаемых «яблочников» (В. Шейнисом или В. Борщевым), и представителем маргинального либерально-консервативного течения партии, осмелившимся заговорить о реальной политике.

- «Фу, какая гадость, эта ваша реальная политика! Разве может интеллигентный человек без потери лица и репутации демократа заглядывать на эту грязную кухню и пробовать из этого смердящего котла?». (Разумеется, особо уважаемые партийцы, публично никогда не произносят подобных слов. Но общий смысл этой сконструированной мной фразы вполне адекватен их политической позиции).

Так и хочется спросить: «Неужто ваше обоняние так терзают обычные запахи солдатской кухни? Быть может, вы настолько избалованы ресторанными заморскими блюдами? Или же у вас банальная аллергия на солдатское?».

Я не забыл: ирония на грани ехидства, как известно, патентованное средство маргинала.

Однако подобный воображаемый диалог ироничен лишь отчасти. Он вовсе не исключает общего для оппонентов понимания других важнейших характеристик спорного предмета. Например, осознания того, что никакая реальная политика просто немислима и невозможна без идеального содержания политического действия. Ибо подлинно реальная политика рождается и самоутверждается только там и тогда, где и когда находит свой смысл и оправдание в идеальном представлении об общем благе, в нравах и высших ценностях конкретного социума. И вместе с тем понимания того, что в жизни реальная политика в подлинном смысле слова существует и присутствует вне зависимости от нашего признания или непризнания.

Однако партийные мечтатели пересекаться с реальной политикой не желают никак. Даже попутно. Высокочтимые «яблочники» в подобных случаях не в силах обуздать своё высокомерие. Для принципиального размежевания с реальной политикой они охотно используют изящную английскую сентенцию: «Честность – лучшая политика».

Между тем для политического уха условно среднего россиянина — это всего лишь красивый, романтический лозунг. Почти тост. Но уж точно — не основание отворачиваться от суровых фактов действительности. Не повод отказываться от признания очевидности, что реальная политика живёт в особенной, весьма специфической стихии. Что она существует и реализует себя как раз в мутной среде недобросовестных политических интересов и подводных течениях непрозрачных и корыстных расчётов. И потому зачастую не может вершиться иначе, чем по законам далеко не идеального свойства, по правилам лжи и обычаям лицемерия.

Выразительно в этой связи стойкое неприятие партийными идеалистами общих разговоров о геополитических ракурсах и сюжетах современной политики. С точки зрения верующих атеистов «светской религии» прав человека, геополитика как бы вообще недействительна. В их занимательной логике всякие разговоры о ней по определению «до-сужие», — во всяком случае, если они противоречат каноническому геополитическому тексту (к примеру, в версии «Великой шахматной доски» Збигнева Бжезинского). Несанкционированная апелляция к «геополитике» — «от лукавого». В «нехозяйской» версии — это всего лишь фантом, ложное умозаключение. Либо в корне ложная и насквозь лживая «конспирология». Либо запоздавшее эхо идеологом позапрошлого века.

Для нынешней российской демократической оппозиции характерно также органическое нежелание воспринимать отечественное общество как оно есть. Как нечто ставшее, сформировавшееся и предметно-уникальное. Общество для неё — это всегда и всего лишь проект. О российском обществе она твёрдо знает лишь то, каким оно должно быть согласно идеалистическим критериям демократической оппозиции. В этой связи неудивительна полная неспособность оппозиции рассмотреть в нём суверенный субъект политических правоотношений и социокультурного развития, а не пассивный залог пропаганды и политтехнологических методов внушения.

В этом же ряду обнаруживает себя и неполное понимание российскими демократами категорически меняющейся повестки дня и переломного значения именно этого электорального цикла.

Завоевав в 90-е годы прошлого века общее право смены власти через демократические выборы, российская демократическая оппозиция словно оцепенела в своих стремлениях. Не найдя в себе сил вырвать у власти инициативу и свободу маневра на предвыборном поле, она вместе с тем отказалась искать поддержки своей позиции у народного

большинства. Демократическая оппозиция с головой погрузилась в азартную электоральную игру с властью. Догматизировав своё понимание выборов, как неизменной и самодостаточной, почти технической процедуры, она села за игорный стол без козырей и ресурсов против партнёра, по ходу произвольно меняющего правила игры. С тех пор и поныне она всякий раз на полном серьёзе и с великим усердием готовится по существу к прошлым выборам.

Таким образом, в отношении российских демократов к этим и некоторым другим, неудобным для них, политическим реалиям постоянно прослеживается скрытый мотив культурно-ценностного и мировоззренческого табу на безоговорочное признание очевидного по причине его непристойности. Своего рода «невольничество чести». Однако в политической жизни идеалистическое высокомерие не размножается и потому обречено на вырождение.

Как выстраивать работающие коммуникации между двумя столь непохожими мирами – это уже специальный сюжет для отдельной повести. Но одно-то уж, несомненно: никакое строительство не имеет перспективы без опоры на реальность.

Особенно выразительна для характеристики наблюдаемого недуга российской демократической оппозиции нынешняя официальная позиция «Яблока» по крымской проблеме.

Столкнувшись с острейшей и глубоко реально-политической проблемой, «яблочное» руководство – вполне благоразумно и демократично – вынесло ее на коллективное обсуждение Федерального Совета партии. Здесь-то и проявилось существенное расхождение между условными «крымнашистами» и «крымнашеншистами». И партийные «вожди» употребили свой авторитет и влияние на то, чтобы предельно идеологизировать крымскую проблему. В текст резолюции был включен вызвавший недоумение, и даже возмущение значительной части Совета, тезис о российской «аннексии» Крыма.

Выраженная Политическим Комитетом партии озабоченность революционным, дестабилизирующим эффектом крымских событий для международных отношений и политического климата на планете, была достаточно обоснована. В целом, к той же политической позиции, – с теми, или иными оговорками – склонялось и решающее большинство Федерального Совета.

Однако даже в понятных целях оперативности и политической целесообразности партийной реакции на резонансный крымский вопрос, эту проблему никак нельзя было упрощать. Научно несостоятельно было рассматривать её изолированно, вне связи с обнаружившей себя

тенденцией системного кризиса миропорядка и современными примерами международных решений аналогичных ситуаций. Это было и политически некорректно – без должного уважения к несомненному результату народного референдума в Крыму, и без оглядки на преобладающее общественное мнение в самой России.

Применительно к крымскому эпизоду реальной геополитической борьбы центров силы за контроль над современным миропорядком термин «аннексия» органически неадекватен природе самого явления. Он явно перегружен негативными ценностными и психоэмоциональными коннотациями. Не случайно, к примеру, что даже влиятельные германские СМИ, резко осуждающие Россию за «взлом кода» существующего миропорядка, осмотрительно предпочитают избегать этого термина. Использование термина «аннексия» отсылает общественное сознание к худшим образцам решения территориальных споров (и даже к гитлеровской практике «аншлюса»), однажды справедливо и безоговорочно отвергнутым мировым сообществом.

Между тем надёжных оснований для столь тяжкого обвинения в адрес современной России не просматривается. Помимо школьно-догматического понимания международного права единственным, хотя бы с виду рациональным, основанием служит крайне поверхностная историческая аналогия с иными случаями насильственного присоединения территорий. Но такая аналогия сродни не столько логике, сколько подлогу. Ибо крымский казус по своему политическому содержанию и международно-правовой форме всё же гораздо ближе к международно признанному принципу национального самоопределения, чем к насильственному захвату территории.

Из характера обсуждения крымской проблемы на Федеральном Совете тоже никак не вытекало необходимость использование именно этого термина. Его неожиданное включение в текст резолюции стало по сути дела насильственным актом. Оно взламывало пусть сложный и напряженный, но вполне органичный внутрипартийный консенсус по принципиальному политическому вопросу.

На первый взгляд, это выглядело как серьезная редакционная ошибка, подлежащая коррекции. Но партийное руководство предприняло большие усилия, чтобы настоять именно на этой «ошибке». Даже реальная угроза ситуационного внутрипартийного раскола не остановила руководство. Оно буквально продавило сомнительный тезис голосованием относительного большинства Совета (60 против 40). И с этого момента «ошибка» стала выглядеть как преднамеренная провокация.

Это даёт основание предполагать, что в тот момент руководство решило какую-то принципиально важную для себя непубличную сверхзадачу. Безапелляционно отвергнув мозаичное видение реально-политического мира, оно по сути дела укрылось от живой реальности в уютном мире своих экзистенциальных переживаний, ценностных и мировоззренческих предпочтений.

И там создало милую своему сердцу привычную картинку политической действительности. На восхитительном фоне «горнего», нездешнего мира, «где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь». Мира, где «все люди – братья». Или, по меньшей мере, «граждане», свободные и самостоятельные. Картинка эта характерно и примечательно выдержана в контрастной, идеологизированной стилистике. И в чьих-то внимательных глазах она, вероятно, подтверждает окончательный выбор партией «Яблоко» европейских ценностей.

А попутно убитому при этом внутривнутрипартийному консенсусу «Яблока» по фундаментальному вопросу современной политической жизни впредь больше ничто не угрожает. Но и не «светит». Разве что кастинг на роль «тени отца Гамлета».

Проанализированные выше симптомы не всегда однородны. По актуальному происхождению они также далеко не всегда чисто идейны. Но при ближайшем рассмотрении они образуют вполне системную и до боли знакомую картину. Картину шизоидного состояния общественно-политического сознания российской интеллигенции. Картину его глубокого социально-культурного анахронизма.

В словарно-академическом смысле это означает «ошибки против хронологии, внесение в представление о какой-либо эпохе черт, ей несвойственных». А в образном, расширительном смысле – хрестоматийную ситуационную ловушку «горе от ума». Застарелой и запущенной болезни российской интеллигенции, в решающие моменты пытающейся предъявлять народу и власти свои незаурядный ум и разнообразные таланты. Но, как правило, не ко времени, не к месту и не по адресу. Интеллигенции много и охотно толкующей о «смене вех», но так и не решающейся её исполнить. И потому постоянно созерцающей последствия своих лучших намерений «из под глыб» и «de profundis».

Нынешняя демократическая оппозиция, по всей видимости, страдает тем же наследственным недугом. Во всяком случае, её принципиальные просчёты и ошибки все те же. И поэтому в начинающейся мясорубке «выборов по-русски» она теперь рискует погибнуть, не приходя в сознание. И не оставив по себе даже доброй памяти.

Куда более основательно и профессионально готовится к этим выборам российская власть. Власть всегда воспринимает российское общество, как оно есть. Вполне предметно и серьёзно, как мощную и мало предсказуемую стихию. И вполне последовательно и строго в режиме «здесь и теперь».

Сегодня обострённый инстинкт сигнализирует власти о нарастающей нервозности российского общества. И это оценивается властью как конкретная политическая угроза. Угроза спонтанной общественной реакции на «господские забавы», высокой вероятности «непреднамеренных результатов» властной режиссуры «выборного спектакля».

Поэтому власть загодя принимает вполне конкретные меры к тому, чтобы во время выборов, - будь они неладны! - общество не вышло из берегов и не затопило её освоенные и ухоженные уголья. Вводится чрезвычайный режим политической обходительности с населением и «сезонный запрет» на господские причуды и злоупотребления. Для рядового электората, привычно оценивающего политические выборы как барские забавы, где по случаю можно чем-то поживиться, на полную мощь включается пропагандистская машина обещаний и увещеваний. Для более просвещённой и политизированной публики власть выносит в студию утешительные призы. Например, в виде «общей демократизации выборных правил», «радикальной демократизации состава Центризбиркома», практики «праймериз» в правящей партии российского парламента, обязанности кандидатов участвовать в предвыборных дискуссиях и т.п. «кунштюки».

Лицемерие этой властной «суеты вокруг дивана», политики власти ради сохранения самой власти, очевидно для всех участников предвыборного шоу. Но это никого уже давно не смущает. Российское общество, как оно есть, с иной практикой, чем эта примитивная разновидность реальной политики, никогда и не сталкивалось. И его большинство в общественно-политической жизни почти инстинктивно руководствуются «правилом трамвая»: «не ищи новых путей – сойдёшь с рельсов!»

Чем же отвечает на это сегодня демократическая оппозиция?

Ординарными, привычными до оскомины инвективами в адрес действующей власти как «криминально-бюрократического режима». Безудержными кавалерийскими атаками на бастионы «зияющих высот», «коррупционных достижений» и бездонной корысти российского «истеблишмента». Теперь вот ещё и бескомпромиссной эксплуатацией темы провала социально-экономической политики правящей в России олигархической элиты. То есть, масштабной контрпропагандистской

кампанией, во многом обоснованной и, на первый взгляд, политически беспроигрышной.

Казалось бы, чего ж еще надобно гражданам от политических оппонентов действующей российской власти? Всё делается ведь как бы «по науке». Во всяком случае, строго по современным методическим пособиям типа «Как взять власть»...

Но российский массовый избиратель вновь глух к демократической оппозиции. Глух, но вовсе не глуп.

Он, конечно же, с привычным недоверием внимает предвыборной пропаганде действующей власти. Но при этом не видит ни малейших оснований доверять свою совесть, свои мозги и карманы её политическим оппонентам. Даже справедливая критика власти нынешней со стороны людей власти вчерашней, либо от лица людей, политически ничем себя не проявивших, в глазах социально-культурного большинства, есть всего лишь пустая болтовня с претензией на злостный обман. Вроде приснопамятных заявок «партия, дай порулить!» эпохи гласности и перестройки (с известным удручающим массового избирателя результатом). Всякому более или менее взыскательному избирателю ясно: даже самая радикальная и яростная семантическая атака на систему ничего не стоит без внятной программы ее переоснования. Такая атака означает борьбу не против существующей системы, а за ее «позитивное» овладение и освоение новыми фигурантами.

В реальной политике всего глупее винить в глупости избирателей. Особенно в период выборов. Вина – моральная категория, обременяющая именно действующих политиков. И тяжкая вина нынешних демократических оппозиционеров в том, что они в решающий момент обнаруживают вопиющую неспособность найти весомые аргументы, перехватывающие у власти формулируемую ею повестку дня. Они также неспособны не то, чтобы произнести, но даже помыслить политически более убедительные слова и оценки, обращённые к сознанию и чувствам большинства избирателей.

Источник этой неспособности, (чреватой на предстоящих выборах не только политической, но и моральной катастрофой всей демократической оппозиции), можно, конечно же, искать и находить в смысловом горизонте извечной «русской колеи». Но более целесообразно и продуктивно – в социально-культурной и политической актуальности.

На мой взгляд, корень зла – в фальшивом, ложном, глубоко ошибочном позиционировании российских демократов. То есть, в неукоренённости их позиции в «духе народа», в её принципиальной отчуждённости от российской народной, исторически обоснованной,

нравственной «шкалы» представлений, убеждений и ценностей. Здесь-то и пролегал глубокая межа взаимного недоверия между большинством российских избирателей и демократически пёстрой оппозицией действующей власти.

Ну и что же делать в столь драматических условиях нынешним демократически мыслящим политикам?

Сценарий первый – инерционно-прагматический: создание российского «демократического колхоза» из наличного материала. То есть, из примелькавшихся фигурантов российской политики с несовпадающими, а то и прямо противоречащими друг другу ценностными установками и мотивациями. Объявленной целью такого «синклита отверженных» российской политики становится обеспечение всего лишь минимального представительства демократической оппозиции в Государственной Думе. С функцией политико-правового плацдарма для участия в будущих президентских выборах.

Как раз на этот проект сделало ставку нынешнее руководство РОДП «Яблоко». Некоторые успехи в его реализации наглядны: формирование общего списка демократических кандидатов на выборах в ГД ФС РФ идёт на организационно-правовой базе и даже по программным условиям партии «Яблоко».

Прагматичность этого политического сценария заслуживает признания. Для её оперативно-тактического успеха, для ограниченного прорыва на выборах 2016 года и более выгодного обустройства российской демократической оппозиции в действующей политической системе сегодня складывается вполне благоприятная конъюнктура. Внутренний кризис системы приобретает злокачественный характер. Именно поэтому власть сегодня мечется в поисках политического выхода. По некоторым косвенным признакам, общая, без чётких и определённых гарантий, внутриэлитная договорённость власти и демократической оппозиции, вероятно, достигнута. Впрочем, и в этом случае речь может идти о гарантии процедуры выдвижения и проведения предвыборной кампании всего лишь без информационного и юридического пресса президентской администрации.

Вместе с тем реалистичность подобного сценария до некоторой степени обесценивается уже чрезвычайной скромностью, непритязательностью такой стратегии. Ведь очевидно же, что общедемократической программы действий сегодня нет. И при нынешнем раскладе сил и состоянии умов в демократическом лагере её создание по существу невозможно. Переговоры об общем списке ведутся, таким образом, на строго персональной основе. Но в таком случае представительством *чего*

станет возможная демократическая фракция в парламенте? Персональных интересов независимых, никому и ничем не обязанных новоизбранных депутатов, объявляющих себя демократами!?

Окончательно обесмысливается такой прагматизм своим полным несоответствием политическим требованиям исторического момента (ситуации). Объективному значению и характеру именно этих выборов. И массовым ожиданиям избирателей.

Выборный цикл на фоне системной турбулентности — это всегда ненадёжность устоявшихся практик и образцов, чреватая пресловутым разрывом шаблонов. Не случайно в российском «политикуме» ныне исподволь нарастает ощущение неуверенности и подозрения в необходимости собственной «смены вех». Во всяком случае, уже сегодня эксперты и практикующие политтехнологи в одном вполне солидарны: предстоящие выборы не будут похожи на те, что были в прошлые годы.

Между тем важнейший вопрос о содержании прогнозируемой «непохожести» остаётся при этом открытым и крайне дискуссионным.

На мой взгляд, российский выборный цикл 2016-18 годов отличается от цикла 2011-12 гг. качественно и даже системно.

В недрах, на подпольных этажах российского общественного сознания сегодня вершатся процессы небывалые. Процессы не вполне понятные, а потому и неподконтрольные власти с её мощной инстинктивностью и запредельной информированностью.

Пробудившись под натиском непрерывного экономического шторма 2008-2016 гг. от нефтедолларовой дрёмы «нулевых», обыденное российское сознание ощутило себя преданным, брошенным вновь на произвол своей и без того нелёгкой судьбы. Ибо «родное» государство без всякого обсуждения приоритетов с обществом кинулось спасать благополучие банков, предоставив утопающим гражданам полную свободу действий в деле собственного спасения.

Неприятно удивлённые столь странной государственной обходительностью, но ко всему привычные, российские граждане привычно возложили ответственность за собственную незащищённость на персону властителя. Благодаря этому власти с немалым трудом всё же удалось подавленные негативные эмоции общества канализировать в русло выборной кампании 2011-2012 годов, «смены власти» и протестного движения «болотного» и «антиболотного» характера.

Президентские «майские указы» 2012 г. стали попыткой власти чрезвычайными мерами сбалансировать общественно-политическую систему. Восстановить изрядно подорванное доверие граждан к государству без отказа от принципов чиновно-олигархического правления.

Вялотекущая «чрезвычайка» потерпела очевидную и весьма предсказуемую неудачу.

Но это уже не вызвало у российских граждан нового шока. Обжигающие впечатления и экзистенциальные переживания, внезапно обрушившегося на россиян психоконтекста «Укрывсир» (Украина-Крым-Сирия), выдавили прежние проблемы и заботы на периферию общественного сознания.

Было бы бесчестным и сумасбродным занятием задним числом винить власть в преднамеренной подготовке и сознательном использовании этих острейших международных проблем для отвлечения российских граждан от внутривластных неудач государства. На самом деле так совпали обстоятельства!

И всё же такое совпадение нельзя полностью отнести к разряду совершенно случайных. Олигархическая система российской власти, совершенно органично, почти по-свойски вписывающаяся в нынешнюю глобальную систему геэкономике, но не располагает устойчивой социальной опорой внутри страны. В силу этого непреодолимого обстоятельства система подвержена закону социально-политической инволюции, прогрессирующего процесса снижения конструктивной сложности, упрощения и системного разложения. И сегодня она оказалась на рубеже, драматизм которого хорошо передается словами принца Гамлета: «Из жалости я должен быть суровым. Несчастья начались, готовьтесь к новым!»

Главное, что сегодня делает предвыборную ситуацию качественно новой – кризис российской государственности. Кризис не просто конкретной формы российской государственности, а именно российской государственности как таковой. Самого идейно-мировоззренческого и культурно-исторического основания суверенного российского государства.

Внешние признаки кризиса российской государственности:

1. Отказ государственной власти от основных социальных обязательств перед обществом и гражданами, уход государства из социальной сферы (но, заметим, не из экономической!). Бесконечные убийственные эксперименты «коммерциализации» и «дебилизации» над общенародными и общегосударственными службами здравоохранения и образования.

2. Рассредоточение государственной монополии на насилие и фактическое наделение этим исключительным правом правоохранительных органов, перевод их в режим «кормления» за счёт общества и граждан в частном порядке. Создание общих условий для оформления ОПГ

в погонах и мундирах. Почти неприкрытые бандитские поборы наряду и отчасти даже вместо государственных налогов (фонд капитального ремонта, фонд платы за тонны «Платон», перевод социальной службы «скорой помощи» в частную собственность, едва прикрываемая фиговым листом «концессионных соглашений» фактическая приватизация стратегической отрасли «Водоканала», и т.д. и т.п. Демонстративный отказ от верховенства Закона, неподсудность «избранных» (Чайка, Сердюков и иные).

3. Подрыв славяно-тюркского диалога и органического синтеза этих культур как несущей конструкции российской государственности (либеральный морально-психологический террор против северокавказских республик и лично Кадырова, подогрев этносепаратистских настроений в Татарстане, идеологизирование реально-политического факта российско-турецкого конфликта и т.д.)

Но глубину кризиса определяют сегодня не столько его внешние признаки сами по себе, сколько формирующееся новое, подлинно кризисное отношение к ним со стороны сложного российского общества.

По данным «Левада – центра»², опубликованным газетой «Ведомости» 20.04.16, за последний год на 10% (с 29 до 39%) выросло число россиян, полагающих, что государство не выполняет свои обязанности перед гражданами. Это число, правда, еще не достигло пикового уровня 2012-13 годов. Но надежды казённых экспертов на то, что выборы 2016 года сыграют роль предохранительного клапана в перегревающейся социальной системе, судя по всему, ошибочны. Не случайно Г. Павловский в своих актуальных комментариях сетует на то, что политические выборы из предохранительного клапана системы превращаются теперь в инструмент радикальной политизации населения и социально-политической ситуации в целом.

В принципе не исключён и второй сценарий политических действий российской демократической оппозиции. Сценарий подлинно альтернативный, в известном смысле даже контркультурный: решительная смена алгоритма российской демократической политики (с меньшевистской - на большевистскую). Однако в данный момент – это, на мой взгляд, слишком уж несвоевременные размышления. Поговорим об этом после выборов.

А теперь, на основании и в связи с уже высказанными здесь суждениями и замечаниями, решусь на острый промежуточный вывод.

---

² Решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 года Центр включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Сегодня я вынужден констатировать собственную горькую уверенность в грядущей катастрофе нынешней демократической оппозиции в России. Конструктивный изъян этой формы оппозиции правящему режиму - её ложное позиционирование в российской политической реальности.

В основе этого ложного позиционирования лежит недопустимое упрощенчество в фундаментальных вопросах философии современной политики. Категорический отказ высшего политического менеджмента фирмы «Яблоко и К» признать цивилизационную индивидуальность России, нежелание копаться в диалектике тесного родства и глубокого своеобразия российской и европейской культур, непонимание природы и характера российского общества и государственности ведут к политически суицидальной с точки зрения российского социокультурного большинства идентификации и самоидентификации «ЯБЛОКА» как «партии европейских ценностей». Но не ценностей российского общества.

Осень 2017 – зима 2018 гг.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(47).083+929

«МИНУЯ НАС, СУДЬБА ВЕРШИТ ДЕЛА...» (О КНИГЕ «ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ»)

Ю.Г. Степанов¹

ГАСО

e-mail: georgyi1964@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются материалы книги «История одной семьи». Издание содержит мемуары и письма русских революционеров, их потомков, участников и очевидцев бурных событий от Николая II до И. Сталина. Авторы воспоминаний и переписки, собранных в книге, прошли три революции, гражданскую войну, сталинский террор. «История одной семьи» является документальным свидетельством трагической судьбы русской интеллигенции на переломе эпох. В книге имеются обстоятельная вводная статья и подробные научные комментарии.

Ключевые слова: Письма, мемуары, партия эсеров, судебный процесс, террор, политика, самодержавие, репрессии, интеллигенция, история России

«BYPASSING US, FATE DECIDES THINGS ...» (ABOUT THE BOOK «THE HISTORY OF ONE FAMILY»)

Yu. G. Stepanov

(Saratov, Russia)

e-mail: georgyi1964@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the materials of the book «History of one family». The publication contains memoirs and letters of Russian revolutionaries, their descendants, participants and eyewitnesses of turbulent events from Nicholas II to I. Stalin. The authors of the memoirs and correspondence collected in the book went through three revolutions, the civil war, and the Stalinist terror. «History of one family» is a documentary evidence of the tragic fate of the Russian intelligentsia at the turn of the era. The book contains a thorough introductory article and detailed scientific commentaries.

Keywords. Letters, memoirs, Socialist-Revolutionary Party, trial, terror, politics, autocracy, repressions, intelligentsia, Russian history

Чтение нашей исторической литературы все чаще навевает ностальгические воспоминания о канувшей в лету советской эпохе. Точнее, о благомудрии и незатейливости «ленинского подхода». Ведь, все в нем было ясно и просто: предтечи большевиков недопонимали, заблуждались, уклонялись. Пришло время и одних - подправили, других - приговорили, а «трудновоспитуемых» отправили на «перековку». И вдруг

---

¹ Степанов Юрий Геннадьевич, к.и.н., главный архивист ОГУ «Государственный архив Саратовской области» (ГАСО).

«все смешалось» в отечестве нашем. Растительная простота «марксизма» кустарно-советского изготовления сменилась «шумом сознания», льющегося со страниц журналов, книг, Интернет-изданий.

Речь, разумеется, не о том, чтобы вернуться к сотворению очередной «единственно верной» концепции. Историческая наука существует там и тогда, где и когда есть методологическая полифония в изучении прошлого. Судьбы советских историков – лучшее тому подтверждение. Другое дело, что в России XXI столетия количество (опусов на исторические темы) вопреки законам диалектики, увы, не переходит в качество нового знания. Напротив, в большинстве «трудов», крикливо анонсирующих то возвращение к «старым истинам», то движение к «новым ориентирам», царят скудость мысли, примитивность умозаключений, небрежение фактами, дурная публицистичность и нетерпимость к оппонентам. Всё, как в худших образцах идеологических штудий советской поры, только под другими знаменами и лозунгами.

В первую очередь, это касается современной историографии русского освободительного движения. Само это понятие ряд исследователей считает «архаичным», «отжившим» и чуть ли не «отрыжкой тоталитарной эпохи». Со своей стороны, подобные суждения считаю поспешными, претенциозными и ничем не обоснованными. Словосочетание «освободительное движение» появилось еще до революции, активно использовалось в советское время, пережило перестроечный нигилизм и закрепилось в терминологии действующих исследователей.

Вероятно, время спокойного и взвешенного изучения трагедии русского освободительного движения еще не пришло. Всего за несколько десятилетий наше общественное мнение галопом промчалось от осанной «пламенным революционерам» до анафемы «террористам-цареубийцам». В замешательстве находится и национальная историческая наука, колеблясь в оценках «тираноборцев» от легкой укоризны до обвинительного приговора.

Вместе с тем, выходят в свет, пусть и небольшим тиражом, воспоминания, биографические материалы, эпистолярное наследие народников и эсеров. Изучение этого наследия «тираноборцев, последовательных, убежденных и ярких представителей политической оппозиции царскому режиму, дарит надежду на подлинно аналитическую работу в изучении феномена русской революционной интеллигенции времен последних Романовых.

В последние годы задачу сохранения нашей исторической памяти выполняет издательство «Новый Хронограф». В предпринятой им серии «От первого лица: История России в воспоминаниях, дневниках, письмах» вышел ряд исключительно ценных книг по истории России XIX–XX вв., позволяющих понять мир чувств и мыслей человека

прошлого, в том числе и тех, кто посвятил себя политической борьбе. Так, в 2018 г. увидели свет интереснейшие воспоминания народовольца и эсера С.А. Никонова, своего рода энциклопедии жизни русского революционера². Пять лет спустя изданы материалы семьи Б.Ф. Тарасова³, современников и соратников С.А. Никонова. Он, к слову, вспоминает о Тарасовых в 1906 г. как о «молодых социалистах-революционерах с солидным уже революционным стажем»⁴. Собственно, Тарасовых и Никоновых объединяют не только общие интересы, партийное прошлое и родственные узы, но и свойственные русской интеллигенции поиски «социальной правды», ради которой, не колеблясь, шли на каторгу и восходили на эшафот несколько поколений русской молодежи.

«История одной семьи» - яркий документ о судьбе человека, в эпоху, когда «мечты отливаются в формы великой и страшной страны». Хронологически, представленные в издании документы, охватывают один из самых трагических и событийных этапов в истории России: со второй половины XIX в. до тридцатых годов XX столетия. Этот период прошлого нашей страны традиционно и с давних времен вызывает большой интерес и дискуссии специалистов, общественности, всех интересующихся национальной историей. Собранные в книге воспоминания, письма и документы насыщены богатым фактическим материалом, анализом важнейших исторических событий и деятельности современников. Важно, что повествование о «днях минувших» ведется от первого лица, непосредственными свидетелями и участниками происходившего.

Изречение - «жизнь дает, но жизнь и забирает» резонно, и по-своему справедливо, но не дает ответ на вопрос, почему и за что, она, порой, отнимает больше, чем дает. По семейству Тарасовых «колесо истории» прошло самым страшным образом. Несколько поколений это семьи испытало на себе все, чем так «богато» наше не столь уж далекое прошлое: аресты, каторга, ссылка, расстрел. Это, как верно сказано в открывающем сборник очерке, «путь, полный страданий и унижений».

Сын священника, юрист, эсер Борис Фавстович Тарасов арестовывался семь раз, четырежды уже при советской власти. Расстрелян в возрасте 65 лет. Его воспоминания и письма - одновременно и мемуары, и размышления, и памятник своему времени. В них красочно, последовательно, детально и точно реконструируется семейный быт, картины

---

² Никонов С.А. Мои воспоминания: из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности: в 3 т. / Под ред. В.А. Соломонова, Е.Е. Федорова. М., 2018. Т 1-3.

³ История одной семьи: (воспоминания, документы, материалы) / Под ред. В.А. Соломонова, Е.Е. Федорова. М., 2023.

⁴ Никонов С.А. Указ. соч. Т. 1. С. 218.

жизни русского провинциального города и путь в революцию. Замечательно описаны в воспоминаниях мир русского гимназиста, студента, молодого человека в поисках истины и смысла жизни, стремящегося выйти из числа «лишних», «праздношатающихся» людей, чтобы словом и делом ответить на «проклятые» вопросы русской жизни. Выходец из большой и дружной семьи, Борис Фавстович сообщает о себе, что уже в 22 года от его религиозности не осталось и следа. На самом деле, думается, он не перестал быть верующим человеком. Как и многие его сверстники, он лишь сменил символ веры, перейдя от поклонения святым образам к поклонению идеалам революции.

Сделав свой выбор, Б.Ф. Тарасов прошел весь путь от зарождения до гибели партии эсеров. Очень интересен описанный им начальный поиск форм борьбы с властью, гротескно сочетающий масштабы замыслов с абсурдом их осуществления, как, например, затея студента И. Распутина, удумавшего бомбометанием с Сухаревой башни поразить экипаж царя-батюшки⁵. Впрочем, такого рода курьезы не помешали партии социалистов-революционеров в считанные годы стать серьезной политической силой.

В жизнеописании Тарасовых отражены свойственные русской интеллигенции бескомпромиссность, жертвенность, подвижничество, героизм и роковые ошибки. Особенно ценными являются сообщаемые авторами документы «мелочи жизни», позволяющие читателю понять прошлое «без гнева и пристрастия», во всем его своеобразии. Очень интересны характеристики современников, таких как великий Лев Николаевич Толстой, будущий классик русской литературы Леонид Андреев, глава боевой организации эсеров Г.А. Гершуни, лейтенант П.П. Шмидт, печально известный провокатор Е.Ф. Азеф. Примечательно, например, аргументированное предположение Б.Ф. Тарасова о том, что пензенскую типографию эсеров выдал именно Азеф.

Саратовская тема в воспоминаниях и письмах семейства Тарасовых - одна из наиболее интересных. К сожалению, нелегальная деятельность эсеров начала прошлого столетия в Пензе почти не привлекала внимания исследователей. Между тем, «жандарм-летописец» А.И. Спиридович считал пензенскую типографию едва ли не хрестоматийным образцом успешной пропагандистской деятельности эсеров. По его словам, «Брешко-Брешковская быстро поставила дело на широкую ногу», чем и «была заложена революционная работа в крестьянстве, получившая дальнейшее развитие в 1902 году и позже, принесшая плоды в 1905 – 1907 годах»⁶.

---

⁵ История одной семьи... С. 119.

⁶ Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. Пг., 1918. С. 91.

Поволжье занимает особое место в воспоминаниях Б.Ф. Тарасов, еще и потому, что провал пензенской типографии и последовавшие затем аресты он приписывает не столько усердию сыскной полиции, сколько предательству Е.Ф. Азефа. Правда, Тарасов честно признает, что не имеет тому доказательств⁷. И «неистовый Бурцев», разоблачивший Азефа, не мог документально подтвердить его причастность к аресту пензенских нелегалов⁸, а вот «гуру» Боевой организации эсеров, «террорист № 1», Б.В. Савинков, прямо указывал, что «пензенскую тайную типографию осветил полиции» именно Е.Ф. Азеф, подтвердив тем самым подозрения Б.Ф. Тарасова⁹.

Уникальными источниками являются «Воспоминания заговорщика» Б.Ф. Тарасова и эпистолярное наследие Б.Н. Никитенко. Что касается предсмертных писем Никитенко, то они, несомненно, займут особое место в нашей историографии как исповедание «с петлей на шее». «Воспоминания» же Тарасова, с протокольной точностью описывают путь русского революционера от ареста до приговора суда. Особенно интересно восприятие автором мемуаров судебного процесса по «делу 18-ти» эсеров во главе с Б.Н. Никитенко, тем более что мемуарист и сам находился в числе обвиняемых по этому громкому делу.

Историки, изучавшие ход судебного разбирательства «по делу о 18-ти лицах», обвинявшихся «в посягательстве на жизнь священной особы государя императора» и других сановных лиц, полагают, что вина подсудимых была доказана. Так, американская исследовательница А. Гейфман убеждена, что виновность подсудимых, вопреки мнению «либеральных юристов», была доказана¹⁰. Той же точки зрения придерживаются и отечественные историки И.М. Леонов¹¹, Ю.В. Варфоломеев¹².

Присяжный поверенный Б.В. Тарасов, прекрасно разбиравшийся в законах, процедуре дознания и юридических нюансах российского правосудия, непосредственно наблюдал за ходом судебного разбирательства со скамьи подсудимых и пришел к иным выводам: следствие *не доказало* существование заговора. Дело даже не в том, был ли заговор, а в том, по словам Тарасова, «с какими данными в руках выступила власть с обвинением против “заговорщиков” и в каком свете дело

---

⁷ История одной семьи... С. 178.

⁸ Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М.: Л., 1927. С. 74.

⁹ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Kharkov, 1926. С. 343.

¹⁰ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997. С. 94.

¹¹ Леонов И.М. «Заговор против императора и II Государственная дума // Вестник Самарского университета. 2009. № 7 (73). С. 73-78.

¹² Варфоломеев Ю. В. Дело лейтенанта Б. Н. Никитенко: покушение на царевубийство в 1907 г. // Вестник Сургутского государственного университета. 2014. № 4 (31). С. 94-105.

обрисовалось перед судом»¹³. Не забудем, что Б.Ф. Тарасов, как верно отметил Я.В. Леонтьев, «был опытным адвокатом, выступал на политических процессах и работал секретарем фракции эсеров во II Государственной думе»¹⁴. Борис Фавстович отметил случаи откровенных подтасовок, нарушений и прямого подлога в ходе судебного разбирательства по «делу 18-ти». Так, например, Е.А. Бибергаль получила 8 лет каторги только за переданный «тючок», не многовато ли за такое «преступление»? Не было серьезных доказательств и вины Б.Н. Никитенко, приговоренного к расстрелу; а что за «свидетель» некто Корнилов, который ничего не видел, не слышал и мистическим образом «пребывал» в один и тот же день и час в противоположных концах Петербурга, можно только догадываться¹⁵. Эти, как и множество других «судебных казусов» того же свойства, приведены в воспоминаниях Тарасова. «Из 18 подсудимых едва шесть человек имели действительное и более или менее прямое касательство к разбираемому судом делу» <...> судьба обвиняемых была предрешена и почти все защитники так и смотрели на них, как на обреченных», - вспоминал внимательно следивший за процессом С.А. Никонов¹⁶. Поэтому так удивляет единодушный хор специалистов, «воспевших» скрупулезный труд следователей и «обоснованный» приговор суда. Представляется, что юрист Тарасов, квалифицированно уличивший следствие и суд в недобросовестности, ближе к истине, чем современные историки, взявшие сторону самодержавной юстиции. Впрочем, внимательный и думающий читатель вправе сделать самостоятельные выводы о процессе по делу Никитенко и его товарищей, ход которого изложен в «Воспоминаниях “заговорщика”» подробнейшим образом.

Я.В. Леонтьев эпиграфом к своей вступительной статье избрал цитату из Варлама Шаламова об эсерах как цвете России. Идеализация эсеров понятна и оправдана. Они были обреченным отрядом последних романтиков революции, готовых не задумываясь отдать жизнь за идеалы свободы и справедливости. Очевидно, им, сохранявшим достоинство и веру в идеалы революции, было просто не суждено уцелеть в адской машине лжи, беззакония и репрессий России постреволюционной. Уже поэтому соратники и единомышленники Тарасовых вызывают искренние симпатии и уважение. И все же, не следует забывать как страшно «век-волкодав» прошелся по судьбам и душам людей, как

---

¹³ История одной семьи... С. 294.

¹⁴ Леонтьев Я.В. Последние из эсеров (жизнь семьи Тарасовых длиною в век-волкодав) // История одной семьи... С. 20.

¹⁵ История одной семьи... С. 231.

¹⁶ Никонов С. А. Борис Николаевич Никитенко // Каторга и ссылка. 1927. № 2 (31). С. 240-241.

разбросал многих из тех, кто прежде плечом к плечу боролся с царским режимом, не ведая, что на смену ему придет режим несравнимо более жестокий и кровавый. «История одной семьи» - это не только семейная хроника, это и биография поколения, беспристрастный документ о тех, кто смог в нечеловеческих условиях сохранить лучшее в себе, и о тех, кому это не удалось. Вчитываясь в повествование о жизни и судьбе Тарасовых, нельзя не поразиться гримасам истории в XX веке. Вот, например, Екатерина Бибергаль, прототип Ассоль в «Алых парусах» А. Грина¹⁷, соратница Бориса и Ольги Тарасовых, сбежавшая с каторги при Николае Кровавом и чудом выжившая в лагерях при Иосифе Сталине. А вот иной пример: Вера Брауде, аристократка по происхождению, активный член ПСР (вплоть до 1917 г.) по убеждениям, а после революции - «человекомашина», как прозвали ее узники, «особая разновидность женщины-садистки»¹⁸, следователь по делам <...> эсеров, с особым наслаждением и рвением истязавшая бывших однопартийцев, например, О.П. Тарасову¹⁹. Как и в случае с Ассоль-Бибергаль, образ Веры-«человекомашины» нашел свое отражение в отечественной словесности. Ей посвящена ныне напрочь забытая книга Е.Н. Наумова «Чекистка». Какие разные жизни и судьбы двух женщин, в юности вместе боровшихся с «гноусностями самодержавия»...

Безусловно, внимательный читатель оценит и сделает самостоятельные выводы, сравнив приведенные в книге описания царской каторги и сталинских лагерей. О честности и объективности этих воспоминаний свидетельствуют факты. Бывший каторжанин Б.Ф. Тарасов упрекает знаменитую В.Н. Фигнер в идеализации заключенных при старом режиме, в умолчании нелюбопытных фактов из их жизни, быта и поведения²⁰. С другой стороны, чудом выжившая в сталинских лагерях Е.Б. Тарасова, пишет «о хороших людях среди работников ГУЛАГА»²¹, хотя, кажется, что «хороший следователь» НКВД, такой же оксюморон, как, например, «сентиментальный мясник».

---

¹⁷ Ныне как-то уже и подзабыли, что писатель-романтик, автор таких шедевров как «Алые паруса» и «Бегущая по волнам», кумир нескольких поколений советской молодежи, Александр Грин - это литературный псевдоним Александра Степановича Гриневского, члена партии эсеров с 1902 года. Для подпольщиков «Долговязый» (подпольная кличка Грина) - был убежденным и преданным делу революции товарищем, а для охраны - опасным рецидивистом, беглым каторжником, «натурой замкнутой, озлобленной, способной на все, даже рискуя жизнью». См.: Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 447.

¹⁸ Игнатов В.Д. Палачи и казни в истории России и СССР. М., 2013. С. 164.

¹⁹ История одной семьи... С. 32.

²⁰ Там же. С. 296.

²¹ Там же. С. 392-396.

Очень хорош собранный в книге иллюстративный ряд, позволяющий увидеть людей того времени. Вглядываясь в фотографии вековой давности – индивидуальные, групповые, семейные – можно одним словом определить то, что разительно отличает этих людей от нас, их потомков, и это слово – достоинство. Да, пожалуй, чувство собственного достоинства, которое давалось им легко и без всякого напряжения, ныне почти утрачено. И, наверное, «неладно что-то в королевстве датском», если такая человеческая фактура канула в прошлое безвозвратно, навсегда, оставив в наследство только письма, мемуары и фото...

«История одной семьи» - книга интересная и нужная. Нет сомнений, что она вызовет интерес читающей и, главное, неравнодушной к нашему прошлому публике. Составителей и редакторов сборника можно лишь поблагодарить за профессионализм и превосходно сделанную работу. Замечание, собственно, всего одно – фактического характера.

По «делу 18-ти» во главе с Б.Н. Никитенко проходил некто Рогальский (его не раз вспоминает Б.Ф. Тарасов). В комментарии поясняется, что это член боевой дружины Севастопольского комитета эсеров Моисей Давидович Рогальский (Булгановский), казненный в 1909 г²². Получается, что Рогальский, приговоренный в 1907 г. к восьми годам каторги, оказался в Севастополе уже через два года. Для той эпохи побег с каторги случай вовсе не редкостный, но, во-первых, мемуаристы (эсер С.А. Никонов и жандарм А.И. Спиридович²³) пишут о Рогальском-Булгановском. Во-вторых, Моисей Рогальский, обвиняемый в налете на одесский банк, был арестован в апреле 1907 г. и содержался под арестом в Одессе²⁴, в то время как его однофамилец проходил по делу «о покушении на цареубийство» и ждал приговора в Санкт-Петербурге.

Подводя итоги жизни, Е.Б. Тарасова задает мучительно тяжелый и страшный вопрос, которым неизбежно задается и «сторонний читатель»: «Хочется понять и объяснить, почему наше время осталось за бортом жизни? Ведь было так много веры в себя и своих друзей. Было столько сил и желания приложить свои руки к общему делу. И ведь таких, как я, было много. Кто виноват в том, что жизнь наша пошла не по тому руслу, и прожили мы, как пустоцветы, не дав радости людям и не

---

²² История одной семьи... С. 451.

²³ Никонов С. А. Борис Николаевич Никитенко. С. 240; Спиридович А.И Указ. соч. С. 368.

²⁴ См.: Бодина К. Дело Рогальского. Судебная ошибка или судебная расправа? // Одесское историко-литературное общество [сайт]. URL: <https://odhislit.com/novosti/delo-rogalskogo-sudebnaya-oshibka-ili-sudebnaya-rasprava> [Дата обращения: 26.05.2023].

чувствуя удовлетворения от прожитой жизни. Мы не щадили себя и отдавали все свои силы, а когда было нужно – и жизни тому, что считали справедливым и верным. Кому же предъявить счёт за все наши такие жизни и судьбы?»²⁵.

Как ответить на этот вопрос, если, конечно, не отделяться банальностью о «революции, пожирающей своих детей»? Думается, эсеры не были без вины виноватыми. Революция, к которой они так стремились, уничтожила не только старый режим, но и накопленную трудами многих поколений роскошь культуры, подразумевавшую право и возможность быть другим. К власти пришли не властители дум, а властители душ. И только они могли теперь радеть о благе народа и говорить от его имени. Другие «народолюбцы», кроме «официально утвержденных», были неуместны, а «тираноборцы» - опасны. Конструирование новой идеологии требовало ликвидации идейных конкурентов, что и было сделано максимально быстро, эффективно и жестоко. Так «народолюбцы» стали «врагами народа». Лес рубят, щепки летят...

«История одной семьи» - всего лишь страничка в истории России, но страничку эту следует прочесть очень внимательно, хотя бы для того, чтобы в очередной раз не заблудиться в поисках ответа на вопросы: кто виноват и что делать.

---

²⁵ Этот текст не вошел в «Историю одной семьи», поскольку уже был опубликован ранее. См.: *Брат А. История одной семьи // Возвращение памяти. Вып. 1. Новосибирск, 1991. С. 50.*

ИСТОРИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ
И ИСТОРИКО-РИТОРИЧЕСКИЙ АГОН:
СОПОСТАВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ЭЛЛИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
В «ПИСЬМЕ К ПОМПЕЮ» ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО
(Часть II)¹

А.А. Сеницын²

РХГА

e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Аннотация. Данная статья является продолжением работы, опубликованной в предыдущем выпуске сборника «История и историческая память» (2022. Вып. 25. С. 178–208). Как было показано, в трактате «Письмо к Помпею» Дионисий Галикарнасский представил увлекательную дискуссию о риторическом мастерстве и учености. Он неоднократно отмечает, что настоящие исследования всегда нацелены на то, чтобы установить истину. Сравнение, которое он здесь проводит, – демонстрация соперничества (в понимании самого Дионисия) между выдающимися писателями прошлого. Платон сопоставлен с Горгием, Демосфеном, Фукидидом. Дионисий сравнивает сочинения первых эллинских историков, указывая на соперничество многих мастеров в этом жанре. Рассматриваются случаи употребления слов *συγγραφεὺς/συγγραφεῖς* и *συγγραφή* в трактате Дионисия. Античный ритор называет «синграфами» Геродота, Фукидида, Феопомпа, ранних ионийских историописателей Гелланика и Харона и один раз – совокупно греческих историков. Привлекаются и другие риторические сочинения галикарнасского филолога, в которых упоминаются синграфы-историки, противопоставленные поэтам и ораторам. В «Письме к Помпею» рассматриваются труды авторов V–IV вв. до н.э., созданные за три–четыре столетия до времени Дионисия Галикарнасского, и критик как бы проводит своеобразный опыт теоретической «археологии». Создается впечатление, что представляя всю эту галерею имен, Дионисий показывает некое состязание – стилей, жанров, тематики и структуры сочинений греческих классиков. При этом сам автор соревнуется с писателями прошлого. Понимая искусность в мастерстве слова как своеобразный агон, растянувшийся во времени, длящийся через века и эпохи, агон раторов, философов, историографов, Дионисий ограничивает круг лучших писателей, и сам вступает в этот круг. Он заявляет, что в ученой риторике «истина дороже», и выдвигает критерии, по которым предлагает

---

¹ Первая часть статьи была опубликована в предыдущем выпуске: Сеницын А.А. Историки, историография и историко-риторический агон: сопоставление классических эллинских писателей в «Письме к Помпею» Дионисия Галикарнасского. Часть I // История и историческая память. 2022. Вып. 25. С. 178–208.

² Сеницын Александр Александрович (Санкт-Петербург), к.и.н., доцент кафедры философии, педагогики и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского.

судить классических авторов. При этом Дионисий осознавал, что современники и потомки будут также судить и его самого по этим же самым критериям.

Ключевые слова: «Письмо Помпею», Дионисий Галикарнасский, историописание, Гелланик, Харон, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, синграфы, Платон, риторика, агон, литературная критика, жанр.

HISTORIANS, HISTORIOGRAPHY
AND HISTORICAL-RHETORICAL AGON:
ON THE JUXTAPOSITION OF HELLENIC WRITERS
IN THE *EPISTULA AD POMPEIUM*
BY DIONYSIUS OF HALICARNASSUS (II)

A.A. Sinitsyn

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Annotation. *This article is a continuation of the work published in the previous issue of the collection "History and Historical Memory" (2022. Iss. 25. P. 178–208). Dionysius of Halicarnassus in his short theoretical treatise entitled "A Letter to Pompeius" presents an exciting discussion on rhetoric mastership and scholarship written in an epistolary genre. The treatise begins with critical remarks Dionysius once addressed to Plato. From the trio of Greek speech-makers who are recognized as the most brilliant in this respect – Isocrates, Plato, and Demosthenes (such was Dionysius's selection) – the Halicarnassean rhetorician deliberately dwells on Plato. Dionysius regards the words συγγραφεύς, ὁ ἱστορικός, ἱστοριογράφος as equivalent and interchangeable. Here, by examining the works by the authors of the 5th – 4th centuries BC (written three-four centuries before his time) Dionysius seems to be performing a peculiar experiment of theoretical "archaeology". But the rhetoric and philological "archaeological" study conducted by Dionysius reveals not only his scholarly interest in the analysis of works of the writers of the past, but also his focus on the present – both in literary and cultural aspects. Plato is under the influence of Thucydides, but Thucydides is inferior to Herodotus, Herodotus produces works that surpass those of Charon and Hellanicus, while Theopompus is superior in style to Demosthenes himself and surpasses Isocrates – the "most brilliant" rhetoricians of the past. By presenting this gallery of names, Dionysius shows comparison as agon – of styles, genres, authors, they subject matters, intensive narrative – and he himself contends with the writers of the past. Seeing mastery of rhetoric as a peculiar agon stretching over centuries and across the agon of rhetoricians, philosophers and historiographers, Dionysius identifies the circle of best writers, and himself joins it. He claims that in the scholarly rhetoric "the truth is dearer still" and establishes the criteria to judge the classic writers. And the critic realizes that he will be judged according to the same (his own) criteria.*

Keywords: "A Letter to Pompeius", Dionysius of Halicarnassus, historiography, Hellanicus, Charon, Herodotus, Thucydides, Xenophon, syngraphers, Plato, rhetoric, agon, literary criticism, genre.

4. По поводу συγγραφεῖς в D.H. EPG VI. 11³

Свой трактат о риторическом мастерстве древнегреческих писателей Дионисий Галикарнасский завершает указанием на значимость проведенного им здесь анализа и сравнения: «Таким образом, изучение взятых нами писателей будет необходимой основой для осваивающих политическое красноречие и представит примеры всех образцов стиля» (D.H. EPG. VI. 11: οὗτοι παραληφθέντες οἱ συγγραφεῖς ἀρκέσουσι τοῖς ἀσκοῦσι τὸν πολιτικὸν λόγον ἀφορμὰς ἐπιτηδείους παραδειγμάτων παρασχεῖν εἰς ἅπασαν ἰδέαν).

В русском переводе О.В. Смыки οἱ συγγραφεῖς передано в данном пассаже как «писатели»; по-видимому, предполагается, что здесь Дионисий имеет в виду не только историографов, но также философов и ораторов — т.е. всех тех греческих авторов, о которых шла речь в этом трактате. Однако основная часть Дионисиева «Письма к Помпею» — последние 2/3 сочинения (главы III–VI) — посвящена сопоставлению историков. Слова συγγραφῆ (со значением «прозаическое сочинение; исторический труд, летопись, история») и συγγραφεὺς («автор прозаических сочинений, писатель; летописец; историк»)⁴ галикарнасский ритор употребляет здесь применительно к греческим историописателям.

В D.H. EPG эти слова встречаются 10 (+ 1) раз, причем 5 случаев приходится на III главу, посвященную сопоставлению Геродота и Фукидида, остальные 5 (+ 1) — на последнюю главу (VI), о Феопомпе

---

³ В статье ссылки на трактат Дионисия Галикарнасского «Письмо к Помпею» (*Epistula ad Pompeium Geminum*) даются в следующем сокращении: D.H. EPG.

⁴ См. словари: Greek-English Lexicon. 9th ed. With Revised Supplement Compiled by H.G. Liddell and R. Scott; Revised and augmented throughout by Sir H.S. Jones; with the Assistance of R. McKenzie and with the Cooperation of Many Scholars. New Supplement. Oxford, 1996. P. 1661, col. 1–2, s.vv. συγγραφεὺς, συγγράφω; *Pape W.* Handwörterbuch der griechischen Sprache: in 4 Bänden. Griechisch-Deutsches Handwörterbuch. Bd. 2. 3. Aufl. 5. Abdr. Bearbeitet von M. Sengebusch. Braunschweig, 1908. S. 962, s.vv. συγγραφεὺς, συγγραφῆ; S. 963, s.v. συγγράφω; *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899 (репр. изд.: М., 1991). Стлб. 1165–1166, сл. ст. συγγραφεὺς, συγγραφῆ, συγγράφω; *Древнегреческо-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского.* Т. 2. М., 1958. С. 1518, стлб. 1, сл. стг. συγγραφεὺς и συγγραφῆ; *The Cambridge Greek Lexicon / ed. by J. Diggle, B.L. Fraser, P. James, O.B. Simkin, A.A. Thompson, S.J. Westripp.* Vol. 2. Cambridge, 2021. P. 1297, s.vv. συγγραφεὺς, συγγραφῆ, συγγράφω.

Хиосском⁵. Приведу отрывки из текста, в которых встречаются слова с основной συγγραφ-:

III. 7: «...но из бывших до него (Геродота. — А.С.) *синграфов* Гелланика и Харона (ἀλλὰ τῶν πρὸ αὐτοῦ συγγραφέων γενομένων Ἑλληνικοῦ τε καὶ Χάρωνος), на ту же тему опубликовавших свои сочинения...»⁶;

— 15: «Что касается содержания, я упомяну еще об одном качестве, которое... мы хотим найти во всех исторических сочинениях (ἐν ἀπάσαις ἱστορίαις), — это отношение *синграфы* (τοῦ συγγραφέως διάθεσιν) к описываемым событиям»⁷;

— 18a: «*Синграфы* в отношении этого достоинства разделяются: ибо Фукидид..., Геродот же... (Διήρηνται τὴν ἀρετὴν ταύτην οἱ συγγραφεῖς· Θουκυδίδης μὲν γὰρ..., Ἡρόδοτος δέ...);»

— 18b: «в этих (αἱ ἀρεταὶ / достоинствах. — А.С.) *синграфы* равны» (ἴσοι κὰν ταῦταις οἱ συγγραφεῖς)⁸;

---

⁵ Ж. Ожак дает пояснение к слову συγγραφεὺς: “historien (souvent couplé avec orateur... et philosophe); prosateur (opposé à poète...); auteur (de manuel didactique...)” (Denys d’Halicarnasse. Opuscules rhétoriques. T. 5: L’imitation (fragments, Épitomé). Première Lettre à Ammée. Lettre à Pompée Géminos. Dinarque / texte établi et traduit par G. Aujac. 3e tirage. Paris, 2002. P. 272 s., для приведенных значений слова здесь указаны пассажи Дионисиевых произведений по «беллетровскому» изданию ритора); и далее пояснение к слову συγγραφῆ: “oeuvre historique (de Théopompe)” (ibid. P. 273, со ссылками на два места из шестой главы «Письма к Помпею»). См. также в глоссарии У.Р. Робертса к слову συγγραφεὺς: “Historian. Dionysius uses in the same sense ἀνὴρ ἱστορικός (ad Pomp. 110.4, 110.24) (with the indication of places in your book — A. S.) and λογογράφοι (‘chronicles’, or perhaps rather ‘prose writers’, de Comp. c. 16)” (Roberts W.R. Dionysius of Halicarnassus. The Three Literary Letters (Ep. ad Ammaeum I, Ep. ad Pompeium, Ep. ad Ammaeum II) / the Greek text edited with English translation, facsimile, notes, glossary of rhetorical and grammatical terms, bibliography, and introductory essay on Dionysius as a literacy critic by W.R. Roberts. Cambridge, 1901. P. 205).

⁶ См. *Alganza Roldán M.* Historiadores, logógrafos o mitógrafos? (Sobre la recepción de Hecateo, Ferécides y Helánico) // *Polymnia*. Vol. 1. 2015. P. 6, 17, 18; на с. 23 помещена таблица (хотя здесь с неточным указанием на пассаж D.H. EPG. III. 6 — sic!).

⁷ И тут же Дионисий сравнивает отношение Геродота и Фукидида к тому, что эти историки описывают в своих трудах: Ἡ μὲν Ἡρόδοτος διάθεσιν... Ἡ δὲ Θουκυδίδου διάθεσιν... (III. 15)

⁸ В обоих пассажах из § 18 речь идет о сопоставлении историков Геродота и Фукидида.

– 21: «Пожалуй, я уже достаточно сказал об *этих синграфах* (ἀπόχρη ταῦτα εἰρηθεῖαι περὶ τούτων τῶν συγγραφέων), о которых можно было еще многое сказать, но об этом в другой раз»⁹;

VI. 2: κατὰ τὴν συγγραφὴν (словом *συγγραφὴ* Дионисий называет произведение хиосского историка Феопомпа, которому посвящена шестая глава трактата);

– 3: διὰ τὴν συγγραφὴν¹⁰;

– 6a: «Ведь все эти [качества] *синграфа* (т.е. изложенные ранее достоинства историка Феопомпа. – А.С.) заслуживают подражания» (πάντα δὲ ταῦτα ζηλωτὰ τοῦ συγγραφέως);

– 6b*: «философствует¹¹ во всей *синграфэ* о справедливости и благочестии, и прочих добродетелях (φιλοσοφεῖ παρ' ὅλην τὴν <συγγραφὴν περὶ>¹² δικαιοσύνης καὶ εὐσεβείας καὶ τῶν ἄλλων ἀρετῶν)...»¹³;

– 7: παρ' οὐδενὶ τῶν ἄλλων συγγραφέων... οὔτε τῶν πρεσβυτέρων οὔτε τῶν νεωτέρων. Обсуждается особое свойство произведений Феопомпа, которое «ни у одного из других *синграфов*... ни старших, ни младших» не проявляется столь сильно, как у хиосского историка. В данном

---

⁹ В D.H. EPG. III. 21 тоже имеются ввиду Геродот и Фукидид – главные герои третьей главы «Письма к Помпею». Этот параграф завершает первый раздел об историописателях; здесь единственный раз *συγγραφεῖς* в переводе О.В. Смыки передано как «историки» (Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 222–233, здесь с. 230). Подробный анализ творчества Фукидида Дионисий представил в трактате «О Фукидиде», где также использовал сравнение афинского синграфа с Геродотом.

¹⁰ Характеризуя принципы историописания Феопомпа, ритор говорит об историческом сочинении.

¹¹ Глагол «философствовать» (φιλοσοφεῖν) Дионисий Галикарнасский зачастую использует в значении «заниматься исследованием».

¹² В данном случае слово *συγγραφὴ* в форме *acc. sing.* и предлог *περὶ* являются дополнительной вставкой; см., например, в «тойбнеровском» издании риторических сочинений Дионисия, подготовленном Германом Узенером (Usener H., Radermacher L. Dionysii Halicarnasei quae extant. Vol. VI. Lipsiae, 1997. P. 246, ad loc.); иначе в комментарии к этому пассажию в старинном издании другого немецкого ученого-филолога Ф. Зильбурга: παρ' ὅλην τὴν ἱστορίαν (Dionysii Halicarnassei scripta quae extant, omnia, et historica, et rhetorica. Vol. 2: Rhetoricos eius et criticos libros continens, duobus tractatibus nusquam ante vulgatis auctus / opera et studio F. Sylburgii Veterensis. Francofurdi, 1586. P. 132, n. 28, ad loc.); ср. у Ж. Ожак (Denys d'Halicarnasse. Opuscules rhétoriques. T. 5. P. 98, n. ad loc.), где даны ссылки на Г.К. Узенера и Ф. Зильбурга.

¹³ Речь идет о дополнительных достоинствах исторического труда Феопомпа.

случае, равно как и в двух пассажах предыдущей, шестой, главы, речь идет не о писателях вообще, но о сочинителях исторических произведений.

— 11: «Вот этих взятых (для рассмотрения в данном трактате. — А.С.) синграфов достаточно (οὗτοι παραληφθέντες οἱ συγγραφεῖς ἀρκέσουσι)...» Это предложение полностью приведено в начале раздела.

Обратим внимание на то, что слова συγγραφεὺς и συγγραφῆ отсутствуют в средней части трактата, которая посвящена историописателям, их нет в главе IV, где автор сопоставляет Ксенофонта с Геродотом, и в главе V, где говорится о Филисте, который сравнивается с Фукидидом.

Пассаж D.H. EPG. IV. 1 О.В. Смыка передает так: «Ксенофонт и Филист, которые достигли расцвета славы уже после Геродота и Демосфена, не схожи друг с другом ни по натуре, ни по направлению, которого придерживались». Хотя, замечу, что последняя пара — предшественники историков IV века, указанные в начале предложения — в оригинальном тексте не названа: Ξενοφῶν δὲ καὶ Φίλιτος οἱ τοῦτοις ἐπακμάσαντες οὔτε φύσει ὁμοίαις εἶχον οὔτε προαιρέσει. Упоминание «отца истории» здесь резонно, поскольку предыдущая глава трактата (III) посвящена сравнению его «Истории» с историческим трудом Фукидида, а в четвертой главе сравниваются Геродот и Ксенофонт¹⁴. Упоминание же Демосфена в IV. 1 неуместно.

Афинскому оратору Дионисий посвятил отдельный трактат, который сохранился. В «Письме к Помпею» Демосфен фигурирует в I и II главах, а в пассаже III. 20 Дионисий называет его подражателем Фукидида. Есть еще одно упоминание оратора в последней главе, где грамматик сравнивает стиль историка Феопомпа с демосфеновским (VI. 10). Как было отмечено в первой части работы¹⁵, автор называет Демосфена одним из «самых блистательных» (λαμπρότατοι) греческих писателей (I. 5). Третья глава «Письма» представляет собой цельный эпизод, который полностью посвящен двум великим синграфам. В самом начале этой главы Дионисий пишет: «Если же я должен о них (о пятерке лучших историков, названных в EPG. III. 1. — А.С.) высказаться, вот что я думаю о Геродоте и Фукидиде» (III. 2); заканчивается раздел такой

¹⁴ Denys d'Halicarnasse. Opuscles rhétoriques. T. 5. P. 18–19, 73–75.

¹⁵ См. Симицын А.А. Историки, историография и историко-риторический агон... С. 184.

фразой (III. 21): «я уже достаточно сказал об этих историках...»¹⁶ В третьей главе по одному разу названы синграфы Гелланик и Харон, лирик Пиндар и оратор Демосфен, но по сути о «блистательном» ораторе речь здесь не идет (равно как и о трех других древних писателях — поэте и двух историках), Демосфен лишь упомянут *ad locum* в связи с одной из главных персон этой главы — Фукидидом. К тому же Дионисий Галикарнасский, как знаток творчества Демосфена, должен был учитывать хронологические диспропорции: Ксенофонт и Филист (оба ровесники, даты их жизни примерно совпадают: ок. 430 – ок. 355 гг. до н.э.) творили в первой половине IV в. до н.э., а Демосфен (384–322 гг. до н.э.) был на полтора-два поколения младше афинского и сиракузского историков, и расцвет его творчества как оратора и логографа (т.е. составителя судебных речей) приходится на вторую половину того же столетия. Таким образом, названные в начале IV главы историки становятся ἐπακμάσαντες, бесспорно, *после* Геродота, но *до* Демосфена.

В «Письме к Помпею» слова с корнем ἱστορ- Дионисий использует чаще, нежели с другим «историографическим» значением. В разных формах слова ἱστορία, ἱστορικός, ἱστορέω, ἱστοριογράφος¹⁷ встречаются в этом трактате 17 раз¹⁸. И опять же употребления слов с ἱστοр- (кроме I. 8 и дважды в гл. IV) присутствуют лишь в том разделе, где сравниваются исторические труды Геродота и Фукидида (гл. III), и в последней главе о Феопомпе (VI). А в главах, посвященных историкам Ксенофону и Филисту, слова, имеющие значение «историописания», (почти) не встречаются. Единственный раз говорится, что ἀνὴρ φιλοσοφός Ксенофонт «выбирал прекрасные и величественные темы для своих *исторических сочинений* (τὰς ὑποθέσεις τῶν ἱστοριῶν ἐξελέξατο καλὰς καὶ μεγалоπρεπεῖς)» (IV. 1).

Дионисий считает Ксенофонта подражателем Геродота, но ни Ксенофонта, ни Филиста (уж если последнего и можно отнести к историкам «второго плана», то про первого мы так не скажем) он не называет «синграфами». Оба эти историописателя идут следом за парой «отцов» исторической прозы — Геродотом и Фукидидом — и предшествуют *великому синграфу*, каковым галикарнасский ритор почитал Феопомпа.

---

¹⁶ Обзор третьей главы трактата Дионисия с комментариями и литературой см. *Синицын А.А.* Историки, историография и историко-риторический агон... С. 193–202.

¹⁷ В D.H. *EPG.* III. 1 есть один случай, где названы ἱστοριογράφοι («историописатели»).

¹⁸ Без учета пассажа VI. 6, который указывал Ф. Зильбург (см. выше, прим. 12).

Общеизвестен парадокс: историк Фукидид, который считается основоположником античной (и не только) исторической науки, в своем историческом труде ни разу не использует слово *ἱστορία* и однокоренные с ним. В отличие, кстати сказать, от Геродота, в сочинении которого «историографическая» лексика появляется неоднократно. В словаре Дж.Э. Пауэлла отмечено 22 случая употребления разных форм этого слова¹⁹. А его младший современник Фукидид пользуется сугубо «(к)синграфической» лексикой. В «Истории Пелопоннесской войны» около 20 раз встречаются слова с основой *ξυγγραφ-*. Сошлюсь на фукидидовский лексикон, составленный Э. Бетаном; швейцарский филолог указывает 16 случаев употребления форм глагола *ξυγγράφειν* (“*conscribere*”), два места для *ξυγγραφεύς* (“*scribendis legibus*”) и еще два — для *ξυγγραφή* со значениями “*scriptura*” и “*historia*”²⁰. В пассаже Thuc. I. 97. 2 говорится об *истории* Аттики, написанной Геллаником: ἐν τῇ Ἀττικῇ *ξυγγραφῇ* Ἑλλάνικος. По числу употреблений «синграфической» лексики Геродот «уступает» своему младшему коллеге-историку. Глагол *συγγράφω* «отец истории» использует в своем труде в разных формах 6 раз в значении «запись в письменной форме», а *συγγραφή* встречается единственный раз в Hdt. I. 93. 1²¹.

Форма глагола *ξυγγράφω* появляется уже в «зачине» произведения, буквально в первой строке, где историк сообщает о себе и своем труде (Thuc. I. 1). Фукидидовское *ξυνέγραψε τὸν πόλεμον* можно передать как «письменно изложил историю войны» (ср. в переводе Ф.Г. Мищенко: «Фукидид афинянин написал историю войны между пелопоннесцами и афинянами...»). Поэтому существительное *ξυγγραφή* издатели труда афинского историка иногда выносили в заглавие: ΘΟΥΚΥΔΙΔΟΥ ΕΥΤΤΡΑΦΗ («История» Фукидида); причем это можно встретить не только в публикациях этого источника на новогреческом языке.

Фукидид — синграф *par excellence* — был очень популярен среди риториков и историков I в. до н.э. Об афинском историописателе сохранились отзывы многих греческих и римских авторов, в том числе и у Дионисия Галикарнасского. Сошлюсь на работу Лучано Канфоры, в

¹⁹ Powell J.E. A Lexicon to Herodotus. 2nd ed. Hildesheim, 1960. P. 174, col. 2, s.v. *ἱστορέω* (17) + *ibid.*, s.v. *ἱστορίη* (5), со значениями “*enquiry; results of enquiry*”.

²⁰ Bétant É.-A. Lexicon Thucydideum. Vol. 2. Genevae, 1847. P. 177-178, s.vv. *ξυγγράφειν*; *ξυγγραφεύς*; *ξυγγραφή*.

²¹ См. Powell J.E. A Lexicon to Herodotus. P. 340, col. 2, s.v. *συγγραφή* (“*recording*”).

которой собран значительный материал о Фукидиде в древнем Риме²², с обширной библиографией по теме; а также на статью в недавнем сборнике по рецепции Фукидида²³. Об известности и авторитете афинского историка в эллинистический период см. у С. Хорнблауэра²⁴.

Суждения о Фукидиде содержатся в дионисиевых трудах «О Демосфене» (*De Dem. dict.* I, II, IV, VI, IX, X, XV, XXXIX), «О Лисии» (II, III, IV), «О соединении слов» (IV, VII, X, XVIII, XXII) и других²⁵. Отзывы ритора о мастерстве афинского историка зачастую возвышенные; вот пара примеров: «Итак, кто не согласится, что полон достоинства (ἀξιωματικῶς) и величав (μεγαλοπρεπῶς) склад речи Фукидида в его “Надгробном слове”» (*De comp. verb.* XVIII. 3); «Поэтому по заслугам он (Фукидид. — А. С.) представляется нам возвышенным (ὑψηλός) и красноречивым (καλλιεπής)...» (*De comp. verb.* XVIII. 8)²⁶.

Но все же Дионисий занимает особое место среди античных критиков Фукидида. Как заметил Х. Зоннабенд, «An der Spitze der Skeptiker stand der griechische Rhetor und Historiker Dionysios von Halikarnassos...»²⁷ К.К. де Йонге в работе «Дионисий Галикарнасский о

---

²² *Canfora L.* Thucydides in Rome and Late Antiquity // Brill's Companion to Thucydides / ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden; Boston, 2006. P. 721–753.

²³ *Fromentin V., Gotteland S.* Thucydides' Ancient Reputation // A Handbook to the Reception of Thucydides / ed. by C. Lee, N. Morley. Malden, MA; Oxford, 2015. P. 14, 16–18, 19.

²⁴ *Hornblower S.* The fourth-century and Hellenistic Reception of Thucydides // *Journal of Roman Studies*. Vol. 115. 1995. P. 47–68; см. также: *Wiater N.* The Ideology of Classicism: Language, History, and Identity in Dionysius of Halicarnassus. Berlin; New York, 2011; *Iglesias-Zoido J.C.* Thucydides in the School Rhetoric of the Imperial Period // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 52. 2012. № 3. P. 393–420; *Kennedy S.* A Classic Dethroned: The Decline and Fall of Thucydides in Middle Byzantium // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 58. 2018. № 4. P. 608 ff., где дан обзор римской и византийской историографии о Фукидиде (р. 608, п. 5 и 609, п. 6, где указана важная литература).

²⁵ См. обзор в предисловии Ж. Ожак к IV тому «Opuscules rhétoriques» Дионисия: *Denys d'Halicarnasse. Opuscules rhétoriques. T. 4: Thucydide. Seconde Lettre à Ammée / texte établi et traduit par G. Aujac.* 3e tirage. Paris, 2002. P. 18–33.

²⁶ Оба пассажа цитируются в переводе М.Л. Гаспарова (с изменениями) по изданию: Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // *Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи.* М., 1978. С. 167–221, здесь с. 195 и 196, соответственно.

²⁷ *Sonnabend H.* Thukydides. Hildesheim; Zürich; New York, 2004. S. 83, со ссылкой на работу Г. Вилле “Zu Stil und Methode des Thukydides” (*Wille G. Zu Stil und Methode des Thukydides // Thukydides / hrsg. von H. Herter.* Darmstadt, 1968. S. 683–716); ср. *Sonnabend H. Thukydides.* S. 105.

Фукидиде»²⁸ объясняет истоки этого «не в меру строгого суда» Дионисия над Фукидидом, учитывая критическую позицию галикарнасского ученого в отношении историографии (и литературы в целом) и принципов написания истории, а также принимая во внимание специфику современной Дионисию римской аудитории I в. до н.э., на которую он ориентировался. Критическими замечаниями в адрес афинского историка наполнен рассматриваемый трактат, третья глава которого полностью посвящена сравнению исторических трудов Геродота и Фукидида, и, как уже было отмечено, почти во всех случаях, не в пользу второго.

В предложении из финала «Письма к Помпею» (VI. 11), которое процитировано в начале этого раздела, ритор подводит итог своих рассуждений. Это предложение начинается с указательного местоимения мужского рода во множественном числе οὗτοι, которое относится к οἱ συγγραφεῖς и указывает на писателей, о которых перед этим шла речь в тексте, а именно на *историко*-писателей, избранных Дионисием для обсуждения в качестве образцовых авторов. Здесь «синграфами» названы служители Клио, в первую очередь, Геродот, Фукидид и Феопомп. Но συγγραφεῖς относится и к ранним историописателям — Гелланику и Харону²⁹, а также Дионисий употребляет это слово для определения всех эллинских историков совокупно (VI. 7). Слово συγγραφή с основным смысловым содержанием «историческое сочинение» во всем корпусе риторических трудов Дионисия встречается трижды, и все три случая приходятся на «Письмо к Помпею», где оно использовано только по отношению к произведениям Феопомпа Хиосского (VI. 2, 3 и 6b*).

В русском переводе «Письма к Помпею» слова συγγραφεὺς / συγγραφεῖς, συγγραφή О.В. Смька всюду (кроме III. 21, на что было указано выше) переводит как «автор», «писатель», «писатели», «сочинение», хотя в трактате во всех случаях Дионисий имеет ввиду *исторические* сочинения и *историописателей*. Приведу несколько вариантов перевода на европейские языки пассажа D.H. EPG. VI. 11. Так, в старом французском издании риторических трудов Дионисия Галикарнасского начало последнего предложения «Письма» передано: “Tels

---

²⁸ de Jonge C.C. Dionysius of Halicarnassus on Thucydides // The Oxford Handbook of Thucydides / ed. by R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster. Oxford, 2017. P. 641–658.

²⁹ D.H. EPG. III. 7: τῶν πρὸ αὐτοῦ (т.е. Геродота. — А.С.) συγγραφεύς γενομένων Ἑλληνικοῦ τε καὶ Χάρωνος, κτλ.

sont les historiens..."³⁰; а в английской версии У.Р. Робертса: "The study of these historians..."³¹; во французском издании "Les Belles Lettres": "Les historiens ici présentés..."³²; еще один английский перевод, изданный в классической серии "Loeb Classical Library": "The comparison of these historians..."³³ Как видим, во всех приведенных версиях слово συγγραφεῖς, встречающееся у Дионисия, передано как «историки» ("les historiens", "historians"), т.е. те писатели, творчество которых Дионисий анализирует в III–VI главах своего «Письма».

Замечу, что в «беллетровском» собрании дионисиевых "Opuscles rhétoriques" издательница Ж. Ожак всюду передает συγγραφεὺς, συγγραφεῖς, συγγραφὴ в этом трактате как «историк(и)», «история», «исторический»: ("historien, historiens, histoire, historique"). Ожак дает пояснение к слову συγγραφεὺς: "historien (souvent couplé avec orateur... et philosophe); prosateur (opposé à poète...); auteur (de manuel didactique...)"³⁴.

В риторических произведениях Дионисия за пределами «Письма к Помпею» слово συγγραφεῖς неоднократно сопряжено с ποιηταί, и, как видно из контекста, в таком сочетании синграфы-историки противопоставлены поэтам³⁵. Укажу несколько мест, где встречается эта пара:

De Thuc. I. 1: ποιητὰς τε καὶ συγγραφεῖς;

De Dem. dict. XXXVII. 3: ποιητῶν τε καὶ συγγραφέων;

De comp. verb. III. 6: ποιητῶν μὲν..., συγγραφέων δὲ...;

– IX. 1: ποιοῦσι ποιηταί τε καὶ συγγραφεῖς;

– XV. 13: οἱ χαριέστατοι ποιητῶν τε καὶ συγγραφέων;

– XXII. 10: ποιητῶν μὲν..., συγγραφέων δὲ...

³⁰ Denys d'Halicarnasse. Examen critique des plus célèbres écrivains de la Grèce / traduit en français la première fois, avec des notes et texte en regard, collationné sur les manuscrits de la bibliothèque du roi et sur les meilleures éditions par E. Gros. T. 2. Paris, 1826. P. 135.

³¹ Roberts W.R. Dionysius of Halicarnassus. The Three Literary Letters... P. 127.

³² Denys d'Halicarnasse. Opuscles rhétoriques. T. 5. P. 99.

³³ Dionysius of Halicarnassus. Critical Essays: in 2 volumes / with an English transl. by S. Usher. Vol. 2: On Literary Composition. Dinarchus. Letters to Ammaeus and Pompeius. Cambridge, MA; London, 1985. P. 399.

³⁴ Denys d'Halicarnasse. Opuscles rhétoriques. T. 5. P. 272 s. Для приведенных значений слова здесь указаны пассажи Дионисиевых произведений по «беллетровскому» изданию. См. пояснение к слову συγγραφὴ: "oeuvre historique (de Théopompe)" (Ibid. P. 273), со ссылками на два места из главы VI трактата.

³⁵ Ср. пояснение У.Р. Робертса: "συγγραφεὺς is also used by Dionysius ... of a prose writers, as distinguished from ποιητής" (Roberts W.R. Dionysius of Halicarnassus. The Three Literary Letters... P. 205, s.v. συγγραφεὺς).

Обратим внимание на два показательных момента в трактате «О соединении слов»: III. 6 и XXII. 10. В первом из них названы *поэт* и *синграф* в качестве образцовых сочинителей, по которым «можно составить представление об остальных [поэтах и синграфах]»: λαμβανέσθω δὲ ποιητῶν μὲν Ὅμηρος, συγγραφέων δὲ Ἡρόδοτος («Возьмем же из *поэтов* Гомера, а из [историко]писателей — Геродота»).

И сходное же построение с противопоставлением интересующих нас слов встречается здесь в XXII главе, когда Дионисий избирает в качестве примеров для обсуждения τῶν ἐπιφανέστατων ἀνδρῶν двух других поэта и синграфа: ποιητῶν μὲν οὖν Πίνδαρος ἀρκέσει παραληφθεῖς, συγγραφέων δὲ Θουκυδίδης («Из *поэтов* достаточно взять Пиндара, а из [историко]писателей — Фукидида»).

Таким образом, в том и в другом случаях великим поэтам древности Гомеру и Пиндару противопоставлены великие эллинские историки (συγγραφεῖς) V в. до н.э. — Геродот и Фукидид.

С такого же противопоставления Дионисий начинает сочинение «О Фукидиде» (I. 1, 3): «В изданных мною ранее трудах о подражании (περὶ τῆς μιμήσεως) ... уже обсуждались *поэты и синграфы* (ποιητὰς τε καὶ συγγραφεῖς), почитаемые наиболее знаменитыми. <...> Обсуждая *синграфов* (τῶν συγγραφέων), изложил я свое мнение о Фукидиде, но кратко и лишь в основных чертах».

Использованное здесь ритором слово συγγραφεῖς в переводе И.П. Рушкина в обоих случаях передано как «историки», причем здесь же назван и синграф-историк Фукидид, анализу труда которого Дионисий посвящает это исследование. См., однако, в новом французском переводе «зачина» этого сочинения: “les poètes et les *prosateurs*”³⁶, также и во втором случае (ibid., I. 3): “au chapitre des *prosateurs*”³⁷; ср. в *Lexique general* к Дионисиевому корпусу, составленному Ж. Ожак: “*prosateurs* (opposé à poète)”, со ссылкой на D.H. *De Thuc.* I. 1 и указанием других пассажей, где Дионисий употребляет это слово в значении «прозаик»³⁸. Сходным образом первое предложение трактата «О Фукидиде» передано по-английски С. Ашером: “poets and *prose authors*”³⁹; ср. также в

³⁶ Denys d’Halicarnasse. Opuscules rhétoriques. T. 4. P. 43.

³⁷ Ibid.

³⁸ Denys d’Halicarnasse. Opuscules rhétoriques. T. 5. P. 273, ad loc.

³⁹ Dionysius of Halicarnassus. Critical Essays: in 2 volumes / with an English transl. by S. Usher. Vol. 1: Ancient Orators. Lysias. Isocrates. Isaeus. Demosthenes. Thucydides. Cambridge, MA; London, 1974. P. 463.

латинском переводе Й.Я. Райске⁴⁰ и в английской версии У.К. Притчетта (“writers of poetry and prose”)⁴¹.

В трактате «О соединении слов» поэты указаны в паре с логографами и тем самым обособлены от них. В современном антиковедении стало *locus communis* называть ионийских историописателей-«догеродотиков» (творивших до Геродота или в одно с ним время) «логографами». Понятие это прижилось и утвердилось в нашей науке, но, надо сказать, что оно является историографическим конструктом, истоки которого идут из немецкой классической филологии XIX в., и который не имеет отношения к определяемому им явлению, т.е. к творчеству «праотцов истории». В Д.Н. *De comp. verb.* XVI. 1 говорится: «Стремясь воочию представить свой предмет, поэты и прозаики (οἱ ποιηταὶ καὶ λογογράφοι) сами составляют для того уместные и наглядные слова, как уже было мною сказано, или перенимают наиболее изобразительные слова, составленные прежними писателями <...>»⁴².

Во всем корпусе риторических трудов Дионисия Галикарнасского слово λογογράφοι встречается единственный раз именно здесь. В этой части трактата «О соединении слов» говорится о приятной и красивой речи, о мелодии и ритме поэтических сочинений, приводятся цитаты из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, даны ссылки на Платоновского «Кратила» и философа-перипатетика Феофраста (гл. XV–XVII), а потом ритор переходит к обсуждению ритма произведений Фукидида, Платона, Демосфена и других писателей (гл. XVIII). В процитированном отрывке слово λογογράφοι означает не конкретно «праотцов истории» (которых сам Дионисий обычно именуем [ἀρχαῖοι] συγγραφεῖς или ἱστορικοί), но

---

⁴⁰ Dionysii Halicarnassensis opera omnia. Graece et Latine (cun annotationibus H. Stephani, F. Sylburgii, F. Porti, I. Casauboni, F. Ursini, H. Valesii, I. Hudsoni et I.I. Reiske). Vol. 6: Ex scriptis rhetoricis et criticis Epistolam Primam ad Ammaeum, Epistolam ad Cn. Pompeium, Epistolam Secundam ad Ammaeum, Iudicium de Thucydidis historiis, et Librum de Admiranda vidicendi in Demosthene (curavit I.I. Reiske). Lipsiae, 1777. P. 810.

⁴¹ Pritchett W.K. Dionysius of Halicarnassus. On Thucydides / with transl. and comm. by W.K. Pritchett. Berkeley; Los Angeles; London, 1975. P. 1. См. комментарий Притчетта к данному месту трактата: “The word συγγραφεὺς, here used for a prose-writer, sometimes means ‘historian’ in Dionysius” (ibid. P. 47, n. 4), со ссылкой на: Roberts W.R. Dionysius of Halicarnassus. The Three Literary Letters... P. 205.

⁴² Перевод М.Л. Гаспарова по изд.: Дионисий Галикарнасский. О соединении слов. С. 190.

вообще писателей прозаических произведений (ср. в английском переводе этого места: “The poets and *prose-writers*...”⁴³).

Там, где Дионисий говорит о сочинителях прозы, а не о стихотворцах (ποιηταί), противопоставляя, например, ораторов — синграфам, под последними обычно подразумеваются историописатели (правда, в двух случаях контекст не позволяет утверждать это однозначно). Так, в сочинении «О древних ораторах» Дионисий заявляет, что намерен рассмотреть творчество «наиболее значительных из древних *ораторов* и *синграфов* (ἀξιολογώτατοι τῶν ἀρχαίων ῥητόρων τε καὶ συγγραφέων)» (D.H. *De ant. orat.* IV). Подобное различение прозаических авторов встречаем и в начале «Второго письма к Аммею», где ученый рассуждает об историке Фукидиде, и где синграфы обособлены от ораторов: «Я полагал, что достаточно выявил характер Фукидида, описывая важнейшие из присущих его языку особенностей, тех, которые, по моему мнению, особенно отличают его от предшествующих ему *ораторов* и *синграфов* (τῶν πρὸ αὐτοῦ ῥητόρων τε καὶ συγγραφέων)» (D.H. *Ep. ad Amm.* II. I. 1).

Исходя из контекста, слово συγγραφεῖς здесь означает не в общем смысле «писатели», но конкретно «*историописатели*», которые отделены от ораторов; последние тоже, разумеется, писатели, но творящие в ином прозаическом жанре литературы. Ср., например, перевод этого пассажа Ж. Ожак: “des orateurs et des *historiens*”⁴⁴; но иначе у Й.Я. Райске: “*oratoribus et scriptoribus*”⁴⁵. И в этом «Письме к Аммею» Фукидид неоднократно назван «синграфом», как, например, в D.H. *Ep. ad Amm.* II. I. 2; II. 1: «По твоему (здесь и во втором случае, который приводится ниже, Дионисий обращается к своему адресату Аммею. — А.С.), особенности характера Фукидида были бы показаны вернее, если бы вместе с каждым своим утверждением я приводил *слова самого историка* (τὰς λέξεις τοῦ συγγραφέως), как поступают сочинители руководств и введений в искусство красноречия» (I. 2); «Чтобы тебе было легко следовать моему рассказу, я приведу дословно то, что мне случилось ранее сказать *об этом историке* (περὶ τοῦ συγγραφέως) (т.е. Фукидиде. — А.С.) <...>» (II. 1)⁴⁶.

⁴³ Roberts W.R. Dionysius of Halicarnassus on Literary Composition. Being the Greek text of the *De compositione verborum* / edited with introduction, translation, notes, glossary, and appendices by W.R. Roberts. London, 1910. P. 159. Ср. Roberts W.R. Dionysius of Halicarnassus. The Three Literary Letters... P. 205: συγγραφεὺς — “historian” (см. цитату выше, прим. 70).

⁴⁴ Denys d’Halicarnasse. Opuscules rhétoriques. T. 4. P. 129.

⁴⁵ Dionysii Halicarnassensis opera omnia. P. 788.

⁴⁶ Оба пассажа цитируются в переводе И.П. Рушкина по изд.: Дионисий Галикарнасский. О Фукидиде. С приложением второго письма к Аммею / Пер. и прим. И.П. Рушкина // Аристей. Т. 9. 2014. С. 190–256, здесь с. 245.

Возвращаясь от «Второго письма к Аммею» к основному предмету обсуждения, «Письму к Помпею», отмечу, что в этом трактате слова συγγραφεὺς, ἱστορικὸς и ἱστοριογράφος являются равнозначными и взаимозаменяемыми. Складывается впечатление, что иногда Дионисий «чередует» συγγραφεὺς и ἱστορικὸς, чтобы избежать повторов, когда он использует одно за другим слова со сходным «историографическим» значением, как, например, в пассаже D.H. EPG. III. 15: ... ἐν ἀπάσαις ἱστορίαις ζητοῦμεν, τὴν αὐτοῦ τοῦ συγγραφέως διάθεσιν, κτλ.

5. Замечание о риторической «археологии» в трактате Дионисия

В начале III главы EPG (§ 1), приступая к анализу произведений историков, галикарнасский филолог упоминает три своих исследования о подражании (περὶ μιμήσεως); второе из них посвящено анализу того, «каким именно поэтам, и философам, и историописателям, и риторам надо подражать» (περὶ τοῦ τίνας ἄνδρας μιμεῖσθαι δεῖ ποιητὰς τε καὶ φιλοσόφους, ἱστοριογράφους <τε> καὶ ῥήτορας). Стихотворцы (ποιηταί) здесь названы совокупно, а авторы прозаических произведений разделены по видам литературы: философская, историческая и риторическая.

Специально о поэтах в этом трактате речь не идет, лишь дважды здесь упоминается Гомер: об эпическом поэте говорится в связи с Платоном и с Геродотом⁴⁷. Также к месту, чтобы сослаться на авторитетное суждение древнего поэта (здесь ритор критикует Фукидида за избыточность, которая «доводит читателей до изнеможения»), приводится известная цитата из лирика Пиндара⁴⁸. И однажды Дионисий указывает (III. 21) на то, что исторические труды Геродота и Фукидида он считает «поэтическими» (см. раздел 3. III).

От второй книги «О подражании» сохранилось предисловие и то, что «Дионисий цитирует в подлинном виде в “Письме к Помпею” — это суждение о Геродоте, Фукидиде, Ксенофонте и Феопомпе, т.е. о главных историках», — как пишет С.И. Соболевский⁴⁹. Но к списку четырех названных здесь историков следует, конечно, добавить еще и

---

⁴⁷ D.H. EPG. I. 13, где афинский философ назван критиком Гомера, и III. 11, где «отец истории» назван подражателем Поэта-«первоисторика».

⁴⁸ D.H. EPG. III. 12 = Pind. Nem. VII. 52: «Пресыщают / Даже мед и милые цветы Афродиты» (пер. М.Л. Гаспарова по изд.: Пиндар. Немейские песни // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980. С. 141).

⁴⁹ Соболевский С.И. Дионисий Галикарнасский // История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. Т. 3. М., 1960. С. 157–166, здесь с. 160.

пятого — Филиста, которого С.И. Соболевский почему-то упустил. Ведь, несмотря на то, что Дионисий больше критикует, нежели хвалит Филиста, он включает этого сицилийского автора в пятерку выдающихся классических историописателей, коих он избрал как наиболее достойных подражания (D.H. *EPG.* III. 1, IV. 1; V, *passim*), и труды которых, как он сам свидетельствует, ранее обсуждал в своих книгах о подражании. В «Письме к Помпею» Дионисий представил подробный анализ трудов лучших историков V–IV вв. до н.э. — τοὺς ἄνδρας εἰς μίμησιν ἐπιτηδεύοντάτους. По мнению критика, они были и первыми, и последними из великих историописателей прошлого.

Дионисий считает, что упадок в литературе начинается с последней четверти IV в. до н.э., после Александра Великого. Поэтому пора образцового стиля ограничивается, по мнению галикарнасского ученого, классическим периодом, когда творили настоящие мастера⁵⁰. Замечание о времени Александра, деяния которого стали рубежом эпох (и в риторике и литературе, и в широком, политическом и общекультурном, смысле), встречаем в начале Дионисиева труда «О древних ораторах»⁵¹. В «Письме к Помпею» критик не упоминает об этом рубеже, но и здесь он рассматривает только писателей классической эпохи.

---

⁵⁰ Russell D. Dionysius (7) // The Oxford Classical Dictionary. 4th / ed. by S. Hornblower, A. Spawforth, and E. Eidinow. Oxford, 2012. P. 460: “He (Дионисий. — A.C.) doubtless thought of it as exemplifying his literary teaching, which was directed towards restoring Classical prose after what he saw as the aberrations of the Hellenistic period”.

⁵¹ D.H. *De ant. orat.* I. О периодизации Дионисием классической ранней историографии: *Alganza Roldán M. Historiadores, logógrafos o mitógrafos?..* P. 7, 9, 18. См. статью К.К. де Йонге «Аттическая муза и азиатская блудница» (*de Jonge C.C. The Attic Muse and the Asian Harlot: Classicizing Allegories in Dionysius and Longinus // Valuing the Past in the Greco-Roman World / ed. by J. Ker, C. Pieper. Leiden; Boston, 2014. P. 388–409*); ср. во введении К.К. де Йонге и Р. Хантера к сборнику о Дионисии: *de Jonge C.C., Hunter R. Introduction // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. P. 5* (“The Attic Muse, which had been driven away by an Asian harlot after the death of Alexander the Great...”), 19, 20. См. Соболевский С.И. Дионисий Галикарнасский. С. 158–160 (здесь с. 158: «Но “аттическая Муза” умолкла, как говорит Дионисий, после смерти Александра Македонского (323 г.), точнее, со смертью Демосфена и Гиперида (322 г.), т.е. за 300 лет до времени Дионисия»); Осипова О.В. Древнегреческие историки в риторических трактатах Дионисия Галикарнасского // *Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. Т. 13. Санкт-Петербург, 2009. С. 462–466*; Yunis H. Dionysius’ Demosthenes and Augustan Atticism // *Dionysius of Halicarnassus and*

В другом трактате Дионисий описывает историю эллинской литературы как этапы регресса стиля: противопоставляет писателей древних (ἀρχαίοι), более поздних (μεταγενέτεροι) и последнего времени (χρόνῳ ἕστερον) (D.H. *De comp. verb.* IV. 29–31). Здесь же галикарнасский ученый называет имена более поздних историков, писавших с конца IV в. до н.э., в основном это авторы III–II веков: Филарх, Дурис, Полибий, Псаон, Деметрий Каллатийский, Иероним, Антилох, Гераклид, Гегесий Магнесийский и, как указывает ритор, «множество других» (ἄλλους μυρίους)⁵². Но его приговор суров: произведения эллинистических авторов даже и дочитать-то до конца стоит больших усилий, и все они недостойны подражания из-за скверного стиля⁵³.

Таким образом, анализируя в «Письме к Помпею» исторические произведения ἀνδρες ἐπιτηδειότατοι, созданные за три-четыре столетия до его времени, Дионисий как бы проводит своеобразный опыт

Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. P. 87: "...into an epochal narrative of original glory (classical Athens), descent into depravity and chaos (Hellenistic Asianism following Alexander's death)..." К дискуссии о классицизме, аттицизме и азианизме см. в известной работе Т. Гельцера: *Gelzer T. Klassizismus, Attizismus und Asianismus // Le classicisme à Rome aux Iers siècles avant et après J.-C. / Hrsg. von H. Flashar. Vandoeuvres-Genève, 1979. S. 1–55; дополнительно по проблеме: Hidber T. Das klassizistische Manifest des Dionys von Halikarnass. Die Praefatio zu De oratoribus veteribus: Einleitung, Übersetzung, Kommentar. Stuttgart; Leipzig, 1996; Reid R.S. Dionysius of Halicarnassus's Theory of Compositional Style and the Theory of Literate Consciousness // Rhetoric Review. Vol. 15. 1996. № 1. P. 46–64; de Jonge C.C. Between Grammar and Rhetoric. Dionysius of Halicarnassus on Language, Linguistics and Literature. Leiden; Boston, 2008; Wiater N. The Ideology of Classicism...; Wiater N. Getting Over Athens: Re-Writing Hellenicity in the Early Roman History of Dionysius of Halicarnassus // The Hellenistic Reception of Classical Athenian Democracy and Political Thought / ed. by M. Canevaro, B. Gray. Oxford, 2018. P. 209–235; de Jonge C.C., Hunter R. Op. cit. P. 18–21 (с обзором литературы); Yunis H. Dionysius' Demosthenes and Augustan Atticism; de Jonge C.C. Dionysius and Horace...*

⁵² D.H. *De comp. verb.* IV. 30. Дионисий гиперболизирует: «мне не хватило бы дня, если бы я захотел перечислить все имена (поздних историков, которые уступают ἀρχαίοι предшественникам. — А.С.)».

⁵³ Ср.: *Осипова О.В. Древнегреческие историки... С. 462; Matijašić I. Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography: Imitation, Classicism, and Literary Criticism. Berlin; Boston, 2018. P. 73, 85 f., 115, 214 f., n. 124; Осипова О.В. Дионисий Галикарнасский об «историческом» стиле // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. Т. 23. Санкт-Петербург, 2019. С. 828–833, здесь с. 829, 830 и прим. 3.*

теоретической «археологии»⁵⁴. Как уже было сказано, ученый анализирует не только сочинения историографов, но и широкий спектр текстов философов и ораторов, поскольку в трактате обсуждаются проблемы стиля классических (преимущественно аттических) авторов, а I и II главы «Письма» можно назвать «платоновскими»⁵⁵.

Дионисий убежден в том, что каково сочинение, таков и его автор, что всякий историк раскрывает себя как человек искренний, справедливый, нравственный и рассудительный, либо напротив, историописатель демонстрирует иные качества. В любом историческом произведении непременно обнаруживаются склонности личного характера создателя (D.H. *EPG*. III. 15; и ср. D.H. *De Thuc*. VIII. 2). И, как представляется, в риторико-филологической «археологии» Дионисия Галикарнасского присутствует не только научно-исследовательский интерес, связанный с анализом трудов писателей прошлого, но и нацеленность на настоящее — как в литературном, так и в общекультурном аспектах⁵⁶.

6. Литературный агон, растянувшийся во времени (наблюдения и выводы)

В данной работе не затрагиваются проблемы оригинальности суждений Дионисия⁵⁷, не обсуждаются принципы его литературной критики, дихотомия риторики и историографии в творчестве

---

⁵⁴ *Соболевский С.И.* Дионисий Галикарнасский. С. 159 (+ прим. 12), 160.

⁵⁵ Обсуждение см. в первой части: *Синицын А.А.* Историки, историография и историко-риторический агон... С. 183 слл., 189 слл.

⁵⁶ Ср. замечание А.В. Махлаюка: «Дионисий Галикарнасский, в свою очередь, связывал с установлением римской власти над греческим Востоком возрождение эллинской культуры, в частности, обращение к аттической классике, расцвет красноречия, появление многочисленных исторических и философских трудов» (*Махлаюк А.В.* Вторая софистика, историческая память и греческий патриотизм в эпоху Римской империи // *Номо omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова* / Под ред. А.В. Белоусова, Е.В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 385–386, с цитатой в прим. 81 из D.H. *De ant. orat.* III).

⁵⁷ Ср. суждение С.В. Меликовой-Толстой: «...Дионисия Галикарнасского, человека... совершенно не самостоятельного, довольно многочисленные сочинения которого не представляют ничего оригинального, но неплохо суммируют и очень верно передают господствовавшие в то время тенденции» (*Меликова-Толстая С.* Античные теории художественной речи // *Античные теории языка и стиля* / Под ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л., 1936. С. 165–166).

галикарнасского ученого⁵⁸, проблемы классицизма в литературе и литературной теории эпохи Августа⁵⁹. Кратко представив структуру «Письма к Помпею» и последовательность сравнений ритором лучших из древних авторов, писавших до него, отмечу один момент, исходя из контекста произведения.

В рассматриваемом трактате Дионисий Галикарнасский не просто указывает различные виды стиля писателей V–IV вв. до н.э., он их анализирует, сопоставляет и дает оценки, выделяя сильные и слабые стороны произведений. При этом, как уже было сказано, Платон, по мнению критика, стоит ниже Демосфена в плане возвышенности слога (II. 8), Демосфен же подражает Фукидиду (III. 20); Платон находится под влиянием Горгия и Фукидида, а Фукидид по многим параметрам уступает в мастерстве Геродоту⁶⁰. Что же касается философствующего историка Ксенофонта, то он попросту не дотягивает до уровня и Фукидида, и Геродота⁶¹. По «шкале» Дионисия (которому, конечно же, были доступны в полном объеме труды многих раннеионийских синграфов, «праотцов истории», и критик мог сравнивать эти тексты), сочинение

---

⁵⁸ Относительно дискуссии о риторике и историографии в античности (за пределами Дионисия Галикарнасского) см. интересную работу: *Schorn S. Rhetorik und Historiographie // Handbuch Antike Rhetorik / hrsg. von M. Erler, Chr. Tornau. Berlin; Boston, 2019. P. 627–654.* В связи с взглядами Дионисия: *Meins F. Paradigmatische Geschichte: Wahrheit, Theorie und Methode in den "Antiquitates Romanae" des Dionysios von Halikarnassos. Stuttgart, 2019; Viidebaum L. Creating the Ancient Rhetorical Tradition. Cambridge, 2021.*

⁵⁹ См.: *Wiater N. The Ideology of Classicism...; Hunter R.L. Dionysius of Halicarnassus and the Idea of the Critic // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. P. 37–55; Wiater N. Experiencing the Past: Language, Time and Historical Consciousness in Dionysian Criticism // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019.*

⁶⁰ См.: *Grube G.M.A. Dionysius of Halicarnassus on Thucydides // Phoenix. Vol. 4. 1950. № 3. P. 95–110; Grube G.M.A. The Greek and Roman Critics. London, 1965. P. 209–211.*

⁶¹ Анализируя критерии, которые Дионисий Галикарнасский применял для шедеврального историописания, К. Шультце отмечает: "As regards the depiction (μίμησις) of emotion and of character, Dionysius awards Thucydides the palm for the former, Herodotus for the latter (*Pomp.* 3.18). Xenophon falls short here (*Pomp.* 4.4), while Theopompus' understanding of 'the emotions of the soul' is outstanding (*Pomp.* 6.7–8)" (*Schultze C. Ways of Killing Women: Dionysius on the Deaths of Horatia and Lucretia // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: Rhetoric, Criticism and Historiography / ed. by R.L. Hunter, C.C. de Jonge. Cambridge, 2019. P. 178).*

«отца истории» превосходит труды Харона и Гелланика, а вот Феопомп не уступает в искусстве стиля самому Демосфену и превосходит Исократу — двух «блистательнейших» ораторов прошлого.

Складывается впечатление, что, представляя всю эту галерею имен, Дионисий преподносит данное сравнение как *агон* писателей, их стилей, выбора ими тем своих произведений, учитывая напряженность повествования, обязательность отступлений от основной темы, умение вписывать увлекательные экскурсы в общую канву и т.п. Слово «агон» автор «Письма» здесь не использует, только однажды употребляет глагольную форму с корнем $\acute{\alpha}\gamma\omega\upsilon\upsilon\upsilon$ - в связи с историческим трудом Фукидида (см. цитированный выше пассаж D.H. *EPG*. V. 6). При анализе мастерства избранных писателей в трактате постоянно встречаются слова в сравнительной форме.

В другом критическом сочинении, которое специально посвящено Фукидиду, Дионисий, характеризуя общие черты ранних синграфов, «всех историков, бывших до Фукидида» ($\lambda\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\varsigma\ \omicron\iota\ \pi\rho\acute{\omicron}\ \Theta\omicron\upsilon\kappa\upsilon\delta\iota\delta\omicron\upsilon\ \gamma\epsilon\nu\theta\mu\epsilon\nu\omicron\iota\ \sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, *De Thuc.* XXIII. 1), отмечает, что все они проигрывают Геродоту⁶², труд которого представляет вершину эллинской историографии, но который, однако, лишен *агональности*. «Ни напряжение, ни спокойная мощь, ни страстность слов, ни яростная состязательность их ($\acute{\epsilon}\nu\alpha\gamma\omega\upsilon\upsilon\upsilon\omega\nu\ \pi\nu\epsilon\acute{\upsilon}\mu\alpha$), — все то, из чего складывается красноречие, — не будоражат ума. Геродот — единственное исключение. Он и в выборе слов, и в составлении, и в разнообразии фигур далеко превзошел всех остальных. Убедительностью, изяществом и крайней своей приятностью его проза уподобляется лучшей поэзии и обладает всеми прекраснейшими, ярчайшими достоинствами, за исключением состязательности ($\acute{\epsilon}\xi\omega\ \tau\acute{\omega}\nu\ \acute{\epsilon}\nu\alpha\gamma\omega\upsilon\upsilon\upsilon\omega\nu$). То ли Геродот по своей природе не обладал ею, то ли нарочно ее не применял, как неподобающую истории» (D.H. *De Thuc.* XXIII. 6–8)⁶³.

Один из существенных упреков Дионисия Фукидиду и Филисту состоит в том, что эти историки избирают для описания частные,

---

⁶² Сходным образом в том же сочинении см.: D.H. *De Thuc.* V. 4–5.

⁶³ См. комментарий Притчетта к этому пассажи: Pritchett W.K. Dionysius of Halicarnassus... P. 82–83, n. 36, ad loc. D.H. *De Thuc.* 23, со ссылкой на статью о Геродоте в OCD² (§ 11), авторы которой сравнивают стиль «отца истории» с непринужденной легкостью австрийского гения Моцарта: “Herodotus has suffered the fate which befell Mozart. His charm, wit, and effortless ease have diverted attention from the note of profound sadness and pity sounded not seldom in his History” (Denniston J.D., Pearson L. Herodotus [11] // The Oxford Classical Dictionary. 2nd ed. / ed. by N.G.L. Hammond, H.H. Scullard. Oxford, 1970. P. 509).

местные, мелкие темы, их интересует локальная история, причем суженная до исследования одной конкретной темы (как, например, у Фукидида — Пелопоннесская война, современником, очевидцем и участником которой он был); они не создают масштабных сочинений по «всемирной» истории, которые бы описывали международные дела и охватывали длительный промежуток времени, как это у Геродота и некоторых других историков. При этом Геродот включает в свое эпическое историописание различные экскурсы, подобно «первоисторику» Гомеру (D.H. EPG. III. 11).

Галикарнасский грамматик демонстрирует в своем труде не придиричивую и недоброжелательную «Зоилу критику» (традиция восприятия которой греческими и римскими учеными уже сложилась к I в. до н.э.), но ратует за объективный анализ и агонистику с условиями, которые равны для всех риторов прошлого и настоящего. Да и Зоил, пресловутый хулитель Гомера и Платона, с позиции Дионисия, оказывается одним из участников этого бесконечного литературного соперничества. Дионисий не является «Платономастиком» или «Фукидидомастиком», но, указывая на слабые (по его мнению) места сочинений великих предшественников, он позиционирует себя сугубо как исследователь — внимательный, строгий, беспристрастный. И при этом его подход сугубо критический. Сопоставляя ἀγαθοὺς ἀγαθοῖς одних τῆλικότων ἄνδρες с другими, писатель-грамматик сам соучаствует в этом едином агоне.

Труд Дионисия не является филологической «археологией», в смысле изучения древностей (пусть и наиболее достойных, классических) ради самих древностей, поскольку автор всюду показывает актуальную полемику. И практическим воплощением состязания с достойнейшими греческими историками стали «Римские древности» Дионисия Галикарнасского.

Представляя галерею классических писателей, ритор как бы сам соревнуется с творцами прошлого. Искусность в мастерстве слова он изображает как своеобразный агон — растянувшийся во времени, длящийся через века и эпохи, состязание друг с другом историков, философов, ораторов. Дионисий ограничивает круг лучших писателей, и сам вступает в него. Критик-агонист заявляет, что в ученой риторике для него «истина дороже», и выдвигает условия, по которым предлагает судить древних коллег «по цеху». При этом Дионисий осознает, что и его будут судить по тем же критериям, которые он сам сформулировал и использовал в своем критическом сочинении⁶⁴.

---

⁶⁴ За помощь литературой благодарю Ю.Н. Кузьмина (Самара), В.П. Никонорова (Санкт-Петербург), М.Я. Ольбрыхта (Жешув, Польша).

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

АМА –	Античный мир и археология. Саратов
АВПРИ –	Архив внешней политики Российской империи
ВДИ –	Вестник древней истории, Москва
ВПР –	Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы
ГА РФ –	<i>Государственный архив Российской Федерации.</i>
ГА СО –	Государственный архив Саратовской области.
ГАНИСО –	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ГАКО –	Государственный архив Калужской области
ГАПК –	Государственный архив Пермского края
ГЖУ –	Главное жандармское управление
ГКО –	Государственный Комитет Обороны
ГОЭЛРО –	Государственный план электрификации Советской России
ЖПУЖД –	Железнодорожное полицейское управление Закавказских железных дорог
ИЯКФ –	Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. Санкт-Петербург
КГЖУ –	Калужское губернское жандармское управление
МВТУ –	Московское Высшее техническое училище
МГУ –	Московский государственный университет
НМ РБ –	Национальный музей Республики Башкортостан
НОЦ –	Научно-образовательный центр
ПИ –	Платоновские исследования. Москва; Санкт-Петербург
ПСС –	Полное собрание сочинений.
РГАЛИ –	Российский государственный архив литературы и искусства.
РИО	Российское императорское общество

РСДРП –	Российская социал-демократическая рабочая партия
ПСЗРИ –	Полное собрание законов Российской империи
РГВИА –	Российский государственный военно-исторический архив
СГПИ	Саратовский государственный педагогический институт
РПЦ –	Русская православная церковь
ФГОС -	Федеральный государственный образовательный стандарт
УЗ ГГУ -	Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 26

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*
Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, С.Н. Берднов*

Подписано в печать 30.09.2023. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 11,8. Тираж 100 экз. Заказ № 40868.

Типография «Техно-Декор».
410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 77-08-48
e.mail: t-d@list.ru